КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

АПРѢЛЬ

1896 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LIII, 1896 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

ОТДѢЛЪ I-й.

СТР.

I. ПИСЬМА ПРОТОІЕРЕЯ АРСЕНІЯ ЛЕБЕДИНЦЕВА, б. БЛАГОЧИННАГО ЦЕРКВЕЙ ЮЖНАГО БЕРЕГА КРЫМА, КЪ ПРЕОСВЯЩЕННОМУ ИННОКЕНТІЮ, АРХІЕПИСКОПУ ХЕРСОНСКОМУ И ТАВРИЧЕСКОМУ, СЪ ДОНЕСЕНІЯМИ О ХОДѢ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ И СОСТОЯНІИ ЦЕРКВЕЙ И ДУХОВЕНСТВА ВО ВРЕМЯ 11-ТИМѢСЯЧНОЙ ОСАДЫ СЕВАСТОПОЛЯ. *(Окончаніе слѣдуетъ).* 1—37, 146—175, 279—306

II. ХАРЬКОВСКОЕ ОБЩЕСТВО БЛАГОТВОРЕНІЯ ВЪ 1812—1817 г.г. Историческій очеркъ. **В. Лапина.** *(Окончаніе слѣдуетъ).* 38—70, 128—145. . . . . 328—343

III. ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО СЛОБОДСКОЙ УКРАЙНЫ. *(Окончаніе слѣдуетъ).* 71—84 . . . . . 206—224

IV. ЛѢВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА ВЪ XV—XVII СТ. Очеркъ колонизаціи. **Н. М.** *(Окончаніе)* 85—101, 249—267. . . 369—379

V. ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ НЕДОРАЗУМѢНІЕ. (О формѣ им. п. мн. ч. прилагательныхъ въ малорусскомъ яз. на—*ое* и т. п.). **К. Михальчука.** . . . . . 102—125

СТР.

VI. ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ НИЩИНСКІЙ. (Некрологъ). . . . . 126—128

VII. МАЙСКІЯ РЕКРЕАЦІИ ВЪ БУРСѢ. (Изъ воспоминаній). **П. Борзаковскаго.** . . . . . 176—205

VIII. СКИТАЛЬЧЕСКАЯ СУДЬБА ВОЛЫНСКОЙ СЕМИНАРІИ. **Константина Храневича.** . . . . . 225—248

IX. С. А. БЕРШАДСКІЙ. . . . . 268—278

X. СЕРБЫ ВЪ ГЕТМАНЩИНѢ. Историческая повѣсть. **А. Полницкаго.** *(Продолженіе слѣдуетъ).* . . . . . 307—327

XI. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ИВАНА РОМАНОВИЧА МАРТОСА. (1817—1830 г.г.) **А. Лазаревскаго.** . . . . . 344—368

XII. ЮЖНОРУССКАЯ ПАСХАЛЬНАЯ ДРАМА **Мирона.** *(Окончаніе слѣдуетъ).* . . . . . 290—412

ОТДѢЛЪ II-й.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. а) Время написанія Шевченкомъ картины «Катерина». б) Договоръ прихожанъ съ причтомъ о замѣнѣ платы за требоисполненіе опредѣленнымъ жалованьемъ, 1834 г. **А. Л.** в) Къ свѣдѣніямъ о старой малорусской школѣ. **А. Л.** г) Къ исторіи кіевскихъ женскихъ монастырей. **Гл. Л.** д) Царскій посланникъ и панскій управитель. **Ор. Левицкаго.** е) Изъ недавняго прошлаго. ж) Къ исторической топографіи Печерска и Клова. **Н. Петрова.** з) Къ біографіи Аѳанасія Заруцкаго. **Ал. Маркевича.** и) Маленькое объясненіе. **В. Науменка.** і) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. к) Самсоніевскій фонтанъ. **Н. Петрова.** л) Взятіе и разореніе Запорожской Сѣчи въ маѣ 1709 г. Сообщ. **Н. Бѣляшевскій.** м) «Дитя не человѣческаго подобія, но бѣсовскаго». **Д. Вишневскаго.** н) О Кіевскомъ Трехсвятительскомъ монастырѣ. **П. П—скаго.** о) Рекреаціонный діалогъ. **О. Л.** п) Путешествіе малороссійскаго іеромонаха Тарасія Каплонскаго въ Италію въ 1697 г.

СТР.

О. Л. р) Бумаги государственнаго архива въ Стокгольмѣ по дѣламъ Малороссіи. с) Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. т) Заказъ Московскаго правительства Кіево-печерской типографіи 1669 года. у) Средства содержанія профессоровъ Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII вѣка. **Д. Вишневскаго.** ф) Козачья служба въ гетманство Разумовскаго. **А. Л.** х) Къ исторіи малорусскаго духовенства **А. Л.** ц) Вниманію фотографовъ-любителей. **Н. Бѣляшевскаго.** ч) Раввинскія книги временъ Хмельницкаго. Сообщ. **М Затуловскій.** 1—23, 33—54. . . . . 73—100

II. БИБЛІОГРАФІЯ. а) L'Anthropologie—Tome sexiéme, année 1895. **В. А.** б) П. Тутковскій. Юго-Западный край. Естественно-историческіе и географическіе очерки. Выпускъ 2-й. в) Галицко-русская библіографія XIX столѣтія съ увзглядненіемъ русскихъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ. Составилъ Иванъ Ем. Левицкій. 2 тома. **А. Л.** г) Куліш Олелькович Панько. Дзьвин. Староруські думы й сьпіви. Женева. **В. Науменка** д) Св. Е. Сѣцинскій. Историческія свѣдѣнія о приходахъ и церквяхъ подольской епархіи. **В. Антоновича.** е) Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга десятая. Издана подъ редакціей В. З. Завитневича. **Н. В.** ж) Записки наукового товариства імени Шевченка. Виходить у Львові під редакцією Михаила Грушевського. **Н М.** з) Juliusz Starkl. Łowictwo. Zygm. Fiszer. Rybactwo. (Powszechna wystawa krajowa 1894 r. i siły produkcyjne kraju. Tom II, zeszyt 7). **Н. М.** и) I. Rocznik Kółka Naukowego Tarnopolskiego za rok 1892 II. Rocznik Kółka Naukowego Tarnopolskiego za rok 1893. **Е.** К. і) Жизнь и труды М. П. Погодина. Ник. Барсукова. Кн. десятая. к) Отношеніе между Запорожьемъ и Крымомъ. Л. Львова. л) Bibliografia historyi polskiej. Wspólnie z dr. Henrykiem Sawczyńskim i członkami Kółka historycznego uczniów Uniwersytetu. Lwow. zebrał i ułożył dr. Ludwik Finkel. Część

СТР.

II.—Zeszyt I. и) Г. Радкевичъ. Библіографическій указатель литературы по геологіи губерній кіевскаго учебнаго округа: кіевской, волынской, подольской, черниговской и полтавской стр. 1—73. П. А. н) Складка(.) Альманахъ(.) На спомынъ Владымыра Степановыча Александрова. Року Божого 1899. Спорудывъ К. А. Билиловськый. Выдання Левка Григора. **М. Кононенка.** 24—32, 55—72. . . . 101—112

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА «КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ» *(въ конць книги)* 1, 1. 1

ОБЪЯВЛЕНІЯ. . . . . 1—3

III. ПРИЛОЖЕНІЕ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Часть третья. (257—272), (273—288), (289—304).

2) Любецкій Архивъ. (161—176 145—160).

Письма протоіерея Арсенія Лебединцева, б. благочиннаго церквей южнаго берега Крыма, къ преосвященному Иннокентію, архіепископу Херсонскому и Таврическому, съ донесеніями о ходѣ военныхъ дѣйствій и состояніи церквей и духовенства во время 11-тимѣсячной осады Севастополя [1]).

1855 годъ.

Письмо 1-е.

1-е января 1855 г. Въ полночь на новый годъ была изъ 3-го бастіона вылазка въ числѣ 300 охотниковъ. Непріятели бѣжали не только изъ первыхъ двухъ траншей, но даже изъ третьей. Много ихъ перекололи и 18 человѣкъ взяли въ плѣнъ. Нашихъ 2 убито, 2 упало въ колодезь и болѣе 10 ранено. Вслѣдъ за симъ открылась съ обѣихъ сторонъ канонада. Такимъ образомъ, новый годъ мы встрѣтили громомъ и молніями. Съ ночи былъ крѣпкій морозъ съ сѣвернымъ вѣтромъ, днемъ снѣжило при небольшой оттепели.

2-е января. Ночью вылазка съ 4 бастіона. Она исполнена тихо, даже безъ ружейнаго выстрѣла. Дѣло дѣлали штыками и молча, даже безъ обычнаго ура. Привели 8 плѣнныхъ, взяли 27 ружей и 6 штуцеровъ; о числѣ убитыхъ непріятелей не слышалъ, наша потеря въ 5 убитыхъ. Ночью выпалъ большой снѣгъ и продолжалъ идти въ теченіе дня.

3-е янв. Морозъ постепенно увеличивается; вѣтеръ постоянно сѣверный. Съ утра была мятель; съ полдня—тихо и ясно.—Архимандритъ Герасимъ выѣхалъ обратно въ Одессу.

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1896 г., № 3.

4-е янв. Съ полночи большая мятель при сѣверномъ вѣтрѣ и большомъ морозѣ. Очень, очень холодно. По всему зима у насъ полная. Вѣрно непріятели плачутъ; впрочемъ еще терпѣніе имѣютъ, которому, безъ сомнѣнія, скоро будетъ конецъ. Каждый день есть нѣсколько бѣглецовъ изъ непріятельскаго лагеря.

Къ 6-му января ожидаютъ возвращенія вел. князей, которые въ дорогѣ и, м. б., уже не далеко отъ насъ. Не опять ли съ ихъ пріѣздомъ начнутся наши наступательныя дѣйствія? Дай Господи, чтобы только были счастливѣе прежнихъ!

Генералъ Липранди стоитъ на Бельбекѣ, на Чоргунской позиціи—генералы Кирьяковъ и Жабокрицкій. Всѣ высоты Инкерманскія, противолежащія непріятелю, тамъ именно, гдѣ нашъ скитъ Инкерманскій, покрыты батареями съ орудіями большого калибра. Безразсудно будетъ усиліе непріятелей перейти на сѣверную сторону и загладить старую ошибку. Имъ остается или въ море, или въ руки наши.

Къ вечеру становится сегодня еще холоднѣе. Какъ бы не замерзъ въ дорогѣ о. Герасимъ! И пришло ему на старость искушеніе послужить еще во флотѣ... Я еще не слышалъ, какъ онъ кому показался, но думаю, что на него посмотрѣли или съ улыбкой, или съ сожалѣніемъ. Да онъ никому и не являлся, кромѣ Сакена, котораго пріемомъ очень доволенъ и отъ котораго получилъ подорожную даже до Кіева. Былъ также и у адмирала Нахимова—сослуживца своего, у котораго, кажется, выпросилъ денегъ на молитвы. Кажется, старикъ совершенно истощилъ въ дорогѣ казну свою, ибо, не имѣя денегъ для обратнаго пути, предлагалъ мнѣ серебряный молочникъ. Могъ ли я помочь ему теперь, когда думаемъ не о серебрѣ, а о насущномъ хлѣбѣ, который со дня на день труднѣе и труднѣе? франзоля-булка стоитъ 10 к. сер., фунтъ говядины 7 к., ведро водки 10 руб., сахара фунтъ 60 к., и нѣтъ его въ городѣ; все это отъ крайней трудности путей крымскихъ. Сколько я ни убѣждалъ архимандрита остановиться въ Бахчисарайскомъ скиту до лучшаго по крайней мѣрѣ времени, слушать старикъ не хочетъ. „Тамъ уже легъ одинъ архимандритъ, и мнѣ того желаете, не хочу. Я хочу жить въ Кіевской лаврѣ“.

До лучшихъ дней я не могу представить отчетности за истекшій годъ. Церкви: Евпаторійская, Кадиковская, Каранская и Севастопольская-кладбищенская не во власти нашей; разорена Комарская и самая деревня не существуетъ. Съ Бахчисараемъ и Мангумами, при теперешнихъ путяхъ и нуждахъ, почти не имѣю сообщенія; притомъ тюковъ съ книгами и вообще съ тяжелою корреспонденціею на почтѣ не принимаютъ. У меня есть сумма только своей церкви, да и та мнѣ нужна въ обезпеченіе неизвѣстной нашей будущности. И какъ цифра по моему собственно вѣдомству будетъ непримѣтна въ общей цифрѣ годовой по всей епархіи, то я не могу послужить консисторіи большимъ препятствіемъ въ годовой отчетности. Да это и не секретъ, который, м. б., оговоренъ. Впрочемъ и въ семъ да будетъ святая воля ваша надо мною.

4 января 1855 г., г. Севастополь.

Письмо 2-е.

Прежде чѣмъ вступлю въ принятую форму письма, замѣчу обстоятельство, мною нечаянно пропущенное. Во время освященія воды, 6-го января, надъ самый, устроенный на Екатерининской пристани, Іорданъ слетѣлъ орелъ и держался до исполненія стиха: „во Іорданѣ крещающуся тебѣ, Господи“ Орелъ замѣченъ всѣми, даже начальствующими лицами.

8-е января. Пальба раздается днемъ, какъ и ночью, въ которую была вылазка съ 5 и 6 бастіоновъ. Вылазка была значительнѣе прежнихъ—изъ 600 человѣкъ, въ которой участвовали и полковые командиры. Но встрѣтились съ большимъ также числомъ непріятелей: потому дѣло вышло жаркое; потеря наша простиралась до 70 человѣкъ; убитыхъ впрочемъ 4, прочіе ранены. Французовъ (ибо на нихъ собственно была вылазка) привели 8 и 1 офицера.

Отъ Комовскаго, секретаря кн. Меньшикова, принесли мнѣ отвѣтъ, что письмо о. Геронтія [1]) послано, но отвѣта не было. Думаютъ, что отвѣчать не позволяютъ непріятели.

[1]) Архимандриту Балаклавскаго монастыря.

9-е января. Ночью и днемъ огонь тише. Непріятели устали, мстя за вылазку.

Пасмурно, туманно, температура очень теплая. Особеннаго ничего не слышно.

10-е января. Тихо, но пасмурно, снѣгъ исчезъ; испаренія подымаются отъ земли облаками.

Огонь непріятельскій и нашъ слабы. Наши стрѣляютъ лишь по работамъ непріятельскимъ.

Корнилова бастіонъ мѣсяца два молчитъ, съ небольшимъ исключеніемъ, но укрѣпленъ такъ, что, какъ говорилъ мнѣ дѣльный артиллерійскій офицеръ, для одного этого бастіона потребовалось бы непріятелей 50 тысячъ. Главное: мѣстность высокая и окружена глубокими балками.

Былъ я на перевязочномъ пунктѣ для исповѣди и причастія офицера флотскаго, который для сего потребовалъ именно меня, хотя тамъ іеромонахи содержатъ дежурство. Онъ въ послѣдней вылазкѣ раненъ въ грудь на вылетъ, а былъ прежде въ 3-хъ вылазкахъ. Доктора даютъ надежду на выздоровленіе, но Богъ вѣсть. Подлѣ него лежитъ родной братъ, тяжело контуженный. Встрѣча братьевъ на перевязочномъ пунктѣ — не рѣдкость. На Алмѣ два брата пали отъ одного ядра. Еще одинъ, больной (безъ руки) офицеръ, котораго бы я и не примѣтилъ, самъ зоветъ „батюшка, дайте поцѣловать крестъ“. Какое утѣшеніе—вѣра!

11-е января. Морозъ. День тихій и ясный. Батареи не молчали.

Сегодня былъ я у генерала Сакена. Когда я объяснилъ ему, что на письмо мое отъ 17-го декабря доселѣ нѣтъ изъ монастыря отвѣта, то онъ съ улыбкой замѣтилъ, что, можетъ быть, оно не послано, и посовѣтовалъ мнѣ написать другое, которое онъ самъ пошлетъ. Я сдѣлалъ это немедля и подалъ. Жду отвѣта съ большою надеждою.

Нѣсколько резервныхъ баталіоновъ уже пришли; 10-я дивизія совершенно укомплектована.

12-е января. День ясный съ самаго восхода солнца и тихій. Отъ испареній горизонтъ не далеко чистъ. Огонь слышенъ лишь съ нашихъ батарей, и то мортирный, которымъ

обыкновенно мѣшаютъ работамъ непріятельскимъ. Пользуясь погодою, опять роются и окапываютъ свою позицію. По немногу перебѣгаютъ. Принесли на носилкахъ турка перебѣжавшаго. Онъ жестоко наказанъ по пятамъ, и потому бѣжалъ. Удивительно впрочемъ, какъ онъ послѣ этого могъ бѣжать.

Разсказывали двѣ пріятныхъ вѣсти: 1, что войска наши пошли въ Байдары, чтобы движеніемъ оттуда, когда понадобится, отрѣзать непріятеля отъ Балаклавы; 2, что чрезъ 8 дней долженъ быть или миръ, или рѣшительныя дѣйствія.

13-е января. День, подобно вчерашнему, ясный и тихій послѣ ночнаго мороза.

Пальбы мало слышно было. Теперь чаще огонь штуцерный, который не нарушаетъ общаго спокойствія.

Послѣ нѣсколькихъ дней хорошей погоды цѣны на предметы продовольствія немного уменьшились.

14-е января. Великихъ князей ожидаютъ съ часу на часъ. Думаютъ впрочемъ, что, м. б., они выѣхали изъ столицы 2-го января, какъ было писано.

Представляемый мною староста—церковный—человѣкъ отличный для этой должности.

14 января 1855 г. г. Севастополь.

Письмо 3-е.

14-е января. Послѣ ночного мороза въ 4-е градуса, день тихій и ясный.

Сказывали, что вчера съ французскаго лагеря былъ парламентеръ съ предложеніемъ о перемиріи потому будто бы, что они скоро ожидаютъ парохода съ депешами о самомъ мирѣ. Ему отказано.

Сегодня летали бомбы въ городъ не потому ли, что отказано въ перемиріи? Одна бомба лопнула недалеко отъ моей церкви, и осколокъ провизжалъ надъ самою церковью, при окончаніи литургіи.

Вчера въ 4-хъ крытыхъ подводахъ прибыли сестры милосердія.

Вчера же привезена изъ Симферополя діакономъ Строгановымъ Касперовская икона Божіей Матери, по желанію полковника Бутырскаго полка. Пожелали помолиться предъ нею и въ другихъ полкахъ, и икона осталась на нѣсколько дней.

Перебѣгающіе плѣнные умножаются. Чрезъ Инкерманскую рѣчку бредутъ съ оружіемъ въ рукахъ.

15-е января. День подобный вчерашнему или еще теплѣе. Выстрѣловъ не много слышно.

Опять слышится неудовольствіе на князя Меньшикова за его бездѣйствіе и очень плохіе отзывы о его способностяхъ къ дѣлу, которое ему поручено.

Въ 4-е часа ночи прибыли въ Севастополь великіе князья.

16-е января. Воскресенье. Утро очень пасмурное. Въ литургіи было людей не мало. Читанъ манифестъ. Ихъ Высочества изволили слушать литургію въ Михайловской церкви и потомъ посѣтили генерала Сакена.

Вечеромъ, когда смерклось, было передвиженіе полковъ для соединенія съ своими дивизіями. Замѣтно приготовленіе къ дѣлу, но ничего про то не знаемъ.

8-я дивизія пошла къ Евпаторіи, 9-я вступитъ въ составъ войскъ Севастопольскихъ.

17-е января. Ночью морозъ, утро и день довольно ясны. Отъ испареній погода сырая.

Слышалъ о новостяхъ, сдѣлавшихся извѣстными съ прибытіемъ великихъ князей. 1. Хотя дѣло заведено о мирѣ, но онъ сомнителенъ. Несомнѣнно только то, что Австрія входитъ съ Россіей въ тѣсный союзъ. 2. Государю Императору желательно, чтобы прежде чѣмъ будетъ миръ, князь Меньшиковъ проучилъ незванныхъ нашихъ гостей.

Сегодня непріятели много бросали бомбъ и ракетъ въ городъ. Бросаютъ разомъ изъ многихъ орудій, и ночью бомбы кажутся огненнымъ роемъ.

Вечеромъ въ 6-ть часовъ ракета огромной величины, освѣтивъ полетомъ мои комнаты, пробила крышу на вылетъ и, потерявъ на чердакѣ весь свой корпусъ, голову, съ адскимъ въ ней мозгомъ, унесла далѣе.

18-е января. День пасмурный. Выстрѣлы слышны и бомбы по временамъ заставляютъ содрогнуться, какъ сію минуту.

Ничего особеннаго еще сегодня не слышалъ и спѣшу на почту.

Отвѣта и на другое письмо нѣтъ изъ монастыря.

(Число не означено).

Письмо 4-е.

Письмо о. архимандрита Геронтія, вчера вечеромъ мною полученное, спѣшу послать Вамъ подлинникомъ. Сомнительно, впрочемъ, чтобы положеніе братіи въ самомъ дѣлѣ было такъ безбѣдно, какъ пишутъ. Сегодня я буду у генерала Сакена, и сегодня же отправлю просимый чай и свѣчи, если онъ найдетъ это удобнымъ.

Нѣсколько дней тому назадъ умеръ въ сѣверномъ укрѣпленіи іеромонахъ Палладій, братъ игумена Георгія, умеръ отъ тифозной горячки. Говорятъ, что эти братья имѣли небольшія деньги. Чемоданъ ихъ на митрополичьемъ подворьѣ, и когда нѣкоторые іеромонахи съ затопленныхъ судовъ поспѣшили въ монастырь, кто-то изъ усердія и ихъ чемоданъ взялъ въ монастырь, безъ вѣдома и согласія на то хозяевъ. Теперь, за лишеніемъ стяжанія, лишеніе родства. Скорбитъ старецъ весьма почтенный.

Въ городѣ довольно тихо. Ничего особеннаго нѣтъ и не слышалъ.

Успѣлъ побывать у Сакена. Всякую посылку, какого бы она вѣсу ни была, обѣщалъ послать.

Тамъ же видѣлъ я французовъ, взятыхъ на вылазкѣ бывшей ночью съ 3-го бастіона. Дѣла очень удачны. Плѣнные изъ новоприбывшаго незначительнаго секурса.

20 е января 1855 г. г. Севастополь.

Письмо 5-е.

Письмо Ваше отъ 14 января сокрушило меня малодушнаго не менѣе бомбы, пронесшейся надъ головою. Чувствую, что Ваше неудовольствіе и замѣчанія дѣлаются отечески и ми-

лостиво, но сокрушаюсь, что не могу или не умѣю въ настоящее время быть для Васъ хорошимъ слугою, при всемъ моемъ усердіи къ тому.

Вопросъ: что нового? въ Севастополѣ самомъ, о которомъ теперь весь міръ любопытствуетъ, на устахъ всѣхъ и каждаго, и, къ сожалѣнію, отвѣтъ на него почти всегда одинъ: ничего, ничего особеннаго. Вотъ была, отвѣчаютъ, вылазка, вотъ перебѣжало столько то непріятелей; вотъ, говорятъ, пришли наши подкрѣпленія; но чтожъ тутъ особеннаго? Это дѣлается и говорится съ самаго начала, а толку доселѣ никакого. Да и не будетъ никакого (это слышалъ своими ушами), пока будетъ главнокомандующимъ этотъ кн. Меньшиковъ, который до того секретенъ, что и дѣйствующіе, по его повелѣніямъ, какъ во тьмѣ ходятъ. Дистанціонный, напр., начальникъ, вице-адмиралъ Новосильскій съ нетерпѣніемъ ожидаетъ на бастіонѣ экипажнаго командира съ рапортомъ, чтобы спросить у него, что нового? Что слышно въ городѣ? Городскіе переѣзжаютъ на Сѣверную, гдѣ квартира главнокомандующаго и Ихъ Высочествъ, чтобы тамъ сдѣлать какое либо открытіе, и оттуда возвращаются не болѣе какъ съ предположеніями и надеждами. Говорятъ, будто главнокомандующій находится въ полной увѣренности, что скоро послѣдуетъ миръ, и тѣмъ объясняютъ его бездѣйствіе. Затѣмъ своими глазами мы видимъ только слѣдующіе предметы и явленія: линію непріятельскихъ батарей и траншей отъ Херсонеской киновіи кругомъ города до пороховой балки; на половинѣ морскаго пути въ Инкерманъ, противулежащую имъ паралель нашихъ батарей и бастіоновъ, изъ коихъ только съ 4-й (что за театромъ, у монастырской дороги) огонь никогда не умолкаетъ; на улицахъ повозки съ турами, фашинами и снарядами, подвозимыми къ батареямъ; солдатъ снующихъ взадъ и впередъ съ хлѣбомъ или кашицей въ манеркахъ и котлахъ; двѣ части домовъ въ городѣ, упраздненныхъ отъ жителей и занятыхъ солдатами (не исключая богато отдѣланныхъ домовъ Волохова и Ив. Мак. Красильникова), и одну часть города, представляющую развалины Херсонеса. Впрочемъ этотъ послѣдній видъ произошелъ не все отъ бомбъ и ядеръ непріятельскихъ, а частію отъ

рукъ солдатъ, коимъ въ пустыхъ домахъ не возбраняется добывать дрова на топливо. Тѣмъ же топливомъ пользуются отчасти и жители: ибо арестанты носятъ по дворамъ вязанки, заготовленныя изъ дверей, рамъ, подоконниковъ и всего, что бываетъ въ зданіи сожигаемаго. Не измѣнила своего вида (кромѣ баррикадъ на улицѣ) только часть города отъ церкви моей до Екатерининской пристани, и взгорье до Библіотеки. И вотъ все, что собственными очами видимъ и руки наши осязаютъ, то и могу намъ повѣдать о Севастополѣ. Еще: гора, по которой расположенъ городъ и которая отдѣляется отъ другихъ частей города нашего большою улицею, также коронована батареями, на случай бы передовая линія была сбита. Батареи устроены въ дворахъ и на двухъ площадкахъ, также у памятника Казарскаго.

Отчетъ въ свѣчный комитетъ посылаю завтра же, и въ консисторію не далѣе сего же мѣсяца. Богъ съ ними! скажу, чтобы не распространяться о причинахъ моего замедленія.— Вашу мысль о церкви на мѣстѣ и на память Инкерманскаго сраженія передамъ кому нужно, и о послѣдующемъ извѣщу. Но тѣла убитыхъ тамъ и умершихъ отъ ранъ, въ томъ числѣ и генерала Соймонова, похоронены на Сѣверной, гдѣ общее теперь кладбище всѣхъ павшихъ при защитѣ Севастополя; потому здѣсь особенно, на мѣстѣ упокоенія, нужна будетъ церковь, которая необходима и для живущихъ тамъ жителей и для пріѣзжающихъ (настоящій привозъ у насъ на Сѣверной). Въ монастырь просимая посылка послана при письмѣ. Сакенъ писалъ отъ себя генералу Канроберу и благодарилъ его за благосклонность къ обители и попеченіе о ней.

20-го января отъ офицера, который, какъ знатокъ нашей мѣстности, былъ приглашенъ къ Сакену сего же числа для объясненія оной на планѣ, узналъ я, что изъ Петербурга полученъ планъ всего непріятельскаго лагеря, составленный самими непріятелями, подробно представляющій всѣ укрѣпленія ихъ лагеря отъ Херсонеса до Балаклавы и Инкермана. Планъ съ французскимъ текстомъ, и вѣроятно присланъ изъ самаго Парижа. „О продажный городъ“, можно сказать объ этомъ Римѣ.

Не предпримутъ ли чего теперь по готовому плану? Кажется, ибо когда этотъ офицеръ вызвался вылѣпить всю окрестную мѣстность изъ воску, то Сакенъ замѣтилъ, что время не позволяетъ ожидать. Грознѣе всего укрѣплены Сапунъ гора и Балаклава, вообще тылъ лагеря. Каракскія высоты также сильно укрѣплены.

22-го января, въ 9 часовъ вечера, взорвали непріятельскую мину, которую вели къ 4-му бастіону; такимъ образомъ трехмѣсячная ихъ работа уничтожена. Никакой тревоги по этому случаю не произошло, хотя съ нашей стороны были приготовлены для отраженія.

Между морскими и сухопутными войсками есть зависть и рвеніе, которыя возбуждены особенно Высочайшимъ манифестомъ Черноморскому флоту; князь на сторонѣ флота, а Сакенъ—арміи.

23-го января. Митрополиту исполнилось 84 года. До ста легко доживетъ старецъ.

Ихъ Высочества слушали литургію въ Михайловской церкви.

Кромѣ и теперь продолжающейся сильной пальбы съ 4-го бастіона, ничего особеннаго не слышу и не имѣю сообщить. Простите и благословите.

25-е января 1855 г. г. Севастополь.

Письмо 6-е.

25-е января. Сегодня, какъ я узналъ уже послѣ обѣда, въ Михайловской церкви, вслѣдствіе распоряженія генерала Сакена, служили благодарственный молебенъ по случаю [1]) успѣшнаго отраженія бомбардировки и осады непріятельской. Данъ былъ приказъ, чтобы для сего отъ каждой роты явилось по одному человѣку изъ генераловъ и офицеровъ, кто можетъ. Молебенъ служилъ одинъ только іеромонахъ, тогда литургисавшій. Больше духовенства не было въ церкви; можетъ быть, не было оповѣщено о томъ.—Сказываютъ, что оберъ-священ-

[1]) Исполненія 120 дней защиты Севастополя.

никъ для настоящаго времени назначилъ для всего своего духовенства,—морскаго и сухопутнаго, старшаго священника Владимірскаго полка, протоіерея Петра Мацкевича.

26-е января. Все встревожилось слухомъ имѣющей открыться со стороны непріятелей новой бомбардировки, такъ что семейные офицеры нѣкоторые, получивши было на нѣсколько дней отпускъ въ Симферополь, отказались отъ своихъ отпусковъ, чтобы не утерять дорогаго времени. Мнѣ не могли объяснить причины этой тревоги сами тѣ офицеры, коихъ она остановила отъ поѣздки. Одинъ отвѣтъ: „по всему видно“. 26-го же января нечаянно, но пріятно изумлены были взрывомъ другаго рукава непріятельской мины, которую вели на 4-й бастіонъ нашъ. Неизвѣстно, хотѣли ли они взорвать нашу мину, которая была только въ 6-ти саженяхъ, или это случилось отъ неосторожности ихъ. Но взрывъ былъ большой и весь обратился на самихъ же непріятелей, вѣроятно, съ немалымъ вредомъ.

27-е января. Узнавъ, что сестры милосердія водворились и получили отъ придворной конторы Ея Высочества, в. кн. Елены Павловны увѣдомленіе о назначенныхъ къ общинѣ Вашимъ Высокопреосвященствомъ духовникахъ, я вошелъ съ ними въ сношенія и посѣщаю больныхъ. Въ госпиталяхъ все теперь улучшено до превосходной степени, и нѣтъ опущеній ни по одной части. Духовниковъ есть всякихъ изъ монашествующихъ, армейскихъ священниковъ—назначенныхъ, и отъ своего усердія ищущихъ участія. Надѣюсь быть въ этой службѣ полезнымъ, если не постояннымъ тамъ присутствіемъ, что для меня и невозможно, то наблюденіемъ за духовниками. Премило обращаются сестры съ своими пацієнтами. Я самъ былъ вчера свидѣтелемъ, какъ одна изъ нихъ, трепля матроса по щекѣ, называла его голубчикомъ и другими любезными именами, какъ другаго заохотчивала идти на вылазку. Больные, забывая боль, радостно улыбаются при такихъ любезностяхъ. Не безъ сестеръ было у насъ пока прибыли и настоящія сестры. Три чисто свѣтскія дамы, у которыхъ достало геройства не бѣжать изъ Севастополя, являлись по временамъ для услугъ раненымъ на перевязочномъ пунктѣ. Но вотъ какая исторія случилась съ ихъ па-

тріотизмомъ. За недостаткомъ рукъ, раненные ожидали для перевязки очереди. Одинъ матросъ уже былъ близокъ къ этой счастливой минутѣ, какъ вдругъ вносятъ раненнаго француза. Наши сестры всѣ три разомъ бросаются съ французскимъ блеяньемъ къ французу, оставивъ своего. Матросъ разразился гнѣвомъ и посыпалъ въ слухъ всѣхъ самою красною русскою бранью; наши незванныя сестры бросили тогда и француза, съ которымъ, вѣроятно, хотѣлось поболтать, и больше не являлись въ госпиталь, оставивъ и Севастополь.

По усмотрѣнной надобности, я отослалъ сестрамъ нѣсколько иконъ для комнатъ устроеннаго въ Николаевской батареѣ госпиталя.

Попеченія Двора о раненныхъ безпримѣрны. Великая княгиня Елена Павловна, узнавъ, что солдаты любятъ сбитень, заказала харьковскому купцу доставить для этого все нужное въ Севастополь, какъ-то: котелокъ, медъ, листъ лавровый и пр., даже отыскать хорошаго мастера этого дѣла. Великая княгиня Марія Павловна пожертвовала весь большой запасъ сигаръ покойнаго ея супруга.

Государь Императоръ прислалъ въ даръ Севастопольской библіотекѣ 7-мь картинъ бывшихъ въ Крыму военныхъ дѣйствій: 1-е Алминское сраженіе, 2-е Инкерманское сраженіе, 3-е Балаклавинское сраженіе (дѣло Липранди), остальныя представляютъ съ разныхъ сторонъ бомбардировку Севастополя. Превосходная работа и виды; но на нихъ непріятели выставили, можно сказать, однихъ себя, даже, напр., въ дѣлѣ съ Липранди.

29-е января. Я подалъ генералу Сакену докладную записку о священникѣ Манжелеѣ, о которомъ въ Симферополѣ распространился слухъ, что онъ подвергался отъ евпаторійскихъ непріятелей тяжкимъ обидамъ и опасностямъ жизни, о чемъ доносилъ вамъ о. Михаилъ Родіоновъ. Генералъ обѣщалъ поэтому сдѣлать, что можно будетъ, и узнать о евпаторійскомъ духовенствѣ. При мнѣ же онъ сдѣлалъ объ этомъ распоряженіе.

Въ Херсонеской церкви засѣли было французскіе стрѣлки. Необходимость заставила стрѣлять по церкви, отъ которой теперь осталась только часть стѣнъ. Кладбищную Господь хранитъ.

На домъ церковный напали было наши солдаты, но я просилъ воспретить разореніе. Богъ вѣсть, поможетъ ли это.

Адмиралъ Нахимовъ, который доселѣ, можно сказать по своему капризу, оставался безъ назначенія, назначенъ товарищемъ Сакену.

Художникъ Тимъ, который теперь работаетъ въ Севастополѣ, снялъ съ Нахимова портретъ въ церкви, во время обѣдни. Чтобы убѣдиться въ успѣхѣ, онъ показалъ одну голову Нахимова, окутавъ ее въ холстъ, и когда тотчасъ узнали въ ней персону, которая не давалась на портретѣ, то и самъ убѣдился въ успѣхѣ. Неизвѣстно, какъ покажется эта продѣлка адмиралу Говорятъ, впрочемъ, что онъ будетъ очень доволенъ. Объ немъ много мнѣній — и противныхъ. На половину во флотѣ онъ имѣетъ и противниковъ и приверженцевъ.

Вчера, проходя мимо Михайловской церкви, замѣтилъ въ ней у самого амвона большой на высокомъ подножіи крестъ. Въ церкви я могъ только узнать, что такихъ два креста прислано изъ Москвы, для чего—это мнѣ сказалъ самъ крестъ. На передней сторонѣ внизу надпись: „симъ побѣждай“. На другой: подобіе креста, принесеннаго княземъ Владиміромъ изъ Херсонеса. На самомъ перекрестьи, въ ободкѣ, изображеніе распятія Господня. По четыремъ концамъ, въ меньшихъ ободкахъ, лики 12 апостоловъ, по четыре на каждомъ концѣ. На краяхъ каждаго изъ 4-хъ концовъ ободки по больше, въ которыхъ на верхнемъ—Господь на тронѣ, на нижнемъ—сошествіе во адъ, на правой и лѣвой сторонахъ—еще два апостола: Матѳій и Іуда Алфеовъ. На оборотной сторонѣ креста въ самомъ перекрестіи: Успеніе Божіей Матери, 12-ть апостоловъ, изъ лицевой стороны имъ соотвѣтствуютъ 12 серебряныхъ звѣздъ; на оконечностяхъ же 4-хъ концевъ креста: 4-е праздника Господнихъ, въ ободкахъ. Предъ крестомъ поставлены два подсвѣчника. Явленіе подобнаго знамени, хотя не на небѣ, сильно воодушевитъ воинство, еслибы только ему растолковали это; впрочемъ, для грамотнаго крестъ понятенъ, стоитъ только подойти къ нему.

Всѣ эти дни погода стоитъ большею частію ненастная. Пасмурно, сыро; или снѣгъ, который тотчасъ обращается въ

воду, или самый дождь. Не это ли удерживаетъ непріятеля отъ новой бомбардировки и штурма? А что удерживаетъ нашихъ, одинъ Богъ про то вѣдаетъ.

Бѣглецы изъ непріятельскаго лагеря являются, даже совершенно здоровые и одѣтые.

30 января 1855 г. г. Севастополь.

Письмо. 7-е.

Я осмѣлился положить въ казенный пакетъ прошеніе священника Демяновича, чтобы освободить его отъ путешествія въ Сѣверное укрѣпленіе, гдѣ принимается теперь подобная и денежная корреспонденція.

Бакчисарай и Лаки до сего часа задерживаютъ меня въ годовой отчетности, откуда не получилъ еще ничего, хотя писалъ два раза.

Вотъ и еще нѣсколько замѣтокъ за два дня послѣ письма отъ 31-го января.

Пронесся слухъ, что у Евпаторіи было дѣло съ отрядомъ Омера-Паши, которое рѣшилось въ пользу нашу, хотя, за отсутствіемъ пѣхоты, кавалеріи нашей было трудно и она потеряла до 200 человѣкъ. И другой слухъ, что близъ Евпаторіи же выброшено 2 непріятельскихъ транспорта. Одинъ баркасъ съ 60 англичанами пристalъ къ берегу и сдался военно-плѣннымъ; другой держался къ Евпаторіи и долженъ былъ погибнуть.

Подтвержденія этому еще нѣтъ, по крайней мѣрѣ я не могъ дознать, но на чемъ нибудь слухъ держится.

1-го февраля нашими выстрѣлами на французской батареѣ взорванъ пороховой погребъ, что тотчасъ возвѣщено крикомъ „ура“ съ 5-го бастіона, съ котораго палили по этой батареѣ.

Того же числа слышны были съ непріятельскихъ судовъ у Камышевой бухты салютные выстрѣлы, вѣроятно новоприбывшему дессанту или начальнику онаго. Ибо сегодня и вчера замѣчено въ приходѣ 3 корабля и 4 фрегата. Однако новыя подкрѣпленія мало придаютъ бодрости старымъ нашимъ гостямъ. Бѣглецы изъ ихъ лагеря есть каждый день, особенно счастлива ловля на нихъ на позиціяхъ Липранди и Киріакова.

Въ госпиталяхъ духовныя требованія для раненныхъ выполняются тщательно, въ томъ числѣ и мною. Я уже бывалъ во всѣхъ больницахъ нашей городской стороны, и сейчасъ только съ перевязочнаго пункта, гдѣ исповѣдывалъ и пріобщалъ 6-ть и только исповѣдалъ 2-хъ. Крайне трудныхъ или безнадежныхъ кладутъ въ особомъ отдѣленіи, и крайне трудно дышать ихъ воздухомъ.

По городу непріятели стали стрѣлять чаще, особенно ночью, что впрочемъ для бодрствующихъ безопаснѣе, чѣмъ днемъ.

Великій князь Николай Николаевичъ назначенъ начальникомъ всѣхъ фортовъ и батарей на Сѣверной сторонѣ.

3-е февраля 1855 г.

Письмо 8-е.

Объ іеромонахахъ флотскихъ и запасныхъ, о коихъ по приказанію вашего высокопреосвященства, спрашиваетъ меня архимандритъ Діонисій [1]), узналъ и не медля представляю слѣдующее свѣдѣніе. За майскую треть жалованье хотя получено экономомъ, но онъ не успѣлъ записать его въ книгу и роздать іеромонахамъ, такъ какъ монастырь [2]) остался въ плѣну и жалованье тамъ. За сентябрьскую треть получено чрезъ вице-адмирала Нахимова, по запискѣ о томъ, поданной игуменомъ Георгіемъ. Но это жалованье однихъ *флотскихъ іеромонаховъ*, которое получается изъ *Севастопольской Крисъ-Комисаріатской части*. Запасные же іеромонахи, коимъ жалованье выдается изъ *Херсонской Комиссаріатской комиссіи* и требуется консисторіею, ничѣмъ не удовлетворены со времени нахожденія монастыря въ плѣну. Еще отпускается на Балаклавс. Георгіевъ монастырь, по числу 24 іеромонаховъ, сумма изъ *Ялтинскаго уѣзднаго казначейства* (на отопленіе, освѣщеніе и проч.), которая также, по случаю нахожденія монастыря въ плѣну, не была требуема. Отъ флотскихъ командъ, при которыхъ состоятъ находящіеся теперь въ Севастополѣ іеромонахи, они пользуются порціонны-

[1]) Экономъ одесскаго архіерейскаго дома, въ послѣдствіи настоятель Боровскаго монастыря Калужск. губерніи.

[2]) Балаклавскій, къ которому приписаны флотскіе іеромонахи.

ми по 19 руб. въ мѣсяцъ, кромѣ іеромонаха Лаврентія, который поступилъ въ комплектъ таковыхъ только ко смерти іеромонаха Палладія, котораго заступилъ мѣсто. Я давно говорилъ о. игумену Георгію, чтобы онъ о нуждахъ іеромонаховъ и вообще объ ихъ положеніи и службѣ, какую кто гдѣ несетъ, писалъ нашему высокопреосвященному, но онъ, не имѣя бумаги на званіе благочиннаго, которымъ именуется по старшинству, не смѣетъ и считаетъ это не позволительнымъ дерзновеніемъ. Между тѣмъ человѣкъ онъ во всѣхъ отношеніяхъ достойнѣйшій

Вотъ и еще письмо изъ Георгіевскаго монастыря съ увѣдомленіемъ о полученіи посылки.

Ихъ Высочества, узнавъ только отъ іеромонаха Никандра о возникшей съ монастыремъ перепискѣ и въ чемъ именно тамъ нуждаются, изъявили желаніе послать еще 5 фунтовъ чаю и также чрезъ меня. Я отвѣчалъ отцу Никандру, что прямѣе будетъ отослать чай прямо къ Сакену, чтобы мнѣ не безпокоить его частымъ посвщеніемъ, что, кажется, и сдѣлано.

Великіе князья на первой седмицѣ говѣли и слушали служеніе въ своей квартирѣ, для чего, по собственному ихъ выбору, вытребованъ былъ іеромонахъ Никандръ, который въ первые дни прибытія въ Севастополь Ихъ Высочествъ обратилъ на себя вниманіе на перевязочномъ пунктѣ Синопскимъ знакомъ отличія. Такъ по крайней мѣрѣ говорилъ мнѣ его товарищъ, іеромонахъ Веніаминъ, который также стоялъ, но безъ этого знака, ибо поспѣшилъ вмѣстѣ съ вещами отправить его въ монастырь. Объ этомъ Святогорскомъ іеромонахѣ писала княгиня Татьяна Борисовна Потемкина, которой онъ есть кліентъ. Впрочемъ и безъ всего этого о. Никандръ—іеромонахъ прекрасный. Въ Сѣверномъ укрѣпленіи для Ихъ Высочествъ устроена церковь, гдѣ въ пятницу они слушали преждеосвященную, а въ субботу пріобщались. Въ оба эти дня я отпускалъ туда своего діакона Подольскаго, которымъ, какъ и о. Никандромъ, в. князья остались очень довольны. Не могу умолчать при этомъ, что Ихъ Высочества, слушавъ въ среду литургію преждеосвященныхъ въ Михайловской церкви, остались недовольны бывшимъ тамъ служеніемъ, чего не скрыли отъ о. Никандра, отъ котораго я слы-

шалъ объ этомъ. Генералъ же Философовъ, тутъ же, въ церкви послѣ служенія замѣтилъ протоіерею, какъ много они отступаютъ отъ устава церкви. Служилъ полковой священникъ, такъ какъ солдаты говѣли, а извѣстно, что изъ армейскихъ священниковъ весьма немногіе знакомы съ этой литургіей. Все же виноватъ хозяинъ церкви.—Всѣ церкви наши (а ихъ всего три) наполнены говѣющими солдатами. Кромѣ того совершаются богослуженія для этой цѣли на корабляхъ, въ казармахъ и въ Красильникова домѣ, гдѣ вездѣ пріобщаютъ дарами преждеосвященными. Изъ своей церкви я выдалъ іеромонахамъ 5 чашъ. На второй недѣлѣ всѣ должны отговѣться.

13-е февраля 1855 г. г. Севастополь.

Письмо 9-е.

О крестовоздвиженской общинѣ сестеръ должно сказать, что она несетъ добровольно поднятый крестъ съ безграничнымъ усердіемъ и христіанскимъ самопожертвованіемъ. Нельзя не пожалѣть, что нѣкоторымъ изъ нихъ начинаютъ измѣнять силы ихъ, чему причиною самая тяжесть креста, въ иной день и чрезъ мѣру тяжелаго. Одна изъ нихъ вчера слегла, другая—сегодня. Сама начальница Екатерина Михайловна Бакунина (генеральская дочь, внучка Кутузова, пожилая дѣвица), кромѣ надзора за другими, принимаетъ на себя обязанность дежурной сестры по два дня сряду, и только въ третій день остается при однихъ общихъ обязанностяхъ своихъ. Вся община доселѣ состоитъ изъ 3-хъ отдѣленій, естественно образовавшихся отъ трекратнаго отправленія ихъ изъ столицы; ибо при каждомъ отправленіи для экспедиціи назначалась начальница надъ сестрами, медики при нихъ, помощница начальницы и проч., что все осталось отдѣльной корпораціей и на мѣстѣ. Въ Севастополѣ сестры 2 и 3 отдѣленія. При семъ послѣднемъ и я служу оффиціально по милостивому вашему назначенію, съ тѣхъ собственно поръ, какъ Бакунина получила отъ великой княгини Елены Павловны увѣдомленіе о моемъ и о. Инокентія назначеніи, который и теперь труждается, какъ и прежде сего, на Сѣверной сторонѣ. О столѣ и прочемъ довольствіи каждаго отдѣленія се-

стеръ печется старшій медикъ отдѣленія. Всю общину возглавляетъ докторъ Пироговъ, уважаемый и любимый сестрами и медиками своими. Послѣднее слово я употребилъ потому, что медиковъ для общины Пироговъ самъ выбралъ и всѣ они преимущественно воспитанники московскаго университета. Потому имъ однимъ ввѣрилъ главный перевязочный пунктъ и на нихъ теперь исключительно лежитъ весь трудъ операцій,—трудъ до того тяжелый, что медики, сколько ни усердны къ своему долгу и богаты чувствами христіанскими (это послѣднее дѣлаетъ большую честь выбору Пирогова), но замѣтно упадаютъ въ физическихъ силахъ, хотя всѣ люди молодые. Одинъ уже трудно боленъ, и другіе начинаютъ жаловаться на слабость здоровья. Каждый день (иногда два и три раза) бывая на перевязочномъ пунктѣ, я очевидецъ трудовъ медиковъ и сестеръ общины. Страданія и вопли раненныхъ, когда только вносятъ ихъ въ операціонную, краснорѣчивѣе всякаго слова говорятъ сердцу христіанскому, и всѣ дѣлаютъ свое дѣланіе многосуетливое въ молчаніи. Если приходится иногда обмѣняться какимъ либо словомъ, и притомъ словомъ христіанскаго утѣшенія, то это въ весьма немногихъ промежуткахъ. Но на это нуженъ даръ слова и особое умѣнье, а я не могу похвалиться ни тѣмъ, ни другимъ. Что же я дѣлаю, спросите, въ качествѣ духовника крестовоздвиженской общины? Снабдивъ палаты больныхъ иконами, большія изъ нихъ снабдилъ и лампадками, для которыхъ масло съ охотою покупаютъ сами больные, у кого только есть какая копѣйка. Исповѣдываю и пріобщаю больныхъ,—случалось и по 15 человѣкъ въ одинъ разъ. Ежедневно посѣщая больныхъ, стараюсь поговорить съ каждымъ изъ нихъ, при чемъ съ большою пользою для себя и для нихъ, знакомлюсь съ ихъ мыслями и чувствами, а между тѣмъ незамѣтно располагаю къ себѣ самихъ больныхъ, что нахожу въ служеніи моемъ всего важнѣе. Иногда они не объявляютъ желанія приступить къ св. таинствамъ по самой наивной причинѣ, о которой еще болѣе странно слышать отъ человѣка, котораго всѣ окружаютъ живымъ и безмезднымъ участіемъ. Что-жь, батюшка, говоритъ больной тихо и какъ бы по секрету, денегъ нѣтъ. Другой хочетъ еще по-

жить и боится св. причащенія, какъ напутствія къ смерти. Удивительно перемѣшано невѣжество съ немощами человѣческими! Съ наступленіемъ же великаго поста была надобность многихъ открыто, въ присутствіи сестеръ и медиковъ, убѣждать, чтобы не брезгали скоромной пищею, необходимою для больного столько же, какъ и самое лѣкарство, и которая одна для нѣкоторыхъ составляетъ лѣкарство. Въ одномъ необходимо дико выраженное чувство патріотизма исправить. Напримѣръ, сегодня спрашиваетъ меня раненный, лежащій подлѣ раненнаго француза: „батюшка! французъ—яка то вира? Отвѣчаю: французы христіане, католики.—Яки жъ воны христіаны? Я-бъ его повисывъ". Какъ можно такъ говорить, когда у него нѣтъ оружія въ рукахъ, и онъ, какъ и ты, безъ ноги. „Ей Богу, повисывъ бы". Въ другомъ нужно дивиться, какъ оно выражается прекрасно. Кіевской губерніи однодворецъ, и притомъ католикъ, которому только что сдѣлана операція, говоритъ ко мнѣ: „вотъ руки нѣтъ, но пойду, непремѣнно пойду съ одной рукой. Я старый солдатъ, долженъ показывать примѣръ молодымъ". И залился бѣдный слезами не столько отъ боли, сколько отъ досады, что не скоро уже будетъ въ траншеяхъ. Потомъ продолжаетъ: „въ Венгріи заслужилъ медаль, на Дунаѣ заслужилъ, и здѣсь отъ Императрицы получилъ", и указываетъ при этомъ на иконку у себя на шеѣ. При этомъ я узналъ, что отъ имени Императрицы были розданы солдатамъ иконки для ношенія на шеѣ, какихъ много продается въ Кіевѣ въ родѣ крестиковъ шейныхъ. Между тѣмъ солдаты, какъ вижу изъ этого примѣра, цѣнятъ это, какъ знакъ отличія. Какъ легко поощрить простую душу нашего солдата! Можно ли подобнымъ образомъ поощрить француза или англичанина? Вообще служеніемъ на этомъ поприщѣ я очень доволенъ: чувствую, что оно наполняетъ пустоту собственной моей души. Чтобы скорѣе войти въ духовный союзъ съ сестрами, я попросилъ списокъ ихъ именъ и поминаю, гдѣ слѣдуетъ.

Сестра Травина съ умиленіемъ вспоминаетъ о милостивомъ къ ней вниманіи вашемъ и бесѣдахъ, кои имѣла счастіе слышать въ Харьковѣ. Она помощница Бакуниной.

Каждая сестра имѣетъ у себя *клятвенное обѣщаніе* и *обязанности* печатныя. Если они вамъ неизвѣстны, то я доставлю. Я списалъ для себя.

8-го февраля, во вторникъ первой седмицы, ожидали отъ непріятелей давно ожидаемой новой бомбардировки. Если они дѣйствительно къ тому были готовы, то Господь занялъ ихъ. Утро насъ встрѣтило не бомбардировкой, а сильнымъ холодомъ и снѣгомъ, съ сѣвернымъ вѣтромъ, который порывисто дулъ и во всю ночь, между тѣмъ какъ предъ этимъ были дни настоящіе лѣтніе. Видимо бдитъ надъ нами Промыслъ Божій, напр., и въ этомъ: 10-го февраля бомба пала предъ самыми воротами церковными и вырыла большую яму, между тѣмъ какъ церковь была полна говѣющихъ солдатъ, которые стали выходить отъ обѣдни уже по минованіи этой смерти напрасной.

Ночью на 10-е февраля, не бывъ примѣчены непріятелями, мы построили за Киленбалкой что на Инкерманѣ, впереди нашего бастіона № 2, новую батарею, которая должна дѣйствовать во флангъ непріятельскихъ батарей и прикрывать отъ нихъ корабли наши, стоящіе въ Сѣверной бухтѣ. Это обстоятельство было весьма важное для насъ и для непріятелей. Неуспѣли порадоваться успѣху, какъ ночью на 12-е февраля непріятели бросились на эту батарею штурмомъ. Къ счастію, секретная цѣпь открыла ихъ движеніе. Командиръ волынскаго полка, генералъ Хрущевъ построилъ своихъ солдатъ, составляющихъ прикрытіе батареи, и воодушевивъ ихъ краткою рѣчью, выждалъ враговъ на ближайшій выстрѣлъ и принялъ такимъ ужаснымъ огнемъ, что плѣнные доселѣ удивляются этому ужасу. Впрочемъ успѣли было взойти и на батарею, на которой оставили 63 тѣла. Такъ же , какъ встрѣтили, и проводили непріятелей до ихъ траншей. Въ дѣлѣ, кромѣ Волынскаго полка, участвовали еще два баталіона Колыванскаго, бывшихъ на работѣ, которые потому дѣйствовали—и прекрасно—не оружіемъ, а кирками, лопатами и ломами. Потерю непріятелей полагаютъ въ 500 или 600 человѣкъ, а весь отрядъ состоялъ изъ 6-ти тысячъ, подъ начальствомъ генерала Тома. Въ плѣнъ взято 21 и 7 офицеровъ, въ томъ числѣ одинъ штабъ-офицеръ, нашу потерю полагаютъ уби-

тыми и раненными въ 120 или 150 человѣкъ, офицеровъ убитыхъ нѣтъ, раненныхъ 5-ть. Вообще это дѣльце считаютъ славнымъ. Каково же будетъ идти штурмомъ на весь Севастополь, если только что возникшая батарея обошлась непріятелю дорого и въ руки не далась!

Всячески заграждаютъ путь непріятелямъ на рейдъ. Вотъ и еще 12 сего февраля затопили противъ Николаевской батареи 2 корабля и 1 фрегатъ, и за ними поставили въ линію три вооруженныхъ корабля противъ Павловской батареи. Такимъ образомъ входъ на рейдъ загражденъ теперь тремя преградами: 1) прежде затопленными судами противъ Константинопольской батареи, 2) бономъ двойнымъ противъ Михаиловской батареи и 3) вновь затопленными судами противъ Николаевской батареи, за которыми стоятъ вооруженные и приготовленные къ бою корабли, коихъ впрочемъ всего теперь на лицо съ фрегатами 8, 9-ть. Вѣроятно видятъ опасность, что употребляютъ такія крайнія средства. Мимоходомъ я слышалъ объ этомъ ожиданіи матросовъ: „это ничего, говорятъ, только устоялъ бы Севастополь, а онъ (т. е. непріятель) долженъ тогда непремѣнно корабли за корабли намъ привести и поставить.

Что то опять стали побуждать женскій полъ къ выѣзду.

О Евпаторійскомъ дѣлѣ у насъ разсказываютъ вещи довольно пріятныя, между тѣмъ, о. Михаилъ Родіоновъ (протоіерей) изъ Симферополя пишетъ объ этомъ ужасы. Странно!

Объ о. Ананіѣ Менжелеѣ еще ничѣмъ не извѣщенъ я отъ генерала Сакена, къ которому обращался о немъ.

Сейчасъ слышалъ, что и Пироговъ занемогъ. Впрочемъ кто теперь не изнемогаетъ?

Слышимъ и вѣруемъ, что вы непрестанно возносите теплыя молитвы ваши о градѣ нашемъ, которыми да укрѣпитъ милосердый Господь всякаго изнемогающаго.

Ихъ Высочества оба въ дѣйствительной службѣ въ Севастополѣ. Николай Николаевичъ—начальникъ Сѣверныхъ укрѣпленій по инженерной части, а Михаилъ Николаевичъ по артилерійской.

Г. Севастополь

Письмо 10-е.

Успѣшное дѣло 12-го февраля, отданнымъ по арміи приказомъ, приписывается преимущественно мужеству и храбрости генерала Хрущова, который былъ самъ впереди своего полка. Непріятельскій отрядъ состоялъ изъ охотниковъ, воодушевленныхъ спиртомъ, отъ котораго уже въ плѣну нѣкоторые нескоро отрезвились.

Выше и лѣвѣе отстояннаго Хрущевымъ редута, генералъ Сакенъ возводитъ новый редутъ, на который непріятели еще не покушались. Оба они находятся по ту сторону Киленбалки и будутъ дѣйствовать во флангъ непріятельскихъ батарей, и могутъ дать возможность оттѣснить враговъ съ высоты сѣверной бухты.

Достойна примѣчанія благочестивая тактика Сакена при всѣхъ подобныхъ предпріятіяхъ. Отдавъ, напр., приказаніе на такомъ-то пунктѣ поставить батарею, тотчасъ служитъ молебенъ и проситъ Божія благословенія. По успѣшномъ окончаніи, не медля посылаетъ за священникомъ и Бога благодаритъ. Это я знаю отъ полковаго священника, который, квартируя чрезъ дорогу отъ Сакена, постоянно занимается у него служеніемъ.

Вчера проводилъ на Сѣверную одну сестру Крестовоздвиженской общины, умершую отъ тифозной горячки. Тамъ слышалъ, что для кн. Меньшикова приготовлены лошади и что онъ уѣзжаетъ въ Симферополь. Зачѣмъ и на долго-ли? это оставалось вопросомъ. Тамъ же слышалъ, что ракеты непріятельскія 15-го февраля достигали квартиры какъ главнокомандующаго, такъ,—что еще дальше,—и великокняжеской, и что будто бы квартира для Ихъ Высочествъ будетъ на Бельбекѣ.

Для предохраненія кораблей отъ этихъ зажигательныхъ стрѣлъ, палубы настланы мѣшками съ землею въ два ряда, и, не смотря на то, на кораблѣ „Константинъ“ упавшая ракета пробила первую палубу. Страшная разность послѣднихъ ракетъ противъ прежнихъ та, что бываютъ видимы только до послѣдней высоты, потомъ, вдругъ потухая, стремятся съ такою быстротою, что даже по шуму нельзя замѣтить ихъ направленія

и остеречься, какъ можно было отъ прежнихъ; 14 и 15 числа бросали ихъ вечеромъ въ продолженіи часу, но пожара нигдѣ не произвели, и смертныхъ случаевъ было только три.

16-го числа греческіе волонтеры вступили въ городъ и поставлены на позицію. Матросы и солдаты не могутъ надивиться ихъ наряду, называя просто „маскерадомъ". Они же, греки, утверждаютъ, что Омеръ-Паша разошелся съ союзными начальниками въ Евпаторіи и ушелъ въ Константинополь, чтобы представить султану, какому униженію союзники подвергаютъ турецкую армію въ Крыму, и отсюда ожидаютъ важныхъ послѣдствій.

Гробокопатели сѣвернаго кладбища (солдаты) хвалились мнѣ, что великіе князья, бывъ однажды на могилахъ, приказали копать ихъ какъ можно ближе одна къ другой и не разширять кладбища, потому что эти могилы послѣ всѣ сравняются и надъ ними будетъ насыпанъ общій курганъ, на которомъ поставится общій памятникъ.

Имена убитыхъ 24 октября удобнѣе всего возымѣть чрезъ генерала Сакена, который можетъ истребовать ихъ отъ полковыхъ командировъ. Мысль о церкви въ память убіенныхъ всѣмъ и каждому по сердцу.

Греки потерю свою подъ Евпаторіей полагаютъ въ 39 раненныхъ и 9 убитыхъ. Умеръ отъ ранъ Хрисовери—въ Симферополѣ.

Болѣе ничего особеннаго.

19 февраля 1855 г. г. Севастополь.

Письмо 11-е.

Въ ночь на 22-е февраля Ихъ Высочества изволили опять отправиться въ С.-Петербургъ, по случаю болѣзни Государыни Императрицы. Вѣстникъ о семъ прибылъ вечеромъ 21-го февр., а чрезъ нѣсколько часовъ великіе князья уже оставили Севастополь, о чемъ узнали мы уже на другой день.

Кн. Меньшиковъ выѣхалъ въ Симферополь собственно для поправленія своего разстроеннаго здоровья.

Должность главнокомандующаго занимаетъ генералъ Сакенъ, котораго квартиру 20 февраля нашла непріятельская ракета, упавшая въ залу, гдѣ и была потушена.

20 и 21-го февр., еще удалось нанести вредъ непріятельскимъ минамъ, которыя въ двухъ мѣстахъ взорваны.

22 февр. непріятели, устроивъ батарею выше пороховой балки, открыли огонь по пароходу „Херсонесу", стоявшему въ сѣверной бухтѣ къ Инкерману. Хотя пароходъ и наши батареи съ другой стороны бухты заставили французскую батарею замолчать, но пароходъ получилъ 6 пробоинъ, 2 убито и 3 ранено.

Инкерманская Киновія доселѣ невредима, Херсонская въ развалинахъ. Кладбищная церковь цѣла. Но домъ кладбищный—новый и старый—нельзя было сберечь отъ хищничества нашихъ же солдатъ (непріятельская нога тамъ еще не была). Потому я наконецъ согласился на предложеніе начальника штаба, князя Васильчикова, чтобы эти строенія были разобраны по распоряженію военнаго начальства, въ чемъ мнѣ будетъ выдана квитанція. По крайней мѣрѣ будетъ надежда на вознагражденіе отъ казны.

Всѣ три недѣли поста говѣютъ у насъ солдаты, для коихъ служатъ армейскіе священники, и потому мы въ это время, для духовенства не бездоходное, еще паче оскудѣваемъ, при дороговизнѣ; потому опять необходимость заставила помочь причту изъ церковной суммы. Діаконъ Подольскій 22-го февраля отправилъ свое семейство въ Одессу, къ чему теперь всѣхъ побуждаетъ начальство. И въ этомъ нужно было помочь ему отъ церкви.

23-го февраля нежданное искушеніе постигло меня. Опуская въ ящикъ вырученные свѣчепродавцемъ деньги, я замѣтилъ, что снурокъ припечатанный былъ перерѣзанъ. Оказалось, что ящикъ былъ выдвинутъ съ помощію долота, но такъ, что внутренній замокъ совершенно цѣлъ. По соображеніи обстоятельствъ, воровство сдѣлано сего числа предъ утреней, когда сторожъ въ пономарнѣ разводилъ огонь, и по всей вѣроятности солдатами, которыми отъ утра до вечера наполнена церковь. Къ счастію, сумма въ ящикѣ была не такъ значительна, только за 8-мь дней, и потому, чтобы не оглашать, что въ Севастополѣ въ настоя-

щемъ его положеніи есть люди столько небогобоязненные, я, по согласію съ причтомъ, разсудилъ безъ суда по немногу восполнять эту потерю, къ которой съ нашей стороны не было никакихъ опущеній.

25-е февраля. Утро. Сей-часъ пріѣзжалъ въ церковь г. Станюкевичъ отслужить благодарственный и напутственный молебенъ. Что значитъ?—спрашиваю. Почти со слезами (оч. разстроенъ старикъ) онъ разсказалъ о непріятностяхъ съ Сакеномъ и Нахимовымъ, вслѣдствіе чего онъ просилъ кн. Меньшикова объ увольненіи, и получилъ повелѣніе ѣхать въ Николаевъ впредь до особаго о немъ распоряженія, передавъ власть свою Нахимову.

О кн. Меньшиковѣ сказалъ мнѣ Станюковичъ, что онъ изъ Симферополя ѣдетъ въ Николаевъ и что онъ серьезно боленъ.

24 февр. 1855 г. г. Севастополь.

Письмо 12-е.

Шпроеніе отъ имени православныхъ жителей Крымскаго полуострова „Святѣйшему Правительствующему Сѵноду“ я получилъ 25 февраля [1]). Разсуждая высокую возможность этой бумаги, которою устрояете высокое благо сей страны, и прежде прошенія отечески предваряете нужды, я нашелъ лучшимъ предварительно испросить вашего наставленія, какъ именно поступить съ этой бумагой, хотя само собою ясно, что она прислана для подписи. Глубокія соображенія, мысли и чувства, кои влагаете въ уста православныхъ жителей Крыма, такого рода, что прежде всего они должны быть подписаны такими лицами, кои способны, по образованію своему, дѣлать подобныя соображенія и приходить къ такимъ мыслямъ и чувствамъ, или, по званію своему, даже обязаны, напр., лицами начальственными и сословіемъ дворянъ, которые уже обязаны руководить и своихъ подручныхъ. Быть ли здѣсь подписи духовенства? Если быть, то на какомъ мѣстѣ? Не предложить ли первому подписаться преосв.

[1]) Прошеніе это о возстановленіи древнихъ святынь Крыма редактировано самимъ преосвященнымъ Иннокентіемъ, который находилъ болѣе удобнымъ, чтобы инціатива дѣла исходила отъ мѣстныхъ жителей.

митрополиту Агаѳангелу, который, жительствуя здѣсь около 35 лѣтъ, справедливо можетъ назваться крымскимъ жителемъ? Слѣдуетъ ли пригласить къ подписи лицъ военныхъ, каково теперь все временное наше начальство, въ томъ числѣ и исправляющій должность губернатора вице-адмиралъ Нахимовъ? За исключеніемъ военныхъ, въ настоящее время въ Севастополѣ православныхъ можно найти только въ сословіи купцовъ и мѣщанъ. Затѣмъ эту подпись въ моемъ вѣдомствѣ можно продолжить въ Бакчисараѣ и въ другихъ деревняхъ. Какъ примѣрно она должна быть числительна? и какъ скоро прошеніе должно быть возвращено къ вамъ? Въ присланномъ прошеніи въ формѣ подписи слово „нижайшіе“ послушники зачеркнуто вами: не нужно ли поэтому прошеніе переписать вновь, или оно будетъ только черновое и частное? Ибо, вѣроятно, не мнѣ одному поручаете сдѣлать подпись жителей всего полуострова. Простите, если найдете между сими вопросами вопросы пустые.

Въ обстоятельствахъ нашихъ военныхъ ничего особеннаго не случилось, ожидаютъ кн. Горчакова и думаютъ, что кн. Меньшиковъ уже не возвратится къ командованію крымскою арміею.

Вереди Корнилова бастіона нами укрѣпляется еще одна высота, не занятая непріятелями, которые этимъ, примѣтно, очень обезпокоены. Уже сутки не прекращается тамъ огонь, подъ которымъ наши работы уже оканчиваются. Французскіе начальники суетливо разъѣзжаютъ у этой мѣстности.

Служеніе сестеръ и наше духовное идетъ исправно. На перевязочный пунктъ, на которомъ я бываю ежедневно, съ 25 генваря по 25-е февраля поступило раненныхъ 450 человѣкъ, хотя важнаго дѣла въ это время никакого не было.

Вдовѣ—протоіерейшѣ Гавриловой ваше предложеніе мною передано; она просила времени подумать объ этомъ. Съ слѣдующей почтой буду отвѣчать, объяснивъ подробно и ея настоящее положеніе.

1-го марта утромъ узнали мы поразительно печальную вѣсть о смерти Государя Императора. Сейчасъ проходя домой съ перевязочнаго пункта, гдѣ всѣ безмолвствовали или не вѣрили, я

увидѣлъ, что проходили войска къ Михайловской церкви, но еще ни о какомъ распоряженіи по этому печальному случаю не знаю при отправленіи этого письма на почту. Теперь, безъ сомнѣнія, когда все будетъ обложено мракомъ печальнымъ, должно ожидать въ мірѣ настоящемъ перста Божія. Буди воля Господня!

1 марта, 9 часовъ утра. 1855 г. г. Севастополь.

Письмо 13-е.

Вѣсть о кончинѣ Государя Императора привезена въ Севастополь сыномъ фельдмаршала, князя Паскевича. Приводъ къ присягѣ войскъ и жителей совершался на площади Михайловской церкви и при другихъ церквяхъ, и вездѣ, гдѣ удобнѣе было собирать войска. На Михайловской площади присутствовалъ и преосвящ. митрополитъ, который на другой день участвовалъ и въ совершеніи соборной панихиды по усопшемъ Императорѣ.— Замѣчательно, что за три дня до полученія изъ С.-Петербурга печальной вѣсти, въ лагерѣ непріятельскомъ уже знали о смерти Императора, и чрезъ парламента дали знать объ этомъ въ городъ, но Сакенъ хранилъ это въ тайнѣ. Довольно удивилъ меня полицейскій чиновникъ, пришедшій сказать, что явятся люди для привода къ присягѣ на вѣрность новому Императору. Объ умершемъ онъ съ совершеннымъ спокойствіемъ замѣтилъ, что такъ надлежало быть по пророчествамъ, и теперь должно ожидать торжества праваго дѣла. На вопросъ:. по какимъ? онъ отвѣчалъ: греческимъ. Онъ изъ грековъ, и я понялъ тогда, какія разумѣть пророчества.

Кн. Меньшиковъ гдѣ-то въ Перекопѣ; онъ Высочайше уволенъ, о чемъ дано знать приказомъ по арміи. Кн. Горчаковъ еще не прибылъ.

Съ ночи на 2-е марта почти доселѣ идетъ жаркое дѣло у Корнилова бастіона о новостроющемся впереди его редутѣ нашемъ, очень опасномъ для непріятелей. Каждый день бываетъ много раненныхъ, сегодня же, 7 марта, убитъ контръ-адмиралъ Истоминъ (ему сорвало голову, которой не могли найти). Мѣсто для него,—питомца Лазарева,—готовится тамъ подлѣ адмирала.

Непріятели замѣтно усиливаются на Инкерманской сторонѣ, приготовляясь къ соединенію съ Евпаторійскими врагами. Плѣнные, даже офицеры, находятся въ полной увѣренности, что мы уже отрѣзаны турками. Такъ увѣряютъ ихъ въ лагерѣ.

Прибывшія вновь изъ Симферополя сестры остаются на сѣверной сторонѣ. Тамъ же начальница общины Стаховичъ и іеромонахъ общинскій. Изъ прежнихъ сестеръ похоронилъ я двухъ; изъ прочихъ, благодареніе Богу, иныя выздоравливаютъ, другія здоровы и подвизаются.

Нашъ католическій ксендзъ арестованъ и отправленъ за внушеніе на исповѣди солдатамъ измѣнническихъ мыслей. Не отъ того ли часто бѣгали поляки?

Ночь на 7-е марта была одна изъ ужаснѣйшихъ. Полагаютъ, что непріятелями брошено бомбъ и ядеръ до 4-хъ тысячъ. Идя къ утрени, я едва не подвернулся подъ осколки бомбы, лопнувшей у самыхъ воротъ церковныхъ. Благодареніе Богу, несчатные случаи очень рѣдки.

Милость Господня и молитвы ваши будутъ защитой нашей и до конца горя.

7 марта 1855 г. г. Севастополь.

Письмо 14-е.

Прежде всего буду отвѣчать Вашему Высокопреосвященству о присланныхъ вами іеромонахахъ для служенія во флотѣ. Въ слѣдствіе затопленія еще 4-хъ кораблей, о чемъ уже писалъ я, оказались іеромонахи наличные безъ мѣстъ и пріюта: такъ, на кораблѣ „Чесмѣ“ состоитъ три Іеромонаха, а на „Константинѣ“ два, собственно потому только, чтобы имъ получать оттуда довольствіе или порціонные деньги, служба же ихъ разбросана, м. сказать, по разнымъ мѣстамъ, гдѣ находятся люди того судна или корабля, на которомъ состоялъ іеромонахъ до существованія корабля и образованія изъ матросовъ баталіоновъ и батарейныхъ командъ. И потому іеромонахи нѣкоторыхъ затопленныхъ судовъ служатъ теперь не столько штатно и на мѣстахъ, сколько номинально и довольствуются отъ командировъ за старую службу. Потому то когда я формально

передалъ волю Вашего Высокопреосвященства благочинному флотскому, игумену Георгію о замѣщеніи новыми іеромонахами тѣхъ, коихъ Вы признали неблагонадежными: то онъ отвѣчалъ мнѣ также формально, что на замѣщеніе таковыхъ неблагонадежныхъ есть наличные іеромонахи, и что онъ впрочемъ поэтому, во всякомъ случаѣ, не можетъ сдѣлать распоряженія безъ предписанія и указанія старшаго благочиннаго надъ духовенствомъ сухопутныхъ и морскихъ силъ въ Крыму, протоіерея Петра Мацкевича, къ которому онъ и отнесся объ этомъ. Желая ускорить это дѣло и будучи уже знакомъ съ этимъ протоіереемъ, я самъ отправился къ нему на сѣверную, но къ удивленію моему узналъ, что онъ готовитъ репортъ оберъ-священнику, коимъ представляетъ Ваше распоряженіе на его разрѣшеніе, котораго должны новоприбывшіе іеромонахи ожидать въ Севастополѣ, безъ довольствія и пріюта. Напрасно я толковалъ ему, что Архіепископу Херсонскому всегда принадлежало и принадлежитъ право комплектовать флотъ іеромонахами, коихъ потому и св. Сунодъ присылаетъ въ непосредственное его распоряженіе, и что поэтому замѣщать неблагонадежныхъ лучшими также лежитъ на обязанности мѣстнаго епархіальнаго начальника; вамъ, говорилъ я, остается исполнить распоряженіе Его Высокопреосвященства и донести о томъ оберъ-священнику къ свѣдѣнію. Упорный старикъ остался при своихъ мысляхъ. Разсуждая, что таковъ ходъ дѣла былъ бы оскорбителенъ для власти и имени Вашего Высокопреосвященства и что іеромонахи нескоро дождались бы рѣшенія оберъ-священника, я предложилъ потомъ протоіерею Мацкевичу это дѣло оставить совсѣмъ, и что я самъ напишу Вамъ рапортъ о встрѣтившихся къ замѣщенію іеромонаховъ препятствіяхъ. Между препятствіями есть и сіе: къ удаленію неблагонадежнаго Іоаникія; въ ночь съ 2-го на 3-е марта онъ опять былъ героемъ въ дѣлѣ, ходилъ съ крестомъ впереди солдатъ и заставилъ броситься въ штыки, когда они не рѣшались на то, когда нужно; вмѣстѣ съ ними попалъ и въ потьмахъ между непріятельскими трупами открылъ одного врага—офицера живого, а только притворившагося, за что военнымъ начальствомъ рекомендуется съ отличной стороны и предста-

вляется къ наградѣ.—Вашему Высокопреосвященству пріятно будетъ услышать о другомъ Іоанникіѣ (что былъ іеродіакономъ въ скиту): въ дѣлѣ ночью съ 10 на 11-е марта онъ былъ посланъ вывесть изъ непріятельскихъ траншей солдатъ нашихъ, кои не хотѣли вѣрить и потому слѣдовать сигналу отступленія, и онъ также рекомендуется начальствомъ какъ отличный и неустрашимый іеромонахъ. Третій Іоанникій [1]) отличенъ Синопскимъ крестомъ. Сія троица именъ не ходатайствуетъ ли въ пользу одного изъ нихъ, житіемъ иногда разнствовавшаго? Говоря сіе, я нисколько не защищаю петрезвости въ комъ бы и гдѣ бы ни было, а осмѣливаюсь только сказать свое мнѣніе, что оказанныя іеромонахомъ Іоанникіемъ отличія въ настоящее время выкупаютъ его вину въ туже эпоху. Іеромонаха Пахомія благочинный, Игуменъ Георгій, не одобряетъ и къ удаленію его не находитъ никакого препятствія, кромѣ власти протоіерея Мацкевича, который, какъ я уже объяснилъ, не рѣшился сдѣлать того безъ разрѣшенія оберъ-священника. Пахомій безъ судна и прикомандированъ къ кораблю „Чесмѣ“, отъ котораго довольствуются три іеромонаха.

Сначала я хотѣлъ было винить игумена Георгія въ своевольномъ уклоненіи подъ новую власть протоіерея Мацкевича, безъ вѣдома Вашего. Но потомъ узналъ, что вслѣдствіе приказа отъ главнокомандующаго, адмиралъ давалъ по флоту знать приказомъ о подчиненіи флотскихъ іеромонаховъ этому старшему благочинному.

Новоприбывшіе іеромонахи, по моему совѣту, отправились въ Скитъ впредь до новаго Вашего объ нихъ распоряженія. Изъ нихъ Иліодоръ намѣревалъ отправиться въ Кизиль-ташъ. Послушникъ также отправился въ Скитъ, ибо мѣста для него не оказалось. Къ лазаретамъ главнымъ назначены теперь армейскіе священники, кои, къ сожалѣнію, небрегутъ о своей обязанности.

Представляю требуемый Вами списокъ флотскихъ іеромонаховъ въ такомъ видѣ, какъ составленъ онъ для меня самими

---

[1]) Кіевскій.

іеромонахами. Въ немъ не состоитъ іеромонахъ Иннокентій, какъ поступившій въ Севастополь на службу по особому назначенію Вашему. Онъ прибылъ вмѣстѣ съ о. архимандритомъ Митрофаномъ, и съ того времени труждается на сѣверной въ госпиталѣ, не имѣя другаго довольствія, кромѣ собственнаго запаснаго жалованья, котораго, впрочемъ, онъ, какъ и игуменъ Георгій, съ 1-го мая не получалъ—(свѣдѣніе о жалованьѣ мною уже послано Вамъ). При сестрахъ есть Петербургскій іеромонахъ, который и состоитъ при первомъ ихъ отдѣленіи на сѣверной сторонѣ, гдѣ и главная начальница А. П. Стаховичъ. Потому о. Инокеній какъ до прибытія сестеръ служилъ собственно при больныхъ, такъ и теперь въ томъ одномъ подвигѣ труждается. На мою часть пришлись сестры 2-го и 3-го отдѣленія, имѣющія жительство собственно въ городѣ; потому и больныхъ я посѣщаю, и служу имъ, какъ въ первомъ перевязочномъ пунктѣ, такъ и во всѣхъ занятыхъ подъ госпитали домахъ, гдѣ находятся сестры и медики Крестовоздвиженской Общины.

12-го марта іеромонахъ Веніаминъ [1]) получилъ изъ монастыря свой Синопскій крестъ, при письмѣ о. архимандрита Геронтія, которому онъ писалъ объ этомъ. Изъ этого должно заключить, что нѣкоторая собственность монастырская дѣйствительно осталась неприкосновенною для вражьей руки. Вмѣстѣ съ этимъ о. Геронтій увѣдомляетъ о полученіи 10 фунтовъ чаю, который великими князьями для братіи пожертвованъ, также, что всѣ живы и здоровы. Письмо это отъ 24 февраля. Неизвѣстно, отъ чего оно такъ не скоро получено.

О священникѣ Манжелеѣ доселѣ не дано мнѣ никакого свѣдѣнія отъ Сакена, м. б. потому, что такового самъ онъ еще не имѣетъ: ибо письмо отъ о. Геронтія генералъ Сакенъ прислалъ ко мнѣ тотчасъ по полученіи. Потому я считаю излишнимъ, безъ особаго случая, утруждать объ этомъ генерала, у котораго постоянно много дѣлъ и лицъ. Такъ такъ указомъ

---

[1]) Впослѣдствіи настоятель монастыря „Новый Іерусалимъ“, москов. губ., архимандритъ и ордена 1-й степени св. Анны кавалеръ.

консисторіи о переводѣ священника Манжелея изъ Евпаторійскаго въ Бакчисарайскій соборъ предписано ему получать жалованье, я предписалъ Бакчисарайскому причту вручать оное женѣ Манжелея, находящейся съ дѣтьми въ Симферополѣ. Послѣдовавшій указъ объ удержаніи отъ праздныхъ мѣстъ суммы въ пользу консисторіи, безъ сомнѣнія, имѣетъ силу впредь до будущаго времени. Комарскій священникъ Александръ Демишевъ, по занятіи непріятелями деревни Комара мною командированный къ Бакчисарайскому собору, о чемъ тогди же писалъ я Вашему Высокопр—ву, можетъ безбѣдно довольствоваться одними доходами отъ собора, приходъ котораго значительно увеличился теперь какъ пришельцами изъ Севастополя, Комарей и Кадиковки, такъ и людьми военными, для коихъ въ Бакчисараѣ нѣтъ другой церкви. Комары и Кадыковка давно уже не существуютъ, и жилища и церкви разобраны непріятелями на топливо. Жители этихъ двухъ деревень и Балаклавы (собственно женскій полъ), чрезъ три дня, по занятіи Балаклавы, по приказанію Раглана вышли съ Балаклавскимъ протоіереемъ Аргириди въ Бакчисарай (и то кто успѣлъ), о чемъ также я извѣщалъ Васъ въ свое время. Уцѣлѣла, какъ слышно, одна Карань, гдѣ будто бы находится и Кадыковскій священникъ съ частію жителей. Объ немъ я ожидаю свѣдѣнія отъ о. архимандрита Геронтія, которому я уже писалъ объ этомъ. Качинскій священникъ Ѳеодоръ Кузьменко, послѣ разоренія Качинской церкви (зданіе и иконостасъ цѣлы, расхищены утварь и другая движимость), долго не являлся ко мнѣ, потомъ съ согласія Мангутскаго причта и Біасальскихъ прихожанъ, я командировалъ его къ приписной Біасальской церкви. Старикъ, кажется, приберегъ копѣйку для чернаго дня; ему необходимо служеніе болѣе для спасенія души. У него есть и свой садъ на Бельбекѣ. О разоренныхъ церквахъ моего вѣдомства я доселѣ не представлялъ формальнаго рапорта, потому что свѣдѣній объ этомъ полныхъ и совершенно вѣрныхъ не имѣю. Если Господь даруетъ намъ совершенную свободу, чего надѣемся скоро, я намѣренъ по живымъ слѣдамъ непріятельскимъ обозрѣть свое вѣдомство, и тогда обязуюсь представить о разоренныхъ цер-

квяхъ и духовенствѣ полную историческую записку, которая могла бы послужить и для донесенія Св. синоду.

Представленія о іеромонахахъ, за октябрьскую треть поступившія къ кн. Меньшикову, говорятъ, остались въ его канцеляріи неподписанными, равно какъ и представленія о медикахъ, изъ коихъ, не смотря на тяжкую службу ихъ, еще ни одинъ не получилъ награды. И теперь, полагаю, представленія о монашествующихъ пойдутъ тѣмъ же путемъ чрезъ канцелярію главнокомандующаго и уже въ Петербургѣ переданы будутъ въ Синодъ. Ибо отъ главнокомандующаго, вслѣдствіе предварительнаго его согласія на распоряженіе оберъ-священника, послѣдовалъ приказъ о подчиненіи флотскаго духовенства общему вѣдѣнію военному въ лицѣ протоіерея Мацкевича, который ордеромъ 10-го генваря за № 93 назначенъ старшимъ благочиннымъ духовенства сухопутныхъ и морскихъ силъ въ Крыму. Необходимо теперь обратить вниманіе на эти представленія въ Синодѣ. Судъ военный всегда есть внѣшній, и легко можетъ присудить награду не совсѣмъ приличествующую тому духовному лицу, котораго немощи ему неизвѣстны. Я слышалъ, что послужные списки къ этимъ представленіямъ составлялись изъ устныхъ показаній самихъ іеромонаховъ: легко можетъ статься, что тамъ окажется у иного утайка худородія и немощей, у другаго—прибавка ума и заслугъ. Справедливо, что всѣ они должны быть награждены, ибо всѣ болѣе или менѣе несли варъ и тяготу настоящаго времени. Но Богъ вѣсть, всѣ ли они будутъ способны носить свои знаки отличія? не послужатъ ли они для нѣкоторыхъ во вредъ и тяжесть?

Съ прибывшими іеромонахами я получилъ 50 экземпляровъ Касперовской иконы Божіей Матери, кои продаю и раздаю по Вашему назначенію. Также получилъ картину священно-мучениковъ херсонскихъ въ одномъ экземплярѣ. Въ ней такъ прекрасно выраженъ характеръ древняго иконописанія, что сама идея ея и исполненіе оной кажутся древними. Въ большемъ размѣрѣ и въ масляныхъ краскахъ это будетъ единственное украшеніе храмовъ, особенно нашего края, приснаго священно-мученикамъ. Я не медля поставилъ это изображеніе въ

раму и подъ стекло и теплю предъ нимъ лампаду и какъ за рѣдкій даръ приношу Вашему Высокопреосвященству глубочайшую благодарность. Кто-то въ Карасу-базарѣ прекрасно пишетъ Касперовскія иконы Бож. Матери и дешево по 6 р. сер. Я заказалъ сдѣлать для себя и для церкви.

У преосвященнаго митрополита былъ и передалъ ему поклонъ отъ Васъ. Старецъ принялъ поклонъ съ слезами радости и благодарности, и приказалъ, если буду писать, и отъ него засвидѣтельствовать Вашему Высокопр—ву поклонъ и почтеніе. О деньгахъ онъ не вспоминалъ, потому и я объ этомъ промолчать разсудилъ.

У владыки пріютилась старица протоіерейша Гаврилова, утруждавшая Вамъ письмомъ о своемъ бѣдномъ положеніи. Чего именно она проситъ у Васъ, ясно доселѣ не объяснила мнѣ. Оставить Севастополь и слѣдовать хоть бы въ Одессу подъ Вашъ отеческій пріютъ она никогда не рѣшится по привязанности къ своему жилищу и желанію до смерти быть госпожей въ своемъ домѣ. У нея еще есть 4-е души крѣпостныхъ женскаго пола. Домъ ея много поврежденъ ударомъ двухъ бомбъ, лопнувшихъ внутри его. Думать объ исправленіи его теперь напрасно, еслибы она имѣла къ тому и средства. По окончаніи же войны, безъ сомнѣнія, первое удовлетвореніе отъ казны будетъ принадлежать вдовамъ. Мнѣ кажется, что она ожидаетъ отъ Васъ денежнаго пособія на продовольствіе свое.

Что касается до нуждъ нашихъ, т. е. моихъ и причта моего, о коихъ уже не въ первый разъ отечески спрашиваете, то благодаря Васъ и Бога о таковомъ милостивѣйшемъ архипастырѣ нашемъ, намъ удобнѣе въ бывающихъ нуждахъ заимствоваться (какъ сіе разрѣшено Вами) отъ церкви, чѣмъ просить денегъ у васъ изъ Одессы. Прежде чѣмъ мы подверглись нуждамъ и прежде прошенія нашего, вы уже предварили ихъ. Но не легко особенно переносить тяготу настоящаго времени моему сослуживцу, священнику Демяновичу. Кромѣ нуждъ, онъ терпитъ отъ страха не за себя одного, но за пятерыхъ дѣтей и мать, которыхъ не имѣлъ куда отправить изъ Севастополя.

Еще не такъ давно бомба залетѣла на дворъ его квартиры, которая недалеко отъ церкви.

Наконецъ—о ходѣ войны подъ Севастополемъ, сколько это доступно моему глазу, слуху и разумѣнію.

Театръ войны съ южной стороны и съ пункта 4-го бастіона перешелъ на юговосточную или Инкерманскую, можно сказать, съ 12-го февраля. Но съ марта мѣсяца у Корнилова бастіона и противъ всей той линіи дѣется тоже, что прежде кипѣло у 4 бастіона. Прибытіе новаго главнокомандующаго, кн. Горчакова (онъ прибылъ вечеромъ 8-го марта) придало нашимъ дѣйствіямъ характеръ болѣе рѣшительный. 9-го онъ обозрѣвалъ наши укрѣпленія и мѣстность, причемъ воодушевлялъ солдатъ ласковымъ словомъ (чего никогда не слышали отъ кн. Меншикова) и вѣстію, что идутъ къ намъ войска, снаряды и довольствіе въ огромномъ количествѣ, что потомъ объявилъ и приказомъ, присовокупивъ увѣреніе, что, съ помощію Божіею, скоро изгонимъ враговъ съ нашей земли. 10-го на 11-е сдѣлана вылазка въ большомъ размѣрѣ, именно тамъ, гдѣ теперь усиливаются непріятели. Ею командовалъ генералъ Хрулевъ и своимъ отличнымъ расположеніемъ привелъ ее къ счастливому концу. Неизвѣстно, непріятели были кѣмъ предварены объ этой вылазкѣ, или, безъ этого, сами готовились къ нападенію на новый редутъ нашъ, только они нѣсколько предварили насъ и притомъ сначала большею противъ нашего массою. Оставивъ противъ нихъ оба баталіона принять непріятелей, онъ одинъ только съ барабанщиками пошелъ въ обходъ и шумомъ 12-ти барабановъ заставилъ ихъ подумать, что туть идетъ большой отрядъ, и обратиться въ бѣгство. Большее сопротивленіе представилось въ траншеяхъ, которыя поелику были наполнены врагами, наполнились трупами ихъ. Дѣло тянулось долго, въ которое введено было еще нѣсколько баталіоновъ. На батареѣ непріятельской опрокинули нѣсколько орудій и траншеи разметали. Въ плѣнъ взято враговъ до ста; всю потерю ихъ примѣрно считаютъ не менѣе трехъ тысячъ.

Замѣчательная картина была, когда на другой день на всей линіи были подняты переговорные флаги и стали убирать

тѣла. Всѣ взгорья вдругъ покрылись краснотою и пестротою непріятельскою. Изъ траншей сыпались они, какъ муравьи. Одни суетились нося тѣла, другіе были только зрителями, по жестамъ рукъ и другимъ тѣлодвиженіямъ неравнодушными. Иные стояли въ большихъ кучахъ, и, какъ замѣтно, взирали на зрѣлище, внимали и какимъ то ораторамъ. На самомъ мѣстѣ побоища наши носильщики и парламентеры своею сѣрою, однообразною и солидною формою рѣзко отличались отъ маскарадной пестроты непріятельской. По свидѣтельству непріятелей, ни одинъ солдатъ не попалъ къ нимъ въ плѣнъ изъ этого дѣла. Англійскій подполковникъ на вопросъ кн. Горчакова: какъ онъ могъ попасть въ плѣнъ? ужели въ началѣ дѣла? отвѣчалъ, что онъ взятъ подъ конецъ дѣла, когда всѣ 12 офицеровъ его были убиты. На вопросъ же о штурмѣ, будетъ ли онъ? всѣ плѣнные теперь отвѣчаютъ смѣхомъ. Такъ мало они вѣрятъ успѣху своего дѣла.

Числа убитыхъ съ нашей стороны не знаю; раненныхъ же было 950. Изъ нихъ болѣе 300 такъ легко ранены, что чрезъ нѣсколько дней могутъ быть опять въ строю. Послѣ этого дѣла, на перевязочныхъ пунктахъ неимовѣрные труды были для медиковъ въ продолженіи двухъ дней.

Слышно, что 18 марта будетъ вылазка общая—изъ всѣхъ пунктовъ и противъ всей позиціи непріятельской. Страхъ намъ не новость; только дай Господи успѣть.

Въ ту же ночь, какъ у Корнилова бастіона лилась кровь, на городъ изъ-за 4 бастіона неслась самая ужасная бомбардировка. Бомбы смѣнялись ракетами и соперничали въ своихъ ужасахъ. Когда удалось сдѣлать три пожара, то на нихъ именно направлены были новые огни. Одинъ пожаръ вспыхнулъ недалеко отъ нашей библіотеки. Направленныя туда бомбы и ракеты неслись прямо чрезъ мою церковь. Нѣсколько бомбъ лопнуло въ воздухѣ надъ самою церковію; одна ударила въ стѣну церкви, миновавъ колонну и, хотя повредила стѣну, но не пробила насквозь, ибо ударъ послѣдовалъ въ самую нижнюю часть стѣны, между тѣмъ такъ былъ силенъ, что запоръ ставни выскочилъ съпробками, а въ церкви мѣстные большіе подсвѣч-

ники повалились. Одна бомба пала въ саду на дорожкѣ къ моей квартирѣ, но, лопнувши глубоко въ землѣ, брызнула не осколками, а землею, которая налетала на самую крышу дома. Съ 9-ти часовъ вечера почти до утрени я простоялъ съ причтомъ у церкви, наблюдая за смертію и укрываясь отъ нея за колоннами и церковію. Но самъ Господь видимо хранитъ всѣхъ. Болѣе 5-ти тысячъ бомбъ брошено въ городъ, а между тѣмъ изъ жителей всего ранены 2 женщины, и на линіи собственно городской не болѣе 30 человѣкъ; между тѣмъ на одномъ 4-мъ бастіонѣ легло 2 тысячи бомбъ, какъ мнѣ говорилъ штабъ-офицеръ, въ ту ночь тамъ команду имѣвшій.

Полагаютъ, что войска, идущія на усиленіе Крымской арміи, будутъ на мѣстѣ не раньше половины апрѣля, но что, впрочемъ, кн. Горчаковъ можетъ открыть свои дѣйствія съ 1-го апрѣля.

Кн. Меншиковъ просилъ о своемъ увольненіи покойнаго Императора, и уволенъ приказомъ новаго отъ 9-го марта. Можно подумать, что это увольненіе есть дѣло собственно царствующаго Императора, но этого у насъ не допускаютъ. Увольненіе же отъ министерства, о чемъ князь не просилъ, приписываютъ желанію генералъ-адмирала.

Измѣнникъ ксендзъ выданъ коменданту 20 солдатами—католиками, которымъ онъ внушалъ на исповѣди, что присяга не такъ важна, какъ услуга, которую они могутъ теперь оказать своей погибшей отчизнѣ, что нужно дорожить временемъ и дѣйствовать и проч. Теперь понятно, отчего непріятели всегда почти знали о нашихъ вылазкахъ, отчего много бѣгало поляковъ. Это его діавольское сѣяніе. Вы посѣщали Севастопольскій костелъ и можете припомнить этого поляка.

15 марта 1855 года.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Харьковское общество благотворенія (въ 1812—1817 г. г.).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(ПО НЕИЗДАННЫМЪ ДОКУМЕНТАМЪ).

„Чѣмъ больше изучаемъ мы лѣтописи прошлаго, тѣмъ больше радуемся, что живемъ въ вѣкъ милосердія".

Макколей.

Въ настоящее время, когда общественная благотворительность у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ міра достигла значительнаго, а у иныхъ даже колоссальнаго развитія, когда благотворительныя общества и учрежденія нарождаются у насъ чуть не ежедневно,—мы такъ присмотрѣлись уже къ нимъ, что намъ, напримѣръ, трудно было бы себѣ представить такой городъ, гдѣ не существовало-бы вовсе подобныхъ учрежденій. Мало того: какъ заурядныя явленія обыденной жизни, учрежденія эти или просто игнорируются нами, или даже—въ худшемъ случаѣ—вызываютъ къ себѣ скептическое отношеніе, какъ палліативныя средства, не исцѣляющія соціальныхъ недуговъ. А между тѣмъ едва-ли нужно доказывать теперь, что процессъ развитія благотворительности неразлученъ и даже (отчасти) идентиченъ съ прогрессивнымъ движеніемъ человѣчества вообще, что степень развитія благотворительности въ жизни какого-либо на-

рода служитъ лучшимъ критеріемъ для оцѣнки его цивилизаціи: все это ходячія истины въ наше время [1]). Но не такъ далеко отъ насъ то доброе старое время, когда благотворительность у насъ состояла исключительно въ подаяніи милостыни или, какъ это дѣлали русскіе цари XVI и XVII вв., въ посѣщеніи темницъ и роздачѣ всякаго рода провизіи заключеннымъ, а вся общественно-благотворительная дѣятельность выражалась въ поддержкѣ существовавшихъ при церквяхъ и монастыряхъ такъ называемыхъ „богадѣльныхъ избушекъ", гдѣ на церковно-приходскомъ иждивеніи находилось нѣсколько человѣкъ нищихъ и больныхъ, (получавшихъ здѣсь, впрочемъ, иногда если не лучшій, то по крайней мѣрѣ, болѣе сердечный присмотръ, чѣмъ въ иныхъ современныхъ намъ богоугодныхъ заведеніяхъ). Какихъ либо постоянныхъ учрежденій, въ родѣ больницъ, пріютовъ и т. п., на Руси до самаго конца XVII в. не существовало. Указъ 1682 года „объ основаніи *шпиталенъ*", т. е. госпиталей, по образцу западно-европейскихъ, изданный незадолго до смерти Ѳедора Алексѣевича, свидѣтельствуетъ, что необходимость подобныхъ учрежденій уже ясно сознавалась правительствомъ и передовыми людьми подъ конецъ допетровской эпохи [2]).

---

[1]) Ср. напр. мнѣніе объ этомъ Мэколея (Macaulay) въ статьѣ, изъ которой нами взятъ эпиграфъ: „Still more important is the benefit, which all orders of society... have derived from the mollifying influence of civilisation on the national character". et c.

[2]) Если не брать во вниманіе извѣстныхъ церковныхъ „братствъ" юго-западной Руси, начиная съ XVI вѣка устраивавшихъ для „братчиковъ" богадѣльни и больницы, а для богомольцевъ—странноприимные дома, то указъ царя Ѳедора Алексѣевича отъ 1682 года объ основаніи двухъ „шпиталень" для больныхъ „нищихъ людей" можно считать первымъ оффиціальнымъ признаніемъ необходимости общественныхъ благотворительныхъ учрежденій по образцу западно-европейскихъ. По крайней мѣрѣ, въ Московскомъ царствѣ до тѣхъ поръ подобныхъ учрежденій мы нигдѣ не встрѣчаемъ. Правда „на верху", т. е. при царскихъ палатахъ, содержалась нищая братія, назначеніе которой было удовлетворять потребности царя—оказывать благодѣянія, но это, всего менѣе, можно считать проявленіемъ общественной благотворительности, а „богадѣльныя избушки", существовавшія при церквахъ, монастыряхъ, патріаршихъ и архіерейскихъ домахъ и являющіяся прототипомъ благотворительныхъ учрежденій церковно-приходскихъ попечительствъ, были, какъ самое названіе ихъ показываетъ, слишкомъ ничтожны для того, чтобы имѣть серьезное зна-

Великая просвѣтительная дѣятельность преобразователя менѣе всего касалась благотворительности [1]). Послѣдняя не могла сдѣлать большихъ успѣховъ и при его ближайшихъ преемникахъ. Только—со временъ Екатерины Великой начинается широкое развитіе благотворительной дѣятельности въ столицахъ, но въ провинцію она и тогда мало проникала [2]). Начало современной благотворительности тѣсно связано съ дѣятельностью Императрицы Маріи Ѳеодоровны [3]): только подъ ея покровительствомъ началось повсемѣстно процвѣтаніе блоготворительности въ Россіи.

Представить полную картину развитія благотворительности въ нашемъ отечествѣ—въ связи съ культурнымъ развитіемъ

ченіе общественно-благотворительныхъ учрежденій. Ср. Лешковъ. „Русскій народъ и государство". Въ 17-мъ вѣка *„братства"* (конечно, въ меньшемъ размѣрѣ) существовали и при харьковскихъ церквахъ, а въ 18 ст. въ Слободской Украинѣ считалось уже 68 *шпиталей*, гдѣ призрѣвалось болѣе 150 человѣкъ больныхъ и увѣчныхъ. См. Д. И. Багалѣй „Опытъ ист. Харьк. Университета", стр. 87.

[1]) Сюда относится только указъ 1705 года, запрещавшій прошеніе и подаяніе милостыни, и предписаніе Синоду озаботиться о средствахъ къ искорененію нищенства. „Ровно за годъ до своей кончины Петръ подписалъ указъ (составленный имъ при участіи Ѳеофана Прокоповича), который даетъ монастырямъ назначеніе пристанищъ для подкинутыхъ младенцевъ, для престарѣлыхъ, больныхъ и увѣчныхъ: наконецъ, въ монастыряхъ должны быть учреждены школы. Вскорѣ приняты были и мѣры къ исполненію этихъ предначертаній; но смерть Монарха разстроила дѣло въ самомъ началѣ, и все оное, по словамъ историка Татищева, въ забвеніи осталось". См. Я. Гротъ. „Петръ В., какъ просвѣтитель Россіи", Спб. 1872, стр. 31.

[2]) Существовавшіе уже тогда въ губернскихъ городахъ Приказы общественнаго призрѣнія были обязаны, между прочимъ, по указу Имп. Екатерины II, (отъ 7-го ноября 1776 г.), открывать училища для дѣтей обоего пола, но ограничивались только формальнымъ выполненіемъ предписаній правительства: о малоуспѣшности открытыхъ ими при монастыряхъ школъ для обученія сирыхъ обоего пола особенно рѣзко отзывается въ своемъ рапортѣ „Главному Правительству народныхъ училищъ" директоръ курскихъ народныхъ училищъ подполковникъ Арсеньевъ. См. Е. Лихачевой, Мат. для исторіи женскаго образованія, т. I, стр. 283.

[3]) Супруги Императора Павла Петровича и матери Александра Благословеннаго, про которую В. А. Жуковскій, оплакивая въ звучныхъ стихахъ ея кончину, восклицаетъ:

Благодаримъ, благодаримъ
Тебя за жизнь твою межъ нами!

См. „Чувства передъ гробомъ Государыни Императрицы Маріи Ѳедоровны, въ ночь наканунѣ погребенія тѣла Ея Величества".

русскаго общества—было бы широкой и благодарной задачей историческаго изслѣдованія. Но для того, чтобы могла осуществиться эта задача, необходимо еще произвести много детальныхъ работъ и прежде всего подведеніе возможно точныхъ итого въ дѣятельности какъ существующихъ понынѣ, такъ и когда-либо существовавшихъ у насъ благотворительныхъ обществъ. Поэтому, кажется, далеко не излишнимъ будетъ представить здѣсь бѣглый очеркъ давно уже прекратившаго свою дѣятельность и мало кому извѣстнаго перваго Харьковскаго общества благотворенія бѣднымъ. Основанное въ достопамятномъ 1812 году и положившее начало Харьковскому институту благородныхъ дѣвицъ, общество это было дѣтищемъ харьковскаго дворянства той знаменитой эпохи, когда послѣднее было едва-ли не единственной передовой силой въ нашей провинціальной жизни, когда изъ среды его выдвинулись такія личности, какъ основатель харьковскаго университета, гуманный и высоко образованный В. Н. Каразинъ, и знаменитый впослѣдствіи писатель Г. Ѳ. Квитка. Дѣятельности этого послѣдняго, какъ увидимъ ниже, обязаны своимъ существованіемъ какъ самое общество благотворенія, такъ и устроенный обществомъ харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ. Въ виду появившихся теперь нѣсколькихъ новыхъ работъ, характеризующихъ ту же эпоху жизни харьковскаго общества, каковы, напр., трудъ профес. Д. И. Багалѣя „Опытъ исторіи харьковскаго университета“, печатавшійся въ „Запискахъ харьковскаго университета“ и вышедшій теперь отдѣльными оттисками, и новая біографія Г. Ѳ. Квитки, помѣщенная при VI томѣ его сочиненій, издаваемыхъ харьковскимъ уѣзднымъ земствомъ, думаемъ, что не лишнимъ будетъ и нашъ очеркъ, такъ какъ, напр., біографы Г. Ѳ. Квитки, дающіе довольно значительный матеріалъ для оцѣнки его литературной дѣятельности, очень мало касаются его дѣятельности въ качествѣ благотворителя [1]).

---

[1]) Нѣкоторое исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ вышедшая въ 1894 году біографія Квитки, принадлежащая перу г. С. Р. и помѣщенная въ VI т. собранія сочиненій нашего автора, издаваемаго Харьковскимъ уѣзднымъ земствомъ. Но авторъ этой біографіи, пожелавшій скрыть свое имя подъ буквами С. Р., не

Съ другой стороны работа наша представляетъ нѣкоторый интересъ и въ виду только что возникшаго у насъ „харьковскаго (губернскаго) дворянскаго общества вспомоществованія“, уставъ котораго заключаетъ нѣкоторыя статьи, аналогичныя [1]) съ уставомъ харьковскаго общества благотворенія, а также въ виду основанія по Высочайшему повелѣнію такъ называемаго Ксеніевскаго полу-сиротскаго института въ С.-Петербургѣ [2]), нѣкоторыя уставныя черты котораго вновь возрождаютъ передъ нами тѣ предначертанія, которыя проводило „Харьковское общество благотворенія“ въ составленномъ имъ уставѣ института 1812 года. Основанному обществомъ институту мы посвятимъ отдѣльную статью, здѣсь же предлагаемъ вниманію читателя только краткій очеркъ благотворительной дѣятельности общества за пять первыхъ лѣтъ его существованія, съ 1812 по 1817 годъ. Благодаря любезности члена совѣта по учебной части и инспектора классовъ харьк. института уважаемаго Д. С. Георгіевскаго [3]), мы могли воспользоваться всѣми документами институтскаго архива, касающимися нашей темы, и до сихъ поръ никѣмъ неразработанными [4]). Пользуемся случаемъ принести здѣсь

могъ воспользоваться документами архива Харьков. Институт. благород. дѣвицъ,—любезно предоставленными въ наше распоряженіе членомъ совѣта по учебной части Д. С. Георгіевскимъ,—за исключеніемъ одного дѣла: „Дѣло Инст. Архива № 5“, которое, какъ, говоритъ авторъ, „случайно попало ему подъ руки“ (стр. XIV).

[1]) Уставъ „Харьковскаго губернскаго дворянскаго общества вспомоществованія“, Харьковъ, 1894 г. (утвержденъ 30-го апрѣля 1893 г., дополненъ и измѣненъ 17 марта 1894 года). см. стр. 4, § 2: по мѣрѣ развитія средствъ Общества цѣль онаго можетъ быть расширяема и состоять въ оказаніи помощи всѣмъ дворянамъ, находящимся въ нуждѣ, безъ различія пола и возраста, путемъ выдачи пособій деньгами и вещами, пищей и квартирой, пріисканіемъ занятій, устройствомъ домовъ трудолюбія, опредѣленіемъ дѣтей въ ученіе и нравственной поддержкой.

[2]) Основанъ 25-го іюля 1894 года, открытъ 25-го марта 1895 года.

[3]) Въ 1893 году (1-го іюня) на торжественномъ актѣ института Д. С. Георгіевскимъ была произнесена рѣчь, въ которой, на основаніи документовъ, былъ представленъ краткій историческій очеркъ харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ. Очеркъ этотъ тогда же былъ напечатанъ (въ извлеченіи) мѣстными газетами. См., напр., „Южный Край“, №№ 4264 и 4265.

[4]) Составители краткихъ „историческихъ записокъ“ о харьковскомъ институтѣ, бывшіе члены Совѣта по учебн. части: д. с. с. П. П. Гулакъ-Артемовскій (онъ же—

нашу искреннюю благодарность какъ Д. С. Георгіевскому, такъ и директору 1-й харьковской (бывшей слободско-украинской) гимназіи М. П. Знаменскому, также предоставившему въ наше распоряженіе нѣкоторые документы гимназическаго архива, и секретарю харьковскаго депутатскаго собранія И. А. Эннатскому за такое же любезное содѣйствіе, оказанное намъ при пользованіи документами архива дворянскаго собранія.

Ограничивая наше изложеніе очеркомъ дѣятельности общества за 1812—1817 г.г., мы поступили такъ по той простой причинѣ, что благотворенія общества, выражавшіяся въ выдачѣ постоянныхъ и временныхъ пособій бѣднымъ, совершенно прекращаются именно къ 1817 году. Когда же (22 апр. 1818 г.) институтъ, принятый подъ высочайшее покровительство и главное начальство Императрицы Маріи Ѳеодоровны, отдѣлился отъ общества, послѣднее обязалось доставлять по 5000 тысячъ руб. ежегодно въ пособіе „на содержаніе 20 воспитанницъ“, но и эту сумму не въ состояніи было собирать и доставлять въ институтъ своевременно. Въ 1827 году общество вовсе прекратило свое существованіе, а въ 1828 году, чтобы усилить источники доходовъ харьковскаго института, Высочайше повелѣно Приказамъ общественнаго призрѣнія губерній Слободско-украинской, Курской, Орловской, Екатеринославской и Воронежской „вносить по 4000 руб. ассигн. ежегодно въ пособіе на содержаніе харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ“.

ГЛАВА I.

„Благотворительность составляетъ безспорно одно изъ самыхъ чистыхъ проявленій индивидуальной и общественной нравственности“.

Н. Х. Бунге. „Полиц. Право.“

То погрессивное движеніе, которое исходило въ началѣ правленія Императора Александра Благословеннаго отъ самой

ректоръ университета) и тайн. сов. Г. С. Рындовскій документами Общества благотворенія не пользовались. См. „Свѣдѣніе о харк. инст. благ. дѣвицъ“, составленное д. с. с. П. П. Гулакомъ-Артемовскимъ (21 февр. 1844 г.) въ книжкѣ К. П. Щел-

верховной власти [1]) и, стремясь какъ-бы отъ центра къ окружности, мало по малу переходило въ провинцію,—какъ это часто бываетъ, въ провинціи-же оказалось болѣе жизненнымъ, чѣмъ въ бюрократической столицѣ; даже въ то время, когда въ столицѣ наблюдался уже полный поворотъ въ сторону реакціи и властвовалъ всесильный Аракчеевъ [2]), въ провинціи продолжалась еще прогрессивная дѣятельность въ лицѣ *„колдуна“*—Каразина [3]) и другихъ ему подобныхъ людей, которые еще не могли или не хотѣли примириться съ совершившейся перемѣной.

кова „Харьковъ“ Историко-статистич. опытъ, 1880 г., стр. 47 и „записку“ Г. С. Рындовскаго въ дѣлѣ канцеляріи Совѣта харьк. инст. 1877 года, за № 23.

[1]) „Невозможно описать, говоритъ историкъ харьковскаго университета, проф. Багалѣй, того энтузіазма, который былъ вызванъ воцареніемъ Императора Александра и первыми шагами его государственной дѣятельности въ духѣ свободы и покровительства просвѣщенію; для этого надо прочитать признанія современниковъ. Даже самые осторожные практическіе люди, умудренные житейскимъ опытомъ, въ родѣ Г. Р. Державина, исполнены были самыхъ розовыхъ надеждъ на новую эпоху“. Но 1812 годъ принесъ много перемѣнъ. Онъ былъ, по словамъ другого историка, покойнаго проф. В. К. Надлера, „временемъ, когда, возлюбивъ другъ друга единымъ сердцемъ, не переставали истинно русскіе люди призывать великое имя нашего Бога и Спасителя“. Ср. съ этимъ взглядъ Пыпина въ „Очеркахъ общественнаго движенія при Александрѣ I“, „Вѣстн. Евр.“ 1870 г., Апр. кн. 4, стр. 649—726, а также Шторхъ „Russland unter Alexander den ersten“, v. I p. p. 20—23, у Bernhardi „Geschichte Russlands und europäishen Politik in dem Iahren 1814 bis 1833“, 11-er Theil,—II-te Abtheil., Leipzig, 1875, 4-tes Buch: „Alexanders I Regierung bis zum Wiener Congresse“, p. p, 438 — 478.—Проф. В. К. Надлеръ „Императоръ Александръ I и идея священнаго союза“, томъ II (Рига, 1886 г.), стр. 14. (Ссылка на восп. Вигеля).

[2]) См. Вѣсти. Европы за 1870 годъ, книга 8, Августъ, изъ Аракчеевской переписки 1805—1833 г. Въ личной карьерѣ эта эпоха (1085—1833 г.) составляетъ все время его могущества отъ самаго начала и до полнаго паденія. (стр. 469. — Аракчеевъ умеръ 21 апрѣля 1834 года).

[3]) См. біографическій очеркъ В. Н. Каразина, составленный Я. В. Абрамовымъ, Спб. 1891 года, стр. 75. „Въ 1824 году Аракчеевъ, проѣзжая черезъ Богодуховъ (харк. губ.), сказалъ крестьянамъ, просившимъ о помощи по случаю неурожая, „странно, что вы голодаете: подъ бокомъ у васъ живетъ *колдунъ* (имѣніе Каразина находилось возлѣ Богодухова), *который сводитъ съ небесъ дождь и громъ, когда захочетъ*, (намекъ на занятія В. Н. метеорологіей); обратитесь къ нему“.

Но если въ лицѣ Каразина мы встрѣчаемъ человѣка, который былъ способенъ на борьбу [1]) и настойчивое преслѣдованіе своихъ цѣлей, другой дѣятель той же эпохи, Г. Ѳ. Квитка, по замѣчанію его біографа [2]), представляетъ „скромную личность общественнаго труженника, натуру художественную и въ тоже время вполнѣ уравновѣшенную, поражающую своею искренностью и носящую въ себѣ самой примирительное начало.“ „Такія личности всегда воплощаютъ въ себѣ лучшія чувства современниковъ, всегда идутъ на встрѣчу новымъ свѣтлымъ вѣяніямъ, но никогда не протестуютъ противъ вопіющаго зла, потому что протестъ и борьба чужды имъ, органически имъ противны.“

Тѣмъ не менѣе оба дѣятеля имѣли одно общее: оба были идеалисты и пылкіе энтузіасты. Но у каждаго стремленія къ идеалу нашли себѣ далеко не одинаковое примѣненіе въ ихъ дѣятельности. Каразинъ рано началъ интересоваться общественными вопросами, и для него это *общество*—была вся тогдашняя *Русь*; Квитка также съ первыхъ шаговъ своихъ въ свѣтѣ—об-

---

[1]) См. напр. его откровенныя письма къ Императору Павлу (біографическій очеркъ В. Н. Каразина, составленный Я. В. Абрамовымъ, стр. II-ая) и особенно къ Александру I (ibidem стр. 88). Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Императору Александру Павловичу Каразинъ между прочимъ говоритъ, что для избѣжанія революціонныхъ движеній въ Россіи потребны „не самовластныя мѣры, не подслащенныя слова, не тонкости французской полиціи, но честность, строгая честность систематическій планъ, основанный отъ первой буквы до послѣдней *на началахъ христіанскаго монархическаго правленія*“.

[2]) См. біографію Г. Ѳ. Квитки, С. Р. въ VI т. „Сочиненій Г. Ѳ. Квитки“, изд. Харьк. Уѣзд. Земства, 1894 г., Харьковъ, стр. III—VI. Впрочемъ со словами г. С. Р. едва ли возможно согласиться вполнѣ. Противъ такого (хотя и нерѣшительнаго отрицанія иниціативы у Г. Ѳ. Квитки) достаточно свидѣтельствуетъ вся его общественная дѣятельность, правда, не имѣющая характера „протеста“, но отличающаяся энергіей въ достиженіи цѣлей. Авторъ и самъ не отрицаетъ (стр. XXI), что „Гр. Ѳед. особенно энергично проявлялъ свое участіе въ дѣлѣ объ учрежденіи въ Харьковѣ кадетскаго корпуса, (зданіе кототораго досталось институту, а корпусъ былъ открытъ въ Полтавѣ) и въ установленіи взаимныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками“. Въ послѣднемъ дѣлѣ Квитка, по нашему мнѣнію, сдѣлалъ все, что возможно было сдѣлать въ то время, не превышая власти, данной уѣзднымъ предводителямъ дворянства особыми на этотъ счетъ инструкціями. (См. Арх. Харьк. Деп. Собр. дѣло № 15, за 1826 годъ). Масса энергіи вложена имъ и въ дѣла Общества благотворенія и въ основаніе Института.

щественный дѣятель, но дѣятельность его имѣетъ чисто мѣстный характеръ: онъ хотѣлъ быть полезнымъ у себя, въ одномъ углу, и не задавался трудно-исполнимыми и обширными планами [1]). Онъ служитъ то въ военной службѣ, то секретаремъ дворянства (отъ каковой должности отказался въ 1807 г.), то, хотя и не принимаетъ прямаго участія въ сборахъ пожертвованій на университетъ въ 1802 г.,—горячо сочувствуетъ и оказываетъ поддержку просвѣтительнымъ идеямъ В. Н. Каразина [2]), то участвуетъ въ частныхъ литературно-музыкальныхъ кружкахъ, то хлопочетъ объ устройствѣ въ Харьковѣ театра и даже стано-

---

[1]) Ср. съ этимъ характеристику замысловъ В. Н. Каразина у проф. Д. И. Багалѣя въ его трудѣ „Опытъ исторіи Харьковскаго университета", стр. 52. Указавъ широту „предначертанія" Каразина о харьковскомъ университетѣ, проф. Д. И. Багалѣй замѣчаетъ: „Въ нихъ (предначертаніяхъ) сказался весь Каразинъ со всѣми его достоинствами и недостатками—смѣлымъ оригинальнымъ умомъ и широкими, но не практичными замыслами. Его творческій разумъ не удовлетворялся обычною колеею, а всегда стремился къ грандіознымъ предпріятіямъ; у него былъ постоянно слишкомъ широкій розмахъ, котораго онъ не соразмѣрялъ съ условіями живой дѣйствительности".

[2]) Извѣстно, что въ числѣ лицъ, подписавшихъ приговоръ частнаго собранія дворянъ (отъ 29 августа 1802 г.), опредѣлявшій сумму необходимаго на основаніе университета взноса въ *одинъ милліонъ* рублей, были: колежскій совѣтникъ Ѳедоръ Квитка (отецъ Г. Ѳ.), тит. сов. Димитрій Квитка и прапорщикъ *Георгій Квитка*. (см. Д. И. Багалѣй „Опытъ исторіи харьк. универс." стр. 48). У Г. П. Даниловскаго въ отдѣльной статьѣ: „Основьяненко" (Спб. 1856) на страницахъ 8 и 9-й приводятся два указа Императрицы Екатерины II, свидѣтельствующихъ о службѣ Г. Ѳ. Квитки и полученныхъ имъ при отставкѣ чинѣ. 1-й гласитъ, что Гр. Квитка который служилъ вахмистромъ въ лейбъ-гвардіи, пожалованъ 3-го мая 1794 года (при отставкѣ) „въ капитаны отъ арміи". 2-й, выданный изъ Государственной военной Коллегіи—18 октября 1796 года, предписываетъ „Капитану сѣверскаго карабинернаго полка Григорію Квиткѣ слѣдовать къ этому полку и явиться въ срокъ". И такъ съ 1794 года Г. Ѳ. вездѣ подписывается *капитаномъ*, а между тѣмъ здѣсь подпись: прапорщикъ Григорій Квитка, въ документѣ относящемся къ 1802 году. На страницахъ Записокъ Императорскаго харьковскаго университета, 1895 г. (отд. оттискъ, кн. 4-й), мы доказываемъ на основаніи документовъ, добытыхъ изъ Харьков. духов. консисторіи о. прот. Н. Лащенковымъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ одно фамильцемъ или родственникомъ Ф. И Квитки, во вовсе не съ Г. Ѳ. Квиткою. Помимо документальныхъ данныхъ простое сличеніе почерка подписей Г. Ѳ. и прапорщика Георгія, которое мы сдѣлали, осмотрѣвъ подлинный документъ въ архивѣ университета, убѣдило насъ окончательно, что Георгій и Григорій Квитки вовсе не тождественны. Намъ кажется, что Георгій или Юрій Квитка былъ отцомъ того Н. Ю. Квитки, на котораго такъ часто ссылается Г. П. Данилевскій.

вится его директоромъ (въ 1812 году) и, наконецъ, является въ истинномъ смыслѣ слова общественнымъ благотворителемъ, какъ учредитель „Общества благотворенія“ и института. Въ качествѣ харьковскаго уѣзднаго предводителя дворянства (съ 10 декабря 1816 года) хлопочетъ объ учрежденіи въ Харьковѣ Кадетскаго корпуса и, добившись Императорскаго указа (18 іюля 1823 г.), разрѣшавшаго открытіе корпуса, собираетъ деньги и пожертвованія натурой для его содержанія: въ то-же время улаживаетъ отношенія между помѣщиками и крестьянами; съ конца декабря 1827 года до 28 марта 1828 г. исправляетъ должность губернскаго предводителя дворянства; въ 1832 году избранъ дворянствомъ въ совѣстные судьи, а въ 1840 г. въ предсѣдатели харьковской палаты уголовнаго суда, въ каковомъ званіи оставался до смерти, послѣдовавшей 8 августа 1843 г. [1]). Такимъ образомъ Квитка, если не брать во вниманіе его литературнаго значенія,—вполнѣ мѣстный общественный дѣятель. Но уже таково было вѣяніе времени, что и дѣла, имѣвшія чисто мѣстное значеніе, оказывались важными и благодѣтельными для цѣлаго края. Таково было и „Харьковское Общество благотворенія.“

Мы не знаемъ съ точностью, когда зародилась мысль объ основаніи Общества благотворенія бѣднымъ, и даже не можемъ

---

[1]) Если прибавить къ этому, что Г. Ѳ. Квитка, съ дѣтства не отличавшійся крѣпкимъ здоровьемъ и въ юности мечтавшій объ иноческой жизни, былъ нѣкоторое время послушникомъ въ Куряжскомъ монастырѣ, (въ 1804—1805 гг. см. прот. Н. Лащенкова „Къ біографіи Г. Ѳ. Квитки“, Харьков. Сборникъ 1889 г. отд. II, стр. 195), а затѣмъ, по настоянію отца, покинулъ монастырь, предался свѣтской жизни и даже былъ избранъ директоромъ „танцовальнаго клуба“, то станетъ вполнѣ понятнымъ, что такая разносторонняя дѣятельность, соединенная съ литературною извѣстностью, казалась современникамъ подчасъ заслуживающей насмѣшки. По словамъ біографа Квитки, Г. П. Данилевскаго, самъ Каразинъ не удержался, чтобы не пустить въ ходъ о немъ довольно ѣдкаго куплета, который см. въ „Украинской Старинѣ“ на стр. 210 въ ст. „Г. Ѳ. Квитка“ Позже, говоритъ Данилевскій, другое четверостишіе обошло весь околотокъ:

Не надивлюся я, Создатель,
Какой у насъ мудреный вѣкъ:
Актеръ, поэтъ и засѣдатель—
Одинъ и тотъ-же человѣкъ!

см. Укр. стар. Харьковъ 1866 г. „Г. Ѳ. Квитка“, стр. 210—211.

утверждать съ полною увѣренностью, что мысль эта принадлежала именно Г. Ѳ. Квиткѣ. Изъ дошедшихъ до насъ документовъ явствуетъ только, что высоко-гуманныя слова манифеста Императора отъ 16 мая 1802 года были тѣмъ толчкомъ, который пробудилъ къ жизни дремавшую до тѣхъ поръ общественную благотворительность. По крайней мѣрѣ, это видно изъ разосланныхъ за подписью роднаго брата Г. Ѳ. Квитки, тогдашняго губернскаго предводителя Слободско-украинскаго дворянства Андрея Ѳедоровича Квитки печатныхъ „объявленій“ о предполагаемомъ въ слободско-украинской губерніи „*Обществѣ благотворенія.*“ Вотъ подлинное содержаніе этихъ объявленій [1]) съ сохраненіемъ ихъ орѳографіи:

„Обыкновенное подаяніе нищимъ, умножая только число оныхъ не упокоитъ старца отягощеннаго лѣтами, не возвратитъ здоровья юношѣ, увядающему на зарѣ своихъ дней; не избавитъ отъ смерти или порока младенца (,) долженствующаго быть подпорою отечества; нерѣдко такъ же наглый тунеядецъ похищаетъ отъ рукъ благодѣтеля то, что назначено было отцу семейства, томящемуся на одрѣ смерти и отчаянія. Изъ сего слѣдуетъ, что разстрогану [2]) быть наружнымъ и весьма часто обманчивымъ видомъ нищеты и убожества—не есть еще благодѣяніе, надлежитъ искать нещастныхъ въ самомъ жилищѣ ихъ, въ сей обители плача и страданія, ласковымъ обращеніемъ, спасительными и физическими способами стараться облегчать судьбу ихъ. Вотъ въ чемъ состоитъ истинное благодѣяніе. И возможность произвести въ дѣйствіе столь богоугодное дѣло, доказывается самымъ опытомъ у многихъ просвѣщенныхъ народовъ.“—И *далѣе,* чтобы показать, какъ близки къ сердцу Моему нещастныя [3]) жертвы ожесточеннаго рока, Я беру подъ особливое и непосредственное покровительство Свое какъ вновь учреждаемое въ здѣшней столицѣ Благодѣтельное Общество,

---

[1]) Архива Харьк. Института благородныхъ дѣвицъ № 20: „Собственно-ручныя подписки о желаніи быть членами Общества благотворенія“.

[2]) Орѳографія подлинника.

[3]) Орѳографія подлинника.

какъ и всѣ другія, которыя, безъ сомнѣнія, по примѣру онаго размножатся между народомъ толико для Меня любезнымъ, на которой природа изліяла всѣ земныя свои сокровища и одарила всѣми добродѣтелями, и особливо симъ небеснымъ вдохновеніемъ помогать „ближнему."

Такъ изъяснился человѣколюбивый Монархъ въ Высочайшемъ Указѣ, данномъ въ 1802 году мая въ 16-й день на имя Дѣйствительнаго Каммергера Витовтова. И на сихъ Высочайшихъ изреченіяхъ основавшись, Слободско-Украинское Дворянство приступаетъ къ предположенію о составленіи *Харьковскаго Общества Благотворенія.*

1.

Губернскій Предводитель Дворянства, собравъ списки Господъ Дворянъ, изъявившихъ желаніе на составленіе Благотворительнаго Общества *съ показаніемъ суммы на то назначенной* [1]), представить Его Превосходительству Господину Гражданскому Губернатору для испрошенія Высочайшаго соизволенія на существованіе этого Общества, по полученіи котораго учредится Общество подъ названіемъ *„Харьковское Общество благотворенія."*

2.

Предметъ *Харьковскаго Общества Благотворенія* достаточно опредѣляется его именемъ. Оно будетъ имѣть обязанностью, по мѣрѣ пріобрѣтаемыхъ способовъ, дѣйствовать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ *представится* или *Обществомъ* откроется человѣкъ, *какого бы* званія [2]), пола и возраста онъ ни былъ, требующій призрѣнія, помощи, утѣшенія или руководства. И потому на вспоможенія Общества Благотворенія имѣютъ

[1]) Курсивъ нашъ. Мы нарочно подчеркнули эти слова, такъ какъ на основаніи ихъ и 4-го пункта этихъ объявленій, впослѣдствіи Совѣтъ отрицалъ право отказываться отъ участія въ Обществѣ и отъ уплаты ежегодныхъ взносовъ.

[2]) Курсивъ нашъ. Мы подчеркиваемъ эти слова съ цѣлью указать, насколько шире были задачи Общества въ сравненіи съ тѣмъ, къ чему стремятся нынѣ учреждаемыя дворянское и купеческое общества вспомоществованія, какъ чисто сословныя учрежденія. Ср. § 2 Уст. Харк. Губер. Двор. Общ. Вспомощ.

право: 1) Лишившіеся имѣнія, или потерпѣвшіе ущербъ въ ономъ отъ случаевъ нещастныхъ [1]). 2) Вдовы, имѣющія нужду въ призрѣніи и пропитаніи. 3) *Сироты, требующія воспитанія* [2]), опредѣленія на службу, или *наученія какому-либо ремеслу* [3]). 4) Нещастныя дѣвицы безъ путеводителей и въ бѣдности остающіяся и черезъ то могущія подвергнуться обольщенію и разврату. 5) Страждущія (е) продолжительными болѣзнями и имѣющія (е) нужду въ присмотрѣ, пропитаніи и лѣченіи—и однимъ словомъ: всѣ тѣ нещастные, которые не отъ заворнаго поведенія пришли въ состояніе, требующее помощи.

3.

Вспоможенія такого рода преимущественно доставляются жителямъ Слободско-Украинской губерніи.

4.

Для составленія суммы сего Общества каждый членъ обязанъ взнести въ казну онаго ежегодно не менѣе *двадцати пяти рублей*

5.

Распоряженія, до внутренняго порядка относящіяся, и правила для управляющихъ дѣлами Общества будутъ представлены на Высочайшее утвержденіе, и когда оно воспослѣдуетъ, тогда объявится публикѣ.

6.

Желающіе вслѣдствіе сего объявленія вступить въ члены Общества, да благоволятъ объявить о томъ словесно, или письменно сами Губернскому Предводителю, или черезъ посредство господъ уѣздныхъ дворянства предводителей, разумѣется въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ оные на себя выполненіе сего принять согласятся.

Изъ дѣла (№ 20. Институ. Архива) не видно, когда были разосланы эти объявленія, но во всякомъ случаѣ это было не

---

[1]) Орѳографія подлинника.

[2]) Курсивъ нашъ.

[3]) Ср. Уставъ Ксеніевскаго полу-сиротскаго института.

позже 1811 года, когда одно изъ этихъ объявленій цѣликомъ было напечатано въ декабрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“ за 1811 годъ [1]). Трудно также указать, кому собственно принадлежала иниціатива и планъ въ учрежденіи Общества. Наиболѣе правдоподобное заключеніе, что правитель дѣлъ Общества Г. Ѳ. Квитка былъ и его иниціаторомъ, но мысль о немъ могла быть подана и кѣмъ-либо другимъ.

„Въ 1801 году дворянство Слободско-украинской губерніи отправило ко двору депутацію, въ составѣ которой были губернскій предводитель дворянства Василій Донецъ-Захаржевскій, Ѳедоръ Куколь-Яснопольскій и В. Н. Каразинъ.“ (См. Д. И. Багалѣй „Опытъ исторіи харьк. у—та“).

„Депутація должна была благодарить Императора за новое подтвержденіе правъ дворянства, дарованныхъ Екатериною II и урѣзанныхъ Павломъ Петровичемъ, а также ходатайствовать объ особомъ подтвержденіи правъ Слободско-украинскаго дворянства Высочайшею грамотою, которая и была дана 29 декабря 1801 года (находится въ архивѣ Харьк.-депут. собр.)

---

[1]) См. также Вѣстникъ Европы, 1812, кн. 1, стр. 64. Здѣсь мы читаемъ почти буква въ букву то самое объявленіе, которое приложено при дѣлѣ № 20, но подъ заглавіемъ „Правила (Уставъ) Харьковскаго Общества благотворенія“ и съ пропускомъ (въ началѣ) извлеченія изъ Высочайшаго манифеста. Повидимому, послѣднее сдѣлано по усмотрѣнію редакціи, какъ извлеченіе изъ „письма къ издателю изъ Харькова“ Григорія Квитки, отъ 10 декабря 1811 года. Такимъ образомъ здѣсь мы находимъ наиболѣе раннюю дату, указывающую время возникновенія Общества. Но тѣхъ „Правилъ“ его, которыя были утверждены правительствомъ, намъ не удалось розыскать нигдѣ, а между тѣмъ существованіе такихъ „Правилъ“ для названнаго общества подтверждается постоянными ссылками на нихъ въ документахъ. Въ „Указателѣ книгъ, напечатанныхъ въ Харьковѣ съ 1805 по 1879 годъ“, составленномъ Г. С. Чириковымъ (на стр. 122, Харьк. Сбор. на 1890 г.), находимъ и „Правила Высочайше утвержденнаго Харьковскаго Общества Благотворенія“, (Харьковъ, 1812 г., универс. типографія, in 8-vo), слѣдовательно Совѣтъ отпечаталъ ихъ, вѣроятно, въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ для того, чтобы разсылать и старымъ и новымъ членамъ, по мѣрѣ надобности. Да и изъ перваго отчета Общества за 1812 годъ видно, что на печатаніе „правилъ“ была издержана довольно значительная сумма (ср. ниже отчеты Общества, дѣло Институт. Архива № 1, в.).— Вообще все, что мы предлагаемъ здѣсь вниманію читателей, взято нами изъ первоисточниковъ (какъ напр. протокольныхъ постановленій Совѣта и т. д.), найденныхъ нами въ дѣлахъ Институт. Архива. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда что либо было ранѣе напечатано, мы точнѣйшимъ образомъ обозначаемъ это въ цитатахъ.

Милостивое вниманіе Государя къ нуждамъ дворянства должно было, естественно, вызвать въ нихъ патріотическое воодушевленіе. Явилась мысль о необходимости ознаменовать это радостное событіе пожертвованіемъ на какое-либо обще-полезное дѣло; выразителемъ этой мысли явился губернскій предводитель дворянства В. М. Донецъ-Захаржевскій, который написалъ по этому поводу письмо къ одному изъ уѣздныхъ предводителей дворянства (отъ 20 іюня 1802 г. см. Д. И. Багалѣя op. cit., стр. 43 и примѣч.*). Вотъ отрывокъ этого письма, цѣликомъ приведеннаго въ названномъ трудѣ проф. Д. И. Багалѣя: „Мой совѣтъ, чтобы дворянство согласилось на постройку больницы для бѣдныхъ благородныхъ и другого состоянія людей 40 человѣкъ и на содержаніе и на лѣченіе ихъ составить капиталъ, изъ коего бы все выше-поименованное можно произвести, о чемъ подробнѣе въ полномъ собраніи дворянству предложить имѣю." (Ibidem стран. 44). „Тогдашній губернаторъ А. К. Артаковъ, говоритъ проф. Багалѣй, не счелъ возможнымъ разрѣшить предположеннаго съѣзда дворянъ въ Харьковѣ для раскладки извѣстной суммы съ благотворительною цѣлью. Нужно думать, что онъ такъ дѣйствовалъ по инструкціи, полученной изъ Петербурга. Государь, какъ это мы видѣли изъ рескрипта Его, по поводу устройства въ Харьковѣ кадетскаго корпуса, былъ противъ подобныхъ раскладовъ, могшихъ имѣть принудительный характеръ, и потому ходатайство губернскаго предводителя о созывѣ дворянъ въ Харьковѣ не было уважено. Въ это-то время, какъ намъ думается, В. Н. Каразинъ и вступилъ въ переписку съ Донцемъ-Захаржевскимъ о сборѣ *добровольныхъ* пожертвованій въ средѣ Харьковскаго дворянства на открытіе въ Харьковѣ университета." (Ibidem, eodem loco). Какъ извѣстно, открытіе это и состоялось 17-го января 1805 г., но разъ начатое гуманное движеніе на этомъ не остановилось, и мысль о необходимости благотворительныхъ учрежденій въ Россіи, высказанная самимъ Императоромъ въ указѣ отъ 16 мая 1802-го года, не заглохла и находила себѣ сочувствіе у всѣхъ лучшихъ людей того времени. Такъ, находящаяся въ архивѣ IV отдѣленія переписка Императрицы Маріи Ѳеодоровны (по учрежденіямъ

Ордена св. Екатерины 180... г.) заключаетъ въ себѣ между прочимъ письмо Императрицы къ неизвѣстному лицу [1]) отъ 18-го ноября 1803-го года, въ которомъ читаемъ слѣдующее: „такъ какъ вы извѣщены, любезный графъ, о проэктѣ основать институтъ благородныхъ дѣвицъ въ Харьковѣ“... и далѣе объ институтѣ говорится, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ. Императрица проситъ только графа справиться о помѣщеніи будущаго института „разсчитаннаго на 60 воспитанницъ“, также пріискать директриссу, классныхъ дамъ и вообще все, что нужно [2]). Такимъ-же образомъ могла проникнуть въ Харьковъ и идея объ основаніи благотворительнаго ощества, одной изъ главныхъ цѣлей котораго было воспитаніе и призрѣніе сиротъ и несчастныхъ дѣвицъ, остающихся въ бѣдности и безъ путеводителей и черезъ то могущихъ подвергнуться обольщенію и разврату. (См. вышеприведен. объявленіе) [3]).

---

[1]) Вѣроятно, къ графу Северину Осиповичу Потоцкому, извѣстному мецонату и первому попечителю харьковскаго учебнаго округа: „24-го января 1803 года состоялось Высочайшее опредѣленіе объ учрежденіи харьковскаго университета, тогда-же созданъ харьковскій учебный округъ и опредѣленъ попечителемъ его графъ С. О. Потоцкій“. См. проф. Д. И. Багалѣй, op. cit. стр. 80.

[2]) См. Е. Лихачевой „Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи“ т. II, „Время Императрицы Маріи Ѳеодоровны“ (1796—1828). Спб. 1893, стр. 37. Какъ самое содержаніе письма, такъ и неизвѣстность лица, которому оно адресовано, оставляемъ на отвѣтственности г-жи Лихачевой. Подлинной переписки мы не могли имѣть подъ руками, пользуясь, какъ мы выше сказали, только мѣстными архивами: харьковск. института благород. дѣвицъ, харьковск. дворянскаго депутатскаго собранія и харьковской первой (бывшей слободско-украинской) гимназіи. Впрочемъ, въ послѣднихъ двухъ архивахъ мы нашли сравнительно очень немного интереснаго для насъ матеріала и, главнымъ образомъ, черпали наши свѣдѣнія изъ институтскаго архива. Иниціатива разработки документовъ институт. архива принадлежитъ члену совѣта по учебной части и инспектору классовъ харьк. института Д. С. Георгіевскому, который въ актовой рѣчи, конечно, не могъ входить въ изложеніе подробностей внутренней жизни общества благотворенія и предложилъ намъ заняться разработкой уцѣлѣвшихъ отъ общества документовъ.

[3]) См. также С. И. Кованько „Описаніе харьковской губерніи. Топографія“. Харьковъ. 1857, стр. 26: „Въ 1812 году харьковское дворянство съ Высочайшаго соизволенія, составило „общество благотворенія и *главною цѣлью Совѣта постановило* на иждевеніи благотворителей *воспитывать дворянскихъ дѣтей* недостаточнаго состоянія мужскаго пола въ гимназіи, а женскаго въ институтѣ, котораго не было въ ближайшихъ губерніяхъ и который тогда же предположено основать въ Харьковѣ, на что также воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе“.

Готовый уже уставъ человѣколюбиваго общества могъ оказать существенное вліяніе и на вновь учреждаемое общество; что же касается автора объявленій, въ которыхъ изложены основныя черты устава общества благотворенія, то они, по всей вѣроятности, принадлежатъ перу того-же человѣка, который составлялъ уставъ харьковскаго института 1812 года, находящійся теперь у насъ подъ руками и весь написанный собственноручно Г. Ѳ. Квиткою [1]). Правда, предсѣдателемъ Общества былъ избранъ родной братъ Г. Ѳ. Квитки, тогдашній губернскій предводитель Слободско-украинскаго дворянства Андрей Ѳедоровичъ Квитка, но душою Общества былъ все тотъ-же Григорій Ѳедоровичъ: его заботливая рука видна на каждомъ дошедшемъ до насъ документѣ изъ архива общества, на каждомъ письмѣ, отчетѣ и даже часто малѣйшемъ клочкѣ бумаги, какими-либо судьбами уцѣлѣвшемъ въ дѣлахъ общества благотворенія. Привыкши во всемъ уступать старшему брату, кумиру семьи и магнату харьковскаго общества, Г. Ѳ. старался стушеваться за величавою фигурою брата, но, какъ ни стремился къ этому нашъ скромный *труженикъ*, онъ не достигъ своей цѣли: и современники, и послѣдующія поколѣнія признали его создателемъ и общества, и института. Можно привести очень много свидѣтельствъ въ пользу нашего предположенія. Такъ, Велиховъ въ отчетѣ о публичныхъ испытаніяхъ и выпускѣ воспитанницъ харьковскаго института (27, 28 и 29 іюня и 1 іюля) 1840 года, помѣщенномъ въ Харьковскихъ Губерскихъ Вѣдом. того же года (№ 26, стр. 234—240), говоритъ объ основаніи института и общества благотворенія слѣдующее: „въ началѣ 1812 года составилось въ Харьковѣ“ общество благотворенія и по подпискѣ *собрано было* до 7,000 рублей (ср. отчеты). Для употребленія этой суммы, а также и той, которая должна поступать отъ благотвореній и впредь, по представительству харьковскаго дворянства, назначенъ былъ, съ Высочайшаго утвержденія, совѣтъ, который и положилъ открыть въ Харьковѣ, на счетъ добровольныхъ приношеній, институтъ для образованія бѣднѣйшихъ

[1]) Какъ видно изъ протоколовъ общихъ собраній, составить уставъ было поручено также и ректору университета Аф. Ив. Стойковичу. См. объ этомъ ниже.

благородныхъ дѣвицъ, полагая по 2 пенсіонерки на каждый уѣздъ, коихъ тогда было 10 въ харьковской губерніи (Слободско-украинской)... Назначено было открыть институтъ 10-го сентября(?) Всѣ распоряженія по этой части возложены были на одного изъ членовъ совѣта (т. е. Г. Ѳ. Квитку), которому предлежали въ семъ дѣлѣ большія затрудненія, но твердыя его усилія восторжествовали надъ всѣми препятствіями. Настало 10 сентября, и все было готово къ открытію института, какъ полученная въ тотъ день вѣсть, что непріятель занялъ Москву, совершенно было разрушила это заведеніе при самомъ его основаніи. Одна только твердая воля означеннаго члена совѣта, ревностно заботившагося о совершеніи столь благодѣтельнаго дѣла, дала возможность положить для сего начало того же 10 сентября." Указавъ неблагопріятныя для „общества и института обстоятельства, имѣвшія мѣсто въ 1813, 14, 15 и 16 годахъ—(до принятія института „подъ высокое покровительство Императрицы Маріи"—въ 1818 г.),—Велиховъ продолжаетъ: „тотъ почтенный мужъ, который такъ ревностно заботился о первоначальномъ существованіи въ Харьковѣ, еще съ нами... Кто не восхищался, восклицаетъ подъ конецъ Велиховъ, *его прекрасною душею, отъ источника которой такъ много произошло* добраго сѣмени для блага отечества." И такъ, ни одного слова объ А. Ѳ. Квиткѣ, какъ основателѣ общества, мы не находимъ у современника Г. Ѳ. Еще категоричнѣе свидѣтельство другого современника Г. Ѳ-ча—А. Корсуна, „Воспоминанія" котораго о нашемъ авторѣ такъ часто цитируются всѣми біографами Квитки (Литературная газета, 1843 года, № 37). „Въ душѣ его (Г. Ѳ.) зародилось много филантропическихъ мыслей, которыя онъ желалъ привести въ исполненіе", говоритъ Корсунъ и затѣмъ переходитъ къ разсказу объ основаніи общества благотворенія, возникшаго вслѣдствіе „ревностнаго содѣйствія" Г. Ѳ. Квитки (ср. также К. Ст. XLII, стр. 167).

Но лучшимъ, по нашему мнѣнію, доказательствомъ въ пользу иниціативы Г. Ѳ. служитъ его, такъ сказать, *молчаливое согласіе* съ своими многочисленными панегиристами, рѣчи которыхъ онъ зналъ и читалъ; тогда какъ всегдашняя любовь къ

истинѣ, отличавшая Г. Ѳ. во всѣхъ случаяхъ жизни, не позволила-бы ему скрывать имя *главнаго виновника* всего дѣла и благотворителя края, каковымъ, безъ сомнѣнія, онъ объявилъ бы во всеуслышаніе своего старшаго брата, если-бы это было въ дѣйствительности. Правда, въ письмахъ, хранящихся въ институтскомъ архивѣ, мы находимъ многочисленныя просьбы о пособіяхъ, о помѣщеніи дѣтей и т. п. на имя Андрея Ѳедоровича или совѣта общества и только одно или два письма на имя Григ. Ѳедор. (см. напр. дѣло Инс. арх. № 4), но это обстоятельство нисколько не умаляетъ заслуги Г. Ѳ., заботливая рука котораго видна, повторяемъ, положительно на каждомъ документѣ, дошедшемъ до насъ отъ дѣлъ общества. Онъ не по назначенію былъ „правителемъ дѣлъ“ общества: ни одно дѣло не проходило мимо его рукъ, не ускользало отъ его вниманія. Если къ этому прибавить постоянныя и сложныя обязанности его по отношенію къ институту, который онъ ежедневно посѣщалъ, не смотря ни на какую погоду: ежегодныя составленія отчетовъ; ежемѣсячныя повѣрки суммъ прихода и расхода, огромную корреспонденцію, которую ему приходилось вести и по дѣламъ общества, и по институту—по неволѣ изумляешься колоссальной энергіи этого мѣшковатаго на видъ, добродушнаго и подслѣповатаго малоросса, какимъ онъ представляется на всѣхъ дошедшихъ до насъ портретахъ.

ГЛАВА 2-я.

Почувствовать добра пріятство
Такое есть души богатство,
Какого Крезъ не собиралъ. (Девизъ
Харьк. Общ. благотворенія [1]).

Дѣятельность харьковскаго общества благотворенія выразилась въ трехъ главныхъ видахъ: 1) въ видѣ единовременныхъ пособій и постоянныхъ пенсій всякаго рода несчастнымъ, кото-

[1]) См. дѣло № 4, инст. архива, листъ 16, письмо изъ Тобольска, отъ Андр. Иванов. Фонъ-Кремпера (артиллер. полковника). Девизъ этотъ несомнѣнно представляетъ собою одинъ изъ первыхъ стихотворныхъ опытовъ Г. Ѳ. Квитки. Въ томъ-

рые не въ состояніи трудами рукъ своихъ снискивать себѣ пропитаніе; 2) въ выдачѣ, съ цѣлью увеличенія средствъ общества,—*заимообразно* и за извѣстные проценты суммъ (безъ обезпеченія имуществомъ, но за поручительствомъ двухъ лицъ, а затѣмъ и подъ залогъ драгоцѣнныхъ вещей), т. е. такъ назыв. банковыя или кредитныя операціи и, наконецъ, 3) въ призрѣніи и воспитаніи сиротъ обоего пола, (преимущественно дѣтей дворянъ и чиновниковъ), при чемъ мальчики помѣщались на счетъ общества въ пансіонъ мѣстной украинско-слободской (нынѣ 1-й) гимназіи, а для бѣдныхъ дѣвицъ общество почти одновременно съ основаніемъ своимъ, по мысли Г. Ѳ. Квитки, рѣшило учредить „институтъ“. Но чтобы удобнѣе сдѣлать обзоръ дѣятельности общества, намъ необходимо сказать нѣсколько словъ о началѣ его и *его организаціи*, чему мы и посвящаемъ настоящую главу.

„Слободско-украинское дворянство“, образовавшееся изъ „полковой старшины путемъ переименованія въ чины и утвержденія въ сословіи, всѣ свои вновь пріобрѣтенныя права направило на добываніе и укрѣпленіе своихъ личныхъ благъ. Нѣкоторыя лучшія начала существовали, конечно, и тогда и иногда пробивались къ дѣятельности“ [1]), но „въ большинствѣ своемъ дворянство было еще очень невѣжественно“. Правда, среди него были и такіе типы, какъ Полетика, Чепа, Каразинъ, Коваленже дѣлѣ инст. архива № 4, на оборотѣ 1-го листа читаемъ слѣдующее четверостишіе, написанное столь знакомымъ всѣмъ (по факсимиле) почеркомъ Г. Ѳ. Квитки:

Счастливъ тотъ, кто добръ душою!
Злой коварствомъ пусть живетъ,
Чтитъ пускай его весь свѣтъ:
Счастливъ будь, что добръ душою!

Передъ этими стихами нѣсколько разъ перечеркнутыя строки, писанныя рукою Г. Ѳ. Квитки, и затѣмъ еще двѣ строки начатаго стихотворенія:

Согласиться съ мыслью я не смѣю,
Что будто счастье смертнымъ не дано.

Быть можетъ, эти строки предназначались для девиза Общества, какъ и поставленныя у насъ эпиграфомъ настоящей главы.

[1]) См. Русскій Архивъ, 1895 г., кн. 4, стр. 468—469, ст. В. Горленко (по поводу изданія сочин. Квитки и біографіи С. Р.).

скій, Ломиковскій и многіе ученики Сковороды [1]), но не рѣдко можно было встрѣтить и такихъ людей, какіе изображены въ комедіяхъ Г. Ѳ. Квитки въ лицѣ Староплутовыхъ, Ненасытовыхъ, Заправлялкиныхъ и т. д. [2]). Этимъ объясняется то на первый взглядъ непонятное обстоятельство, что тѣ-же самые дворяне, которые въ началѣ такъ горячо откликнулись на призывъ Г. Ѳ. и А. Ѳ. Квитокъ, побуждавшій ихъ къ благотворительности на пользу общества, впослѣдствіи на столько пренебрегали своими взносами, что и деликатнѣйшему „правителю дѣлъ общества"—приходилось чуть не съ помощью министра полиціи побуждать ихъ къ уплатѣ недоимокъ. Благородные порывы, слѣдовательно, могли находить себѣ сочувствіе въ подобномъ обществѣ, но это сочувствіе къ общественнымъ нуждамъ не могло привиться на столько, чтобы быть продолжительнымъ; оно скоро уступало мѣсто эгоистическимъ стремленіямъ отдѣльныхъ личностей. Впрочемъ, вѣроятно, мы не будемъ судить слишкомъ строго людей того времени, если вспомнимъ, что и на нашихъ глазахъ благотворительныя и другія общества часто бываютъ обречены на погибель вслѣдствіе неаккуратнаго поступленія членскихъ взносовъ. Обратимся теперь къ тому, что говорятъ намъ документы о началѣ и организаціи нашего „Общества".

Въ концѣ 1811 и въ началѣ 1812 года, какъ мы раньше говорили, уже были разосланы отъ имени А. Ѳ. Квитки приведенныя выше объявленія (вѣроятно) всѣмъ дворянамъ, главнѣйшимъ представителямъ духовенства и чиновникамъ Слободско-украинской губерніи [3]). Въ дѣлѣ № 20 инст. арх. на печатныхъ объяв-

---

[1]) Ср. ibidem, стр. 469.

[2]) См. Комедію Г. Ѳ. Квитки „Дворянскіе выборы", Соч. т. VI, стр. 295—382. Ср. также очень удачную характеристику тогдашняго дворянства (русскаго вообще и малорусскаго) въ статьяхъ проф. А. И. Кирпичникова „Московское общество въ изображеніи Грибоѣдова и гр. Л. Толстого" (гдѣ авторъ говоритъ объ историч. значеніи не одного московскаго, но и всего русскаго дворянства. См. Истор. Вѣстникъ, іюнь, 1895 г., стр. 723—758). и проф. Н. Ф. Сумцова „Слободско-украинское дворянство въ произведеніяхъ Квитки" (см. „Кіевск. Стар.", 1884, іюнь, стр. 201—209).

[3]) Въ дѣлѣ № 4. (Ин. Архива) мы нашли собственноручную записку Г. Ѳ. Квитки съ обозначеніемъ лицъ, проживавшихъ въ то время въ Харьковѣ и получавшихъ разнаго рода приглашенія, а также, вѣроятно, и эти объявленія отъ Совѣта общества. Приводимъ ее вмѣстѣ съ нашими замѣчаніями о лицахъ извѣстныхъ намъ:

леніяхъ, уцѣлѣвшихъ въ 3-хъ экземплярахъ, находимъ подписи, съ обозначеніемъ суммы единовременнаго и ежегоднаго взносовъ слѣдующихъ лицъ: Фед. Шидловскій и Яковъ Демчинскій—по 50 руб.; Алексѣй Шидловскій, Алек. и Елизав. Стремоуховы, Никита Романовъ, Петръ Любовниковъ, Фед. Глушковъ, Ник. Ло-

---

1) Губернатору И. И. Бахтину, его женѣ Дарьѣ Ивановнѣ и семейству. Бахтинъ былъ однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ губернаторовъ Харькова. Онъ много содѣйствовалъ основанію университета и былъ избранъ первымъ почетнымъ членомъ его. Правда, Ярославскій въ своихъ извѣстныхъ по недоброжелательности къ Карамзину „воспоминаніяхъ“ называетъ Бахтина „ставленникомъ“ Василія Назаровича, но его дружба съ епископомъ Христофоромъ Сулимою, въ бесѣдахъ съ которымъ онъ проводилъ цѣлые часы (въ архіерейскомъ имѣніи—Всесвятскомъ), просвѣщенные взгляды, отразившіеся, между прочимъ, и на городскомъ благоустройствѣ (планъ города, названіе улицъ и т. д.) достаточно говорятъ въ его пользу. Въ перепискѣ его съ Совѣтомъ благотворенія онъ является сочувствующимъ „высоко гуманнымъ цѣлямъ общества“ (собственныя слова). См. о немъ Харьковск. календарь на 1886 годъ, научный отдѣлъ, стр. 102 и упомянутый трудъ Пр—я Лащенкова, Харьк. Сборн. 1893 года, вып. 7.; стр. 205. При Императорѣ Павлѣ I въ Харьковѣ за 4 года смѣнилось 5 губернаторовъ (Ф. И. Кишенскій, А. Г. Тепловъ, П. Ф. Сабуровъ, К. И. Невѣровъ и Зильбергарнишъ), при Александрѣ I за описываемый періодъ (1811—1818) только 2.—Послѣ А. К. Артакова, смѣнившаго (въ 1803 году) Зильбергарниша, слѣдуетъ И. И. Бахтинъ и В. Г. Муратовъ, который также находится въ спискѣ. Но тогда онъ былъ еще вице-губернаторомъ Слободско-Украин. губерніи.

2) Аѳан. Ив. и Ел. Петр. Стойкевичъ,—ректоръ и его супруга. О немъ и его гоненіяхъ на профессоровъ, о недостойномъ поступкѣ его съ женою также говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ В. И. Ярославскій (см. Харьк. Сборн. на 1887 г. Выпускъ 1-й). Но для общества благотворенія онъ былъ дѣятельнымъ членомъ Совѣта и жертвовалъ въ пользу его свои сочиненія.

3) Т. Ф. Осиповскій, профессоръ университета, довольно извѣстный математикъ, И. П. Каменскій, И. Д. Книгинъ, Ф. А. Делавинъ, Е. А. Васильевъ, К. П. Павловичъ и П. М. Шумлянскій—профессоры и адъюнкты университета. К. К. Нельдехенъ—профессоръ сельскаго хозяйства и домоводства. О нихъ см. Сухомлинова „Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I“ и профессора Д. Багалѣя „Опытъ ист. Харк. университета“.

4) Генералъ-лейтенантъ Ник. Мих. Бердяевъ—очень богатый человѣкъ; жена его Александра Петровна была первою главною начальницею института общества благотворенія, но по несогласіямъ съ Совѣтомъ (по поводу перевода института изъ дома протоіерея Фотіева въ другой домъ) скоро отказалась отъ этой должности.

5) П. Я. Любовниковъ—губернскій прокуроръ и его жена Ек. Ф—на (славилась своими литературно-музыкальными вечерами).

6) Ив. Фил. Вернетъ, въ качествѣ переводчика, былъ выписанъ въ Россію А. В. Суворовымъ и впослѣдствіи сталъ извѣстенъ какъ писатель, помѣщавшій статьи въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“. См. его біографію въ Современникѣ 1847 года, Кн. 1-я.

севъ и Розаліонъ-Сошальскій *ежегодно* по 25 руб.—всѣ на одномъ печатномъ объявленіи; надв. сов. Влад. Керенцовъ—10 р. *единовремен. взноса* — на другомъ печат. объявл.; помѣщики: Андрей Антоновъ и подпоруч. Фонъ-Люндегрейнъ (неясно)—по 25 руб.—на третьемъ объявленіи.

Здѣсь же на отдѣльномъ листкѣ находимъ „списокъ дворянъ, изъявившихъ желаніе быть членами харьковскаго благотворительнаго общества съ означеніемъ суммы взноса". Во главѣ этого списка стоятъ: Андрей Квитка (50 р.) и Григорій Квитка (25 р.); затѣмъ слѣдуютъ: Григорій Зарудный (50 р.);

---

7) Н. И. Шредеръ—дѣятельный членъ Совѣта общества благотворенія и впослѣдствіи тамбовскій вице-губернаторъ и корреспондентъ общества. А. И. Шредеръ — директоръ училищъ Слободско-Украинской губерніи; его смѣнилъ баронъ Эйбенъ.

Ф. И Шредеръ ихъ родной братъ.

8) И. И. Зарудный былъ женатъ на М. Ѳ. Квиткѣ, сестрѣ Гр. Ѳ—ча. Гр. Ив. Зарудный—родной братъ его.

9) Н. И. Смирнитскій - мужъ Е. Ф. Квитки.

10) А. Ф. Бѣлоусовъ—издатель-книгопродавецъ.

11) Сердюковъ Дм. Ѳ. коммиссіонеръ общества благотворенія. Построенный имъ каменный домъ до сихъ поръ стоитъ на Мироносицкой площади. Въ немъ, какъ видно, изъ воспоминаній Ф. О. Рейнгардта, помѣщался долгое время почтамтъ. Н. Ф. Шараповъ имѣлъ домъ въ залопанской части по сосѣдству съ институтомъ. (Остальныя см. въ спискѣ при дѣлѣ № 4 Инст. Арх.).

А вотъ фамиліи остальныхъ лицъ, приводимыхъ въ этомъ спискѣ: Ив. Максимовичъ; М. И. и В. И. Цебриковъ; Гр. Ив. Мокренцъ; Петр. Ларр. Бѣляевъ; Аг. Тим. Титовъ; Ром. Ал. и В. Ал. Аксентьевы; А. Д. Прожина; Ак. Анис. и Фекла Ф—на Сахновскіе; Юр. Фед. фонъ-Минстеръ съ семействомъ; С. А. Левшинъ; Д. И и Л. И. Хорватъ; Сестры Краморенковы; И. Б. Сонцевъ съ фамиліей; И. М. Яновскій; И. И Будянскій; И. И. и А. И. Нагель; И. Т. Шевичъ; А. И. Касовскій; Г. И. Вензель (аптекарь); Гиржевъ (корреспондентъ общества); Афр. М. Павловъ и К. М. Грумбахъ. Далѣе Г. Ѳ. помѣчаетъ: „за Лопанью". Безруковы; Н. И. и Ав. Л. Лосевы; графини К. В. и Н. В. Девіеръ; А. В. Маркова; А. В. Акацатова; Ф. С. и А. А. Рикманъ; графиня Ал. Ал. Гендрикова; Н. И. и К. А. Звѣревы, Г. А. Нечаевъ; Стремоуховы; П. И. Горговскій; П. М. Батезатулъ, Д. И. и Е. Н. Булычевы; С. Н. Куликовская; граф. Вар. Р—на Подгоричани; Ек. П. Потапова, Шидловскіе; А. Н. и М. А. Желтухины; И. П. Жонель; Ф. П. Глушковъ, Т. В. и А. А. Экъ; Д. Г. Дещенковъ; В. Н. Логачевъ и Я. Ю. Анадольскій. Кажется, что здѣсь перечислены лица не только постоянно, но и временно проживавшія въ Харьковѣ.

Стойковичъ (ректоръ); докторъ Майеръ, Петръ, Прохоръ и Ѳедосья Абаза; Николай Копыткинъ; Як. и Дм. Кашинцовы; братья Мезенцовы; Ник. Антоновъ; Илья Купчиновъ; Афанасій Земборскій; протоіерей Соколовскій, Ив. Зарудный, Афан. Павловъ, Яковъ Денисенковъ, Иванъ Гиржевъ, Екат. Шидловская и Герасимъ Коваленковъ,—всѣ обязавшіеся вносить по 25 р. Войсковой обыватель, житель села Барвинкова, Андр. Герас. сынъ Святка и священникъ Петропавловской церкви, изюмскаго уѣзда слободы Заводь, Ѳедоръ Погорѣленковъ—по 25 р. *ежегодно*. Въ самомъ концѣ списка и отдѣльно отъ прочихъ: *Александра Зарудная* 100 *рублей*. (безъ обозначенія ежегодно или единовременно). Далѣе на отдѣльномъ листѣ читаемъ слѣдующія фамиліи: Капитанъ Серг. Левшинъ, Екатер. губерніи, Бахмутскаго уѣзда, помѣщикъ Павелъ Янченко; Генералъ-маіорша Кат. Потапова, над. сов. Мих. Шидловскій, титул. сов. Дм. Мартыновъ и поруч. Ник. Купчиновъ, всѣ по 25 рублей ежегодно.

Изъ этихъ списковъ тотъ, во главѣ котораго стоятъ имена А. Ѳ. и Г. Ѳ. Квитокъ, былъ *первымъ* подписнымъ листомъ, долгое время ходившимъ по рукамъ дворянства во время его съѣздовъ въ Харьковѣ [1]). Число всѣхъ обозначенныхъ лицъ (45) далеко не достигаетъ дѣйствительнаго числа членовъ, которыхъ, какъ видно изъ перваго отчета общества (въ дѣлѣ № 1, в. инст. арх.), было 153 ко времени 1-го засѣданія избраннаго совѣта, т. е. къ 29 апрѣлю 1812 г., а къ 18 августу того-же года членовъ (см. тотъ-же отчетъ) было уже 201, въ томъ числѣ и трое именитыхъ: Д. С. С. Пав. Григорьевичъ Демидовъ, генералъ-провіантмейстеръ-лейтенантъ Мих.

---

[1]) На оборотной сторонѣ этого списка надпись: „списокъ сей для представленія благородному дворянству поручается изюмск. уѣзда помѣщику коллегіи юнкеру Вас. Анд. Зарудному. Губ. Предв. двор. Андрей Квитка“. Въ числѣ лицъ обозначенныхъ въ этомъ спискѣ, Александра Зарудная и Св. Погорѣленковъ были первыми изъ членовъ Общества, отказавшихся отъ взноса подписныхъ денегъ; приведенный рядомъ съ нимъ житель села Барвинкова, наоборотъ, оказался очень исправнымъ плательщикомъ.

Степ. Кондратьевъ, вносившій по 1000 рублей, и подполковникъ П. П. Веселицкій—по 300 рублей ежегодно. И такъ въ дѣлѣ № 20 сохранились далеко не всѣ собственноручныя подписи дворянъ, пожелавшихъ быть членами общества еще въ 1812 году. Отсутствіе въ дѣлѣ многихъ подписныхъ листовъ и объявленій, помимо утраты, можетъ быть объяснено и тѣмъ, что впослѣдствіи приходилось предъявлять въ судъ собственноручныя подписи дворянъ, отказывавшихся отъ постоянныхъ взносовъ, въ качествѣ свидѣтельствъ о добровольно взятомъ ими на себя обязательствѣ *поддерживать общество благотворенія* [1]).

Какъ видно изъ списковъ, большинство членовъ общества принадлежало къ слободско-украинскому дворянству, но вскорѣ къ нимъ стали присоединяться и дворяне другихъ губерній. Въ архивѣ института мы нашли „списокъ членовъ Харьковскаго общества благотворенія въ 1812 г.“, писанный рукою Г. Ѳ. Квитки, но къ сожалѣнію сохранилась только 2-я книга его, гдѣ записаны фамиліи членовъ изъ другихъ губерній по мимо харьковской. Отсюда видно, что уже въ теченіе 1812 года въ число членовъ общества поступили: изъ орловской губерніи—2, воронежской—4, екатеринославской губерніи — 9, полтавской—3, таврической—4, черниговской — 2, тобольской—4, витебской, московской, костромской, с.-петербургской и владимірской—по одному, а всего 33 члена [2]). Были ли эти члены въ числѣ подписавшихся еще при самомъ началѣ общества, подобно указаннымъ выше лицамъ, имена которыхъ мы нашли на подписныхъ листахъ и объявленіяхъ, это трудно рѣшить по недостатку данныхъ. Изъ дѣлъ общества видно только, что ус-

---

[1]) Случаевъ предъявленія въ судъ подписей членовъ было нѣсколько. См. напр., дѣла Инст. арх, № 11, 14, 15 и другія.

[2]) Такимъ образомъ все же не выходитъ 153 членовъ, если къ прежнимъ 45 (на подписныхъ листахъ) присоединить еще 33 или 34 (считая поручика Изюмскаго гусарскаго полка К. П. Аксентьева, который также вошелъ въ списокъ иногородныхъ членовъ), а всего 79, слѣдовательно отсутствуетъ болѣе половины членовъ. Впрочемъ многіе, какъ видно изъ другихъ дѣлъ, заявляли свое желаніе сдѣлаться,

тавъ или правила общества были отправлены губернаторомъ Ив. Ив. Бахтинымъ въ Петербургъ 12 декабря 1811 г. Какъ видно изъ отношенія (отъ 19 января 1812 г.) министра полиціи (А. Балашевъ) къ гражданскому губернатору Бахтину [1]), уставъ общества былъ утвержденъ 15 января 1812 года. Вотъ эти то утвержденныя правительствомъ правила и разсылались членамъ общества [2]) и всѣмъ, кто только имѣлъ какое-нибудь положеніе среди служащихъ въ слободско-украинской губерніи чиновниковъ и дворянъ. Въ январѣ и февралѣ 1812 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ имени А. Ѳ. Квитки члены общества приглашались въ Харьковъ для избранія (на основаніи § 17 устава) предсѣдателя и членовъ совѣта общества. Въ дѣлѣ № 2 мы находимъ всю переписку объ этомъ. Выборы были назначены на 28 апрѣля 1812 г., но только немногіе члены общества могли лично присутствовать при этомъ: другіе по разнымъ причинамъ должны были отказаться отъ личнаго участія въ выборахъ и передать свои голоса уѣзднымъ предводителямъ дворянства, кому-либо изъ присутствовавшихъ членовъ, самому А. Ѳ. Квиткѣ, и, наконецъ, письменно выразить свое согласіе съ мнѣніемъ большинства наличныхъ членовъ или заявить, кого они избираютъ членами и предсѣдателемъ совѣта. Въ теченіе февраля, марта и апрѣля 1812 года такихъ писемъ было получено 31. Предсѣдателемъ общества и совѣта *единогласно* всѣми отсутствовавшими и бывшими на лицо членами былъ избранъ А. Ѳ. Квитка, правителемъ дѣлъ Григ. Ѳедоров. [3]). Изъ приложеннаго

членами словесно; фамиліи ихъ просто перечислены въ письмахъ, присылаемыхъ на имя Совѣта отъ корреспондентовъ. Далѣе (въ томъ же дѣлѣ № 20) находимъ уже списки членовъ, присоединившихся къ обществу въ 1813 и 1818 годахъ. Особенный наплывъ членовъ въ 1818 году объясняется тѣмъ, что въ этомъ году институтъ общества благотворенія былъ принятъ подъ Высочайшее покровительство и главное начальство Им. Маріи Ѳеодоровны.

[1]) См. дѣло № 2, Инст. Арх., листъ 3-й.

[2]) См. въ томъ же дѣлѣ письмо Ал. Бантыша и др.

[3]) Если не считать письма Ив. Золотницкаго (изъ Сумъ, отъ 26 апрѣля 1812 года), полученнаго 29 апрѣля, т. е. уже на другой день послѣ выборовъ. Золотницкій избралъ предсѣдателемъ Григорія Романовича Шидловскаго (письмомъ

къ дѣлу (№ 2 инст. арх.) „баллотировочнаго списка“ видно, что въ общемъ собраніи членовъ, бывшемъ 28 февраля 1812 года, въ члены совѣта избраны: ректоръ университета Аѳанасій Ивановичъ Стойковичъ (онъ же и кандидатъ на должность предсѣдателя), Совѣстный судья Петръ Ив. Ковалевскій—17 голосами, т. е. всѣми присутствовавшими членами, если судить по числу членовъ подписавшихся подъ спискомъ. Третьимъ членомъ совѣта и казначеемъ общества избранъ (13 голосами) Андр. Ив. Безруковъ. Харьковск. уѣзд. предводитель дворянства Іона Ник. Познанскій 14 голосами былъ избранъ кандидатомъ въ казначеи. Остальные баллотировавшіеся получили: Н. И. Шредеръ (впослѣдствіи вице-губернаторъ), Ник. Ив. Романовъ (губ. казначей), Иванъ Петр. Каменскій (профессоръ)—по 11 голосовъ, А. Д. Прожина и И. Д. Книгинъ (профессоръ) по 7-ми, П. Я. Любовниковъ—8 голосовъ [1]). 29 апрѣля 1812 г., т. е. на другой же день, въ 6 часовъ пополудни вновь избранные члены совѣта харьковскаго общества благотворенія открыли первое засѣданіе и постановили: 1) объ открытіи совѣта извѣстить его превосх. г. гражданск. губернатора Ив. Ив. Бахтина (что и исполнено 4-го мая, подъ № 1) и препроводить ему при этомъ 100 экземпляровъ „правилъ“ общества съ просьбою разослать ихъ во всѣ присутственныя мѣста, а также харьковскому полиціймейстеру и городничимъ слободско-украинской губерніи; 2) на основаніи 12-й статьи правилъ [2]), избрать въ каждомъ уѣздѣ одного изъ дворянъ корреспондентомъ по дѣламм общества, а именно: въ

отъ 25 февраля 1812 года отказавшагося отъ избранія какого бы то ни было), а правителемъ дѣлъ губернск. землемѣра Ив. Ст. Мочульскаго.

[1]) Въ домѣ Любовниковыхъ составлялись музыкально-литературные вечера, гдѣ принималъ горячее участіе Г. Ѳ. Квитка.—Жена П. Як—ча Ек. Федоровна считалась одною изъ образованнѣйшихъ дамъ тогдашняго харьковск. общества; самъ П. Я. былъ корреспондентомъ общества по г. Харькову и членомъ Совѣта.

[2]) Вотъ эта статья (12): „Совѣтъ въ первомъ засѣданіи своемъ, имѣя списки всѣхъ членовъ Общества, избираетъ въ каждомъ уѣздѣ слободско-украинской губерніи одного изъ почетнѣйшихъ дворянъ, тамъ живущихъ, и приглашаетъ его быть своимъ корреспондентомъ“. См. дѣло № 1, а Инст. Арх., листъ 1-й.

извѣстить каждаго изъ нихъ объ этомъ избраніи [1]) и списокъ корреспондентовъ также представить — губернатору, котораго просить о предписаніи городничимъ и земскимъ судамъ всячески содѣйствовать корреспондентамъ общества. 3), На основаніи 17-й ст. „*правилъ*“ поручить правителю дѣлъ, „удаляясь всякой отяготительной формы и излишней переписки“, всѣ вступившія просьбы представлять въ ближайшемъ засѣданіи совѣту, который поставляетъ на нихъ свои рѣшенія, утверждая ихъ подписью членовъ, послѣ чего все это записывается въ особую журнальную книгу, 4) извѣстить также объ открытіи и мѣстную почтовую контору, которая денежные пакеты, присылаемые на имя совѣта, должна выдать казначею, простые—правителю дѣлъ, который представляетъ ихъ совѣту нераспечатанными; 5) собранныя отъ г.г. членовъ и постороннихъ лицъ совѣстнымъ судьею П. И. Ковалевскимъ деньги (съ 22 февраля по 29 апрѣля 1812 года) шесть тысячъ пятьсотъ тридцать два руб. и восемьдесятъ коп. передать г-ну казначею общества А. И. Безрукову, со внесеніемъ въ книгу прихода подъ двумя рубриками: ежегодной суммы—4,857 руб. 80 коп. и капитальной [2]) 1675 руб. которые и хранить, на основаніи правилъ, въ казенной кладовой за общими печатями членовъ совѣта [3]); 6) сумму общества, „взносимую въ капиталъ“ и достигшую къ 29 апрѣля до 4,600 руб. отдавать желающимъ взять взаймы преимущественно „помѣщикамъ здѣшней губерніи“, коихъ имѣнія достаточно было бы подъ залогъ занимаемой ими суммы и съ поручительствомъ двухъ извѣстнаго состоянія помѣщиковъ той-же губерніи, срокомъ не болѣе какъ на одинъ годъ, и съ уплатою 6% узаконенныхъ и 4% въ пользу благотворительныхъ заведеній, что и вносится за годъ впередъ; 7) вся сумма ежегод-

[1]) По особой формѣ, см. тоже дѣло № 1, а, л. 2. Изъ корреспондентовъ общества наиболѣе дѣятельнымъ оказался И. Ф. Богдановичъ, сумской городничій и родной братъ извѣстнаго автора „Душеньки“ (Ипполита Ф—ча). И. Ф. Написалъ также нѣсколько небольшихъ статей (напр. „Похвальное слово Іоанну IV Васильевичу“, Москва 1895) и грамматику русскую для „поляковъ“.

[2]) Объ этомъ см. ниже.

[3]) „А въ пріемѣ этихъ денегъ выдать г. Совѣстному Судьѣ и Члену Совѣта П. И. Ковалевскому отъ Совѣта росписку“. Тамъ-же, листъ 3-й.

ныхъ взносовъ, которая по сіе число (т. е. по 29 апрѣля) простирается уже до 8,000 руб. и еще увеличится отъ процентовъ, получаемыхъ съ капитальной суммы, должна распредѣляться такимъ образомъ: 1,600 руб. составляетъ ежегодную плату за обученіе и содержаніе *восьми* дворянскихъ дѣтей въ пансіонѣ при здѣшней гимназіи, 2,400 руб.—ежегодныхъ издержекъ на предполагаемое заведеніе для воспитанія *восьми дѣтей женскаго пола*; 20,000 руб.—на раздачу пособій, (изъ этой же суммы: 100 руб. полагается на писца при правителѣ дѣлъ и ему же на мелкіе расходы: почтовую пересылку, печатаніе объявленій и т. п.—35 руб.), наконецъ послѣдніе 2,000 руб. на непредвидѣнные расходы; 8) сумма, издержанная на необходимые „при составленіи общества“ расходы, должна быть вычтена изъ 2,000 руб., назначенныхъ на раздачу нуждающимся. 9) Взносы членовъ, подписавшихся въ теченіе того же года, но послѣ 29 апрѣля, поступаютъ въ капиталъ и не расходуются вовсе [1]); 11) разослать корреспондентамъ и членамъ общества другихъ губерній копіи съ Высочайшаго рескрипта на имя А. Ѳ. Квитки; 12) на основаніи 3 и 4 статьи правилъ Д. С. С. Пав. Григ. Демидова, назначившаго 1,000 руб. ежегоднаго взноса въ распоряженіе общества, признать „именитымъ членомъ Х. О. Бл.“, напечатать объ этомъ въ вѣдомостяхъ и благодарить его отъ имени совѣта и 13) опредѣлить малолѣтняго дворянина Александра Ковалевскаго въ пансіонъ при здѣшней гимназіи и выдать въ счетъ платы за него за 2 трети впередъ изъ суммы, предначначенной на воспитаніе *восьми дворянскихъ* сиротъ [2]). Этимъ первымъ засѣданіемъ совѣта общества достаточно выясняется характеръ и направленіе его дѣятельности, и потому мы выписали здѣсь всѣ постановленія совѣта. Затѣмъ засѣданія эти

---

[1]) 10-ое постановленіе о временномъ исправленіи должности казначея Общества его кандидатомъ (І. Н. Повнанскимъ) мы пропускаемъ, какъ маловажное.

[2]) Таковъ былъ протоколъ перваго засѣданія Совѣта Общества. Мы привели его почти цѣликомъ не только потому, что изъ него видно, въ чемъ состояли занятія Совѣта и почти вся дѣятельность Общества, но также и потому, что здѣсь впервые упоминается о намѣреніи основать Институтъ, какъ мы только что видѣли, *всего для 8 дѣвицъ, причемъ не извѣстно, только ли дворянскаго сословія или и другихъ.*

повторялись каждую недѣлю по средамъ. Правитель дѣлъ, со свойственной ему аккуратностью, велъ „дневныя записки“ засѣданій совѣта, и мы могли бы прослѣдить изо дня въ день дѣятельность совѣта въ первый годъ существованія общества, но ограничимся только нѣкоторыми общими замѣчаніями, чтобы не утомлять вниманіе читателей.

Такъ, прежде всего замѣтимъ, что дѣленіе суммы общества на капитальную и ежегодную не только требовалось уставомъ, но вызывалось и самымъ теченіемъ дѣлъ. Взносы членовъ съ самаго начала поступали далеко неаккуратно и требовался запасный капиталъ, необходимый для текущихъ расходовъ и впослѣдствіи вновь пополняемый по мѣрѣ поступленія взносовъ. Кромѣ того многіе члены, по усердію или не желая себя затруднять ежегодными взносами (и руководясь извѣстными статьями устава общества), предпочитали единовременные взносы значительныхъ суммъ, дававшихъ имъ право пожизненно состоять членами общества. Какъ видно изъ дѣла инст. арх. № 3 [1]) первыми жертвователями довольно значительныхъ суммъ были: М. И. Шидловская (300 руб.), Пав. Войновичъ (100 руб. единовременно и 25 руб. ежегодно), епископъ Слободско-украинскій и Харьковскій Христофоръ Сулима (100 руб. единовременно), Густавъ Гессъ-де-Кальве, прославшій 300 руб., т. е. весь сборъ съ концерта, устроеннаго имъ въ пользу общества благотворенія, Арк. Левшинъ и Мих. Кондратьевъ пожертвовавшіе по 500 руб., но съ тѣмъ, чтобы въ пользу общества шли только проценты съ этихъ денегъ, самый же капиталъ жертвователи оставляютъ за собою впредь до особаго распоряженія или завѣщанія на случай смерти, руководясь при этомъ ст. 26-й правилъ общества, наконецъ Даніилъ Лѣсницкій, собравшій отъ разныхъ лицъ [2]) 240 руб. единовременныхъ взносовъ и вмѣстѣ съ своимъ членскимъ взносомъ прославшій ихъ совѣту въ письмѣ отъ 26 іюня 1312 года. На сколько подобные взносы были желательны для общества, видно изъ той горячей благодарности, которую отъ

[1]) О внесенной единовременно въ капиталъ общества благотворенія суммы, съ 1812 по 1819 годъ, на 78 листахъ.

[2]) См. фамиліи ихъ въ дѣлѣ Инст. архива № 3.

имени совѣта выразили, напр., Густаву-де-Кальве, А. Ѳ. и Г. Ѳ. Квитки [1]), а также изъ циркулярнаго предложенія совѣта членамъ общества благотворенія, „не благоугодно-ли имъ будетъ вмѣсто ежегоднаго взноса пожертвовать капиталъ, проценты съ котораго соотвѣтствовали бы назначенной ими ежегодной суммѣ“. Черновая этого предложенія, относящагося къ концу 1813 года, писанная рукою Г. Ѳ., сохранилась въ томъ же дѣлѣ и достаточно свидѣтельствуетъ, какъ затруднительно уже и тогда было положеніе общества. Здѣсь-же обозначены лица, избранныя корреспондентами общества въ другихъ губерніяхъ.

Итакъ теперь намъ представляется довольно ясно вся организація общества. Члены общества дѣлятся на *именитыхъ* или *почетныхъ*, сдѣлавшихъ большія пожертвованія единовременно или постоянно, *дѣйствительныхъ*, внесшихъ такой капиталъ, проценты съ котораго доставляли-бы не менѣе 25 руб. ежегодно (слѣдовательно 250 руб.), т. е. обычный взносъ, и *постоянныхъ*, которые дѣлаютъ ежегодные взносы не менѣе 25 руб. Во главѣ общества стоитъ совѣтъ [2]), завѣдующихъ дѣлами, избираемый на три года и, въ свою очередь, избирающій корреспондентовъ, которые пользуются одинаковыми правами съ членами совѣта и могутъ засѣдать въ совѣтѣ во время пребыванія своего въ Харьковѣ. Корреспонденты должны: 1) изыскивать для общества средства и пріобрѣтать, по мѣрѣ возможности, новыхъ членовъ, 2) отыскивать въ районѣ, которымъ завѣдуютъ, дѣйствительно бѣдныхъ людей, нуждающихся въ помощи, и оказывать имъ пособія изъ суммъ, которыя имѣются у нихъ подъ руками, или просить присылки денегъ отъ совѣта, находить сиротъ—дѣтей (преимущественно дворянскихъ и оберъ-офицерскихъ) и просить совѣтъ объ опредѣленіи ихъ въ гимназію, или институтъ, или о выдачѣ уже учащимся временныхъ или

---

[1]) См. оба письма въ томъ же дѣлѣ № 3.

[2]) Постановленіемъ общаго собранія членовъ, состоявшагося 6 сентября 1813 года, избраніе предсѣдателя и членовъ совѣта на новое трехлѣтіе пріурочивалось ко времени обычнаго съѣзда дворян. для выборовъ.

постоянныхъ пособій для окончанія курса въ гимназіи [1]). Впрочемъ едва-ли дѣятельность корреспондентовъ была многимъ по сердцу: конечно, встрѣчались такіе ревностные и усердные дѣятели, какъ полк. Фонъ-Креммеръ (тобольскій корреспондентъ). Мизко (екатеринославскій, таврическій и херсонскій) и нѣкоторые другіе, но были и такіе, какъ, напр. Иванъ Каразинъ, который, казалось, искалъ лишь предлога, лишь-бы избвиться отъ этой должности [2]). Да и на самомъ дѣлѣ трудно было иногда уговаривать тогдашняго дворянина, представляя ему всевозможные резоны, пожертвовать свою лепту на пользу ближняго [3]). Весьма многіе считали самое общество благотворенія совершенно лишнею забавою людей, которые „отъ нечего дѣлать“ задумали благотворить человѣчеству. Всѣ корреспонденты жалуются на равнодушіе дворянъ или вовсе безсердечное отношеніе къ дѣламъ общества благотворенія, но часто усилія ихъ увѣнчивались и блестящимъ успѣхомъ, какъ напримѣръ—дѣятельность Н. И. Шредера, бывшаго члена совѣта, а затѣмъ Тамбовскаго вице-губернатора и корреспондента общества, вызывавшая восторженные отзывы и похвалы совѣта, расточаемыя по адресу Шредера письменно и даже печатно. Такъ, въ Украинскомъ

---

[1]) Отсюда видно, что дѣятельность корреспондентовъ была довольно обширна, и переписка ихъ съ Совѣтомъ поэтому наполняетъ большинство дѣлъ, хранящихся въ арх. Инст. Таковы дѣла №№ 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17 и 18, охватывающія отношенія корреспондентовъ къ Совѣту отъ 1812 до 1821 года.

[2]) И вскорѣ,—какъ видно изъ дѣла № 4 И. А.—разсорился съ Совѣтомъ.

[3]) Любопытно въ этомъ отношеніи письмо Павла Войновича, о которомъ мы упоминали уже выше (см. дѣло Инст. арх. № 3). „Дѣйствительно, въ бытность здѣсь Ник. Вас. Лосева, я хотѣлъ, приглася всѣхъ, единодушно составить въ г. Ахтыркѣ благородное собраніе, но что значитъ единица?“ — восклицаетъ Войновичъ: „не только нельзя было заставить дворянъ собраться для обсужденія вопроса объ учрежденіи общества благотворенія, но и „отъ подписки *неопредѣленной* гг. сосѣдніе помѣщики рѣшительно отказываются“, „почему остается пожалѣть о древности временъ, когда составленіе согласныхъ обществъ было истиннымъ для людей удовольствіемъ“ и т. п. Таково же письмо В. Бедряги къ Гр. Ѳ—чу. „Письмо Ваше и при немъ кучу объявленій отъ Совѣта я получилъ. Успѣху не могу ждать по нашему уѣзду ни малѣйшаго: уже я писалъ ко всѣмъ гг. помѣщикамъ, но не только заявленія о желаніи благотворить, ниже́ отвѣту ни отъ кого не получилъ“. см. Ин. Арх. дѣло № 5.

Вѣстникѣ за 1817 годъ (въ № 5) помѣщенъ цѣлый панегирикъ Шредеру, принадлежавшій, конечно, Григорію Ѳедоровичу. „При такихъ сотрудникахъ, восклицаетъ Квитка, общество войдетъ въ силу и будетъ преуспѣвать въ человѣколюбивыхъ намѣреніяхъ своихъ!“ Посмотримъ, на сколько чисто благотворительная дѣятельность общества достигла своихъ цѣлей.

В. Лапинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО СЛОБОДСКОЙ УКРАЙНЫ.

I.

Въ наши историческія изданія, посвященныя изученію малороссійской старины, рѣдко попадаютъ извѣстія изъ Слободской Украйны. Конечно, памятники и преданія малороссійской старины тамъ почти заглохли; они покрыты тяжелымъ и толстымъ пластомъ другихъ бытовыхъ теченій; но тѣмъ не менѣе опытный наблюдатель и подъ этимъ тяжелымъ пластомъ найдетъ глубокій родникъ живыхъ теченій, ярко рисующихъ характерныя черты давно минувшей жизни малороссійскаго племени, а также нѣкоторыя событія его военной и политической исторіи. Смѣло можемъ сказать, что если въ Слободской Украйнѣ удастся открыть какіе-либо памятники старины, то это будетъ находка весьма цѣнная, не искаженная ни польскимъ, ни жидовскимъ вліяніемъ, какъ это обыкновенно бываетъ съ памятниками правобережной приднѣпровской Украйны. Зная близко бытъ Слободской Украйны, я хочу сообщить нѣсколько разсказовъ слышанныхъ мною въ дѣтствѣ въ средѣ малороссійскаго населенія, въ предѣлахъ воронежской и харьковской губерній. Особенно памятны мнѣ двѣ пѣсни: одна заключаетъ въ себѣ указанія на обстоятельства, связанныя съ разгромомъ Сѣчи Запорожской; другая представляетъ собою яркое изображеніе чувствъ молодого козака, отправляющагося въ Запорожье, и живо рисуетъ предъ нами его прощанье съ родными мѣстами, съ матерью-старухой и со всѣмъ, что́ мило и

дорого его сердцу и что́ тяжкая польская неволя заставляетъ его покинуть, по крайней мѣрѣ, на время.

Извѣстно, подъ вліяніемъ какихъ тяжелыхъ чувствъ наши бѣдные *сиромахи* оставили родину, покинули свою мать-Сѣчь и пошли служить невѣрному турецкому султану, о чемъ и поютъ ихъ пѣсни. Мнѣ приходилось слышать эти пѣсни еще въ дѣтствѣ. Возможность занесенія козацкихъ думъ въ Слободскую Украйну объясняется тѣмъ, что послѣ разгрома Сѣчи Запорожской пришло нѣсколько запорожцевъ къ жителю слободы Алексѣевки, бирюченскаго уѣзда, нынѣ воронежской губерніи, Ивану Степановичу Штурбѣ. Какъ объ этой замѣчательной личности, такъ и о пріютившихся у Ивана Степановича запорожцахъ болѣе подробная рѣчь—впереди; въ настоящее же время необходимо замѣтить, что родъ Штурбы [1])—очень древній, чисто козачій родъ. Въ семейныхъ преданіяхъ Штурбъ долго хранилось передававшееся изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, сказаніе, что они выселенцы изъ-за Днѣпра, изъ г. Богуслава, что на р. Роси. Въ этомъ же родѣ, какъ болѣе развитомъ и отличавшемся интеллигентностью, сохранилось преданіе о первомъ переселеніи малороссовъ на московскія земли.

Это было во второй половинѣ XVII-во вѣка, въ тотъ періодъ, который хорошо знакомъ читателю подъ именемъ „Руины".

Въ это смутное безвременье богуславскіе малороссы, предводимые Штурбой, двинулись на лѣвый берегъ Днѣпра. Ближайшія къ рѣкѣ мѣста были заселены, и правобережные выходцы не тотчасъ осѣли, а отправились дальше въ глубь края, на вольныя московскія степи, прилегавшія къ Дону. По семейнымъ преданіямъ Штурбъ, заднѣпровскимъ выходцамъ не мѣшали селиться гдѣ угодно на пустынныхъ земляхъ нынѣшней харьковской и южной части курской и воронежской губерній; они выбирали мѣста, гдѣ есть хорошія воды, луга, лѣса, а качество земли опредѣляли по кротовикамъ.

Замѣчательно, что переселявшіеся изъ-за Днѣпра въ московскія степи малороссы выбирали для своего поселенія такія

[1]) Фамилія „Штурба" несомнѣнно литовскаго происхожденія. Въ юго-западномъ краѣ есть шляхетскіе роды, носящіе эту фамилію.

мѣста, которыя по своему топографическому положенію напоминали ихъ родину. Мнѣ пришлось служить нѣкоторое время въ кременецкомъ уѣздѣ, волынской губерніи. Объѣзжая уѣздъ, я былъ пораженъ сходствомъ мѣстоположенія м. Ямполя волынской губ. и г. Бирюча воронежской губ. съ его окрестностями по р. Тихой Соснѣ, которыя были извѣстны мнѣ съ дѣтства. Лѣвый берегъ р. Горыни, на которой расположено м. Ямполь и его окрестности, такъ-же возвышенъ, какъ и лѣвый берегъ р. Сосны, на которой расположенъ г. Бирючъ; близъ Ямполя, на пологихъ берегахъ рѣки расположены разные приселки такъ же, какъ и близъ г. Бирюча. Народъ въ м. Ямполѣ показался мнѣ подходящимъ по типу къ народу г. Бирюча, какъ я зналъ его около 50 лѣтъ тому назадъ. На сходѣ въ волостномъ правленіи начинаютъ мнѣ читать фамиліи крестьянъ. Фамиліи оказываются тѣ-же самыя, которыя случайно остались у меня въ памяти еще отъ бирюченской жизни, напр.: Ермакъ—это былъ содержатель ученическихъ квартиръ въ г. Бирючѣ; Усикъ—богатый винокуренный заводчикъ [1]) тамъ-же; Кнюхъ—отличный мастеръ дубленыхъ полушубковъ и т. д. Затѣмъ, писарь, называя селенія, входящія въ составъ Ямпольской волости, произноситъ: „Слободка Михайловка“; я вспомнилъ, что внизъ по теченію рѣки Сосны, верстахъ въ 3-хъ отъ Бирюча, есть слободка Михайловка. Выкликая выборныхъ волостнаго схода изъ этой слободки, писарь читаетъ: Семенъ Легеза, Иванъ Легеза и еще нѣсколько Легезъ. Въ слободкѣ Михайловкѣ, что близъ г. Бирюча, также были Легезы, и очень видные люди, имѣвшіе винокуренный заводъ. Это окончательно убѣдило меня въ томъ, что г. Бирючъ и его окрестности населены выходцами изъ м. Ямполя и сосѣднихъ мѣстностей кременецкаго и дубенскаго уѣздовъ. Недаромъ въ Бирючѣ и его окрестностяхъ не мало было фамилій: Кременецкій, Ямпольскій, Дубенскій и т. п. Есть въ г. Бирючѣ даже Дубенская улица. По крайней мѣрѣ Дубенская улица была въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія. На этой улицѣ долго жилъ войсковой обыватель Дубенскій, а затѣмъ много лѣтъ вдова его держала ученическія

[1]) Бывшіе козаки, получившіе потомъ наименованіе „войсковыхъ обывателей“, сохранили за собою нѣкоторые привилегіи, въ томъ числѣ право винокуренія.

квартиры. Можетъ быть интеллигентные обыватели Бирюча впослѣдствіи переименовали эту улицу въ честь какой-нибудь важной особы, примѣрно, городничаго, исправника и т. д. Извѣстно, что во времена Хмельницкаго былъ въ Ямполѣ козачій полкъ, который послѣ Берестечскаго пораженія переселился во всемъ составѣ на московскія степи. Я увѣренъ, что если сличить фамиліи бывшихъ войсковыхъ обывателей (бывшихъ козаковъ) г. Бирюча и его окрестностей съ фамиліями крестьянъ м. Ямполя и его окрестностей, то между ними найдется много родни.

Трудно было заднѣпровскимъ поселенцамъ устраиваться на новыхъ мѣстахъ. Орды дикихъ степняковъ и на при-донскихъ равнинахъ не переставали тревожить ихъ, и потому, немедленно по переселеніи, пришлось имъ держать стражу отъ набѣговъ крымскихъ татаръ. Всѣ полевыя работы производились подъ наблюденіемъ вооруженной стражи изъ козаковъ. Съ другой стороны, пришлось имъ вести постоянныя ссоры съ сосѣдями великороссами изъ-за пользованія разными угодьями, а особенно лѣсами. Если побѣда оставалась за кацапами, то они просто били хохловъ; а если побѣждали хохлы, то не обходилось безъ жертъ, особенно на счетъ кацапской бороды: побѣдители расщепятъ молодой дубокъ и ущемятъ между расщелинами бороду кацапа. Въ семьѣ Штурбъ сохранилось также преданіе, что при первомъ поселеніи земля ихъ была такъ плодородна, что въ поспѣвающихъ житахъ могъ скрыться конь съ сѣдокомъ; а если во время созрѣванія полевой клубники ѣхать повозкой по степи, то колеса дѣлались мокрые и красные отъ раздавленныхъ ягодъ.

У этихъ украинцевъ, поселенныхъ на московскихъ земляхъ, какъ надо полагать, было свое полувоенное управленіе. Еще въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія сельскія выборныя власти носили козацкія названія: атаманъ, осаулъ, сотникъ. И никто этому въ то время не мѣшалъ. Екатерина II закрѣпостила за гр. Шереметевыми почти половину Бирюченскаго уѣзда, населеннаго бывшими малороссійскими козаками, въ томъ числѣ и слободу Алексѣевку. Къ чести графовъ Шереметевыхъ надо сказать, что мѣстное народное управленіе они оставили

въ томъ видѣ, какъ оно было и какъ создалъ его самъ народъ, а крестьянъ обложили лишь легкимъ оброкомъ по количеству владѣемой ими земли, раздѣливъ на „тяглыхъ и полутяглыхъ". Такъ продолжалось вплоть до уничтоженія крѣпостного права.

Нѣкоторые Шереметевскіе крестьяне были богаче многихъ даже богатыхъ помѣщиковъ, чѣмъ очень гордились Шереметевы. Одинъ изъ Шереметевыхъ вздумалъ когда-то побывать въ Алексѣевкѣ. Малороссы чествовали своего графа отъ всего сердца; приглашали его въ свои дома, и графъ не отказывался. Былъ графъ и у стараго Штурбы. Помнятъ, что молодой графъ съ бокаломъ шампанскаго любовался на себя въ огромныя зеркала штурбинскаго дома. Увидѣвъ трехъ громаднаго роста сыновей Штурбы, графъ сказалъ: „какіе же у тебя, старикъ, сыновья молодцы!" Алексѣевцы, зная желаніе Штурбы выкупиться изъ крѣпостной зависимости, говорили: „Ну, Иванъ Степановичъ, теперь уже графъ тебя не выпуститъ". Дѣйствительно, Шереметевы не любили, когда отъ нихъ уходили какіе-либо замѣтные люди: пѣвцы, музыканты, ученые и т. д. „Чѣмъ вамъ плохо у насъ?" говорили такимъ господамъ Шереметевы. Но тѣ-же Шереметевы безъ всякаго выкупа увольняли изъ крѣпостной зависимости дочерей богатыхъ крестьянъ, которыя выходили замужъ за чиновниковъ, офицеровъ, священниковъ и т. д., чего не дѣлалъ въ то время ни одинъ помѣщикъ во всей Россіи.

Во всякомъ случаѣ крѣпостное право давало себя сильно чувствовать, особенно для людей болѣе или менѣе образованныхъ. Если Шереметевы, владѣльцы двухсотъ тысячъ душъ, не нуждаясь въ притѣсненіи своихъ крѣпостныхъ, поступили, какъ люди высокообразованные и гуманные, то далеко не отличались мягкостью нрава и воспитанностью ихъ управляющіе. Долго былъ памятенъ въ Алексѣевкѣ одинъ изъ нихъ, по фамиліи Бѣшенцовъ. Какъ сказано выше, Шереметевы вездѣ оставили народное управленіе. Но для высшаго управленія, для представительства личности владѣльца—всегда было уполномоченное отъ Шереметевыхъ лицо, носившее названіе „управляющій". Такъ какъ Алексѣевцы стояли въ то время въ отношеніи умственнаго и нравственнаго развитія далеко выше обыкновенныхъ крестьянъ,

а особенно крѣпостныхъ, то управленіе Бѣшенцова не обходилось безъ нѣкоторыхъ, весьма трагичныхъ случаевъ.

Вдова Звонаренкова (по народной переписи Сычова) воспитала своего сына Ивана въ мѣстномъ двухклассномъ училищѣ. Нѣкоторые изъ учителей этого училища играли на гитарѣ, пѣли жестокіе романсы и писали стишки. Иванъ Звонаренко въ этомъ отношеніи превзошелъ своихъ учителей. Онъ готовился для поступленія въ какое-то учебное заведеніе, но его не допустили къ экзамену въ виду неимѣнія увольнительнаго изъ крѣпостной зависимости акта. Хлопоты объ этомъ остались безуспѣшны.—Къ нему по вечерамъ стали собираться дѣти мѣстныхъ купцовъ. Молодые люди играли на скрипкахъ, на гитарѣ, пѣли, читали книги. Купцы съ ужасомъ замѣтили, что ихъ сынки сильно перемѣнились: не обвѣшиваютъ, не обмѣриваютъ, сдѣлались малодѣятельны въ торговлѣ; нѣкоторые изъ нихъ стали задумываться... Наконецъ попечительные родители дошли, что „портитъ“ ихъ дѣтей никто иной, какъ только молодой Звонаренко. Родители-богачи грозно потребовали отъ матери Звонаренка, чтобы она воспретила сыну вечерніе сборы молодыхъ людей. Зная силу богачей, Звонаренко просилъ товарищей не посѣщать его. Но у Звонаренка былъ большой другъ, сынъ богатаго и самаго нахальнаго міроѣда, Михаилъ Дидухъ, который и продолжалъ посѣщать его. Старый Дидухъ женилъ своего сына противъ его воли, и этотъ мечтательный малороссъ изливалъ свою грусть въ дружеской бесѣдѣ, въ музыкѣ и чтеніи книгъ. Старый Дидухъ злобствовалъ и коварствовалъ. Отъ главнаго управленія имѣніями Шереметевыхъ было замѣчательное для того времени распоряженіе, чтобы тѣлесному наказанію не были подвергаемы купцы, мѣщане, лица, обучавшіяся въ школахъ и вообще принадлежащія къ хорошимъ семействамъ. Старый Дидухъ и Бѣшенцовъ исходатайствовали разрѣшеніе дать Ивану Звонаренку на полномъ сходѣ пять ударовъ розгами за его развращающее вліяніе на молодыхъ людей.

Узнавъ про такое ужасное распоряженіе, Звонаренко скрылся. Его зачислили находящимся „въ бѣгахъ“ и постано-

вили: „по поимкѣ сдать его въ рекруты, безъ зачета за семейство“. Въ то время жизнь солдата была хуже каторжной работы, жестокія наказанія практиковались въ ужасающихъ размѣрахъ. Гдѣ квартировали войска, тамъ вопль истязуемыхъ палками и розгами солдатъ раздавался съ утра до ночи. Всякій полупьяный ротный командиръ безнаказанно могъ содрать съ живаго человѣка шкуру отъ головы до пятъ. Ни въ чемъ неповинный Звонаренко озлобился противъ крѣпостного права, противъ богачей-міроѣдовъ и вообще противъ всякаго насилія. Онъ сдѣлался жестокимъ и удалымъ разбойникомъ-душегубцемъ [1]). Странная судьба этого даровитаго малоросса! Сначала—стихоплетъ, гитаристъ и мучитель женскихъ сердецъ; потомъ—отчаянный разбойникъ; затѣмъ—подъ чужимъ именемъ монахъ, любимецъ свѣтскихъ дамъ; и наконецъ — непомнящій родства Иванъ, слѣдующій *по владиміровкѣ* въ Сибирь, въ сопровожденіи важной барыни... Безпредѣльная Сибирь поглотила его безслѣдно. Но обратимся къ разсказу.

Вскорѣ былъ разграбленъ одинъ богатый помѣщичій домъ. При слѣдствіи обнаружено, что руководилъ нападеніемъ молодой красивый атаманъ въ полукозачьемъ нарядѣ, а на дверяхъ разграбленнаго дома красивымъ почеркомъ было написано: „здѣсь гостилъ я, Иванъ Ивановичъ Звонаренко“. Черезъ немного времени былъ убитъ въ своей усадьбѣ помѣщикъ, извѣстный жестокимъ обращеніемъ съ дворовыми. Оказалось, что убійство помѣщика и разграбленіе его дома совершены шайкой Звонаренка, при участіи дворовыхъ людей. Были ограблены съ необыкновеннымъ искусствомъ, смѣлостью и сметкой нѣкоторые богатые купцы,—рука Звонаренка была видна и тутъ. Близко знавшіе Звонаренка объясняли постоянную его удачу тѣмъ, что онъ никогда не былъ пьянъ и все дѣлалъ обдуманно. Въ народѣ ходилъ слухъ, что всѣ награбленныя деньги Звонаренко отдавалъ бѣднякамъ. Говоря о Звонаренкѣ, народъ назы-

[1]) Звонаренко говорилъ, что онъ сразу попалъ въ шайку воровъ и разбойниковъ, надѣясь посредствомъ этихъ бродягъ лично казнить стараго Дидуха. Но Дидухъ былъ остороженъ настолько, что затѣя Звонаренка поймать Дидуха не удалась.

валъ его полнымъ именемъ: „Иванъ Ивановичъ“. Но предъ этимъ именемъ дрожали богатые купцы и помѣщики, а особенно тѣ изъ нихъ, которые жестоко обращались съ крестьянами. Мелкіе воришки нерѣдко пользовались именемъ Звонаренка. Какой-нибудь бродяга, останавливая на большой дорогѣ купеческій обозъ, нахально кричалъ: „я—Иванъ Ивановичъ Звонаренко“; у всѣхъ при этомъ имени отнимались руки и ноги, и бродяга бралъ у испуганныхъ людей все, что ему угодно. Суды были переполнены дѣлами о Звонаренкѣ. Но народъ охранялъ своего героя. Всѣ его слѣды были заметены такъ, что онъ дѣлался для полиціи совершенно невидимымъ. Народная фантазія видѣла въ Звонаренкѣ какого-то мифическаго героя. Видѣвшіе лично Звонаренка разсказывали своимъ сельчанамъ, что это—красивый, шегольски одѣтый мужчина; станъ стройный, лицо чистое, руки бѣлыя, никогда не испытывавшія тяжелой мужицкой работы. Стали говорить, что это—какая-то важная особа, преслѣдуемая помѣщиками за желаніе дать свободу крестьянамъ. Въ то время еще была свѣжа въ памяти народной пугачевщина, и ловкій человѣкъ, на тему крестьянской свободы, могъ разыгрывать всякія варіаціи.

Для полноты повѣствованія слѣдуетъ сказать, что Штурба былъ женатъ на сестрѣ Звонаренка. Извѣстно, что всѣ подобные Звонаренку люди неудержимо стремятся къ своимъ роднымъ мѣстамъ. Звонаренко узналъ, что Штурба собирается на маевку въ одну изъ своихъ пасѣкъ, находившуюся въ красивой степной балкѣ, поросшей кругомъ дикимъ терновникомъ. Тамъ внезапно предсталъ предъ глазами Штурбы Звонаренко. Солидный Штурба прочиталъ удалому Звонаренку строгую нотацію: „за тобою столько числится уголовныхъ дѣлъ, и противъ тебя такъ озлоблены чиновники и помѣщики, что, въ случаѣ поимки, ты не сойдешь живымъ съ эшафота. Иди куда-нибудь въ дальнія стороны; займись тамъ честнымъ трудомъ; а если ты отвыкъ отъ труда, сложи вдали отъ насъ свою бѣдную голову. Не старайся видѣться ни съ родными, ни съ друзьями, чтобы не навлекать на нихъ бѣды“. Съ тѣхъ поръ Звонаренко совершенно исчезъ; всѣ дѣла о немъ прекратились; лишь въ народѣ долго ходила

о немъ молва. Крѣпостные крестьяне ждали, что Звонаренко привезетъ имъ „волю", т. е. манифестъ о свободѣ. Удальцы съ наслажденіемъ разсказывали о молодецкихъ подвигахъ Звонаренка, мелкіе воришки именемъ Звонаренка долго наводили панику на людей трусливыхъ [1])..

Черезъ нѣсколько лѣтъ Звонаренко вынырнулъ въ другомъ мѣстѣ. У этого героя былъ братъ—Василій, называвшійся своей оффиціальной фамиліей Сычовъ, первый басъ знаменитаго въ то время шереметевскаго хора, состоявшаго исключительно изъ украинцевъ. Бывшіе шереметевскіе пѣвчіе изъ уроженцевъ Алексѣевки разсказывали, что Сычовъ и два тенора (тріо), фамиліи которыхъ я забылъ, потѣшали графа и его гостей артистическимъ выполненіемъ различныхъ музыкальныхъ произведеній, а особенно малороссійкихъ пѣсенъ и романсовъ. Какіе-то знатные иностранцы предлагали громадныя деньги за выкупъ этихъ артистовъ изъ крѣпостной зависимости. Графъ отказалъ:— „Вы правы, графъ, — сказали ему иностранцы; эти люди не имѣютъ цѣны". Но тѣмъ не менѣе эти люди погибали даромъ „ни за цапову душу", какъ говорятъ малороссы. Сознаніе своей крѣпостной зависимости, сознаніе того, что они составляютъ чью-то собственность, принадлежатъ кому-то, какъ вещь,—неотступно ихъ мучило. По крайней мѣрѣ относительно Сычова я знаю положительно, что онъ вдался въ безпробудное пьянство, былъ подвергаемъ наказаніямъ и, какъ неисправимый, высланъ на родину. Мнѣ приходилось видѣть и слышать этого пѣвца въ Алексѣевкѣ, онъ былъ уже старикъ, постоянно пьяный; но казалось, что у этого громовержца въ груди находится какой-то не имѣющій цѣны музыкальный инструментъ. — Въ то время дворъ шереметевскій былъ въ Москвѣ, а въ томъ числѣ и пѣвчіе.

Изъ пересылочной тюрьмы прислали сказать Василію Сычову, что его желаетъ видѣть одинъ изъ слѣдующихъ въ Сибирь арестантовъ.—„Не братъ ли это несчастный Иванъ зоветъ его къ себѣ?" подумалъ Сычовъ. Дѣйствительно, это былъ Иванъ

[1]) Вся бурная дѣятельность Звонаренка происходила въ періодъ времени приблизительно съ 1825 по 1837 годъ, но еще въ сороковыхъ годахъ боялись Звонаренка и много о немъ говорили.

Звонаренко. Имъ дозволили переговорить безъ свидѣтелей. Хотя Звонаренко былъ въ арестантской одеждѣ и въ тюрьмѣ, но на лицѣ его не видно было никакого уныніи, никакого утомленія; онъ былъ бодръ, но сильно задумчивъ. Станъ его по прежнему былъ прямой; лицо красивое, но безъ улыбки. Спрашивалъ про родныхъ и друзей, сказалъ, что за мертвыхъ будетъ молиться; просилъ о немъ не безпокоиться. Въ тюрьмѣ Сычову сказали: „этотъ арестантъ слѣдуетъ изъ Кіева въ Сибирь, онъ—непомнящій родства Иванъ; подъ чужимъ именемъ вступилъ въ монастырь, былъ уличенъ, и съ нимъ поступили по закону, какъ съ бродягою; но онъ, повидимому, знатнаго происхожденія; какая-то вліятельная дама интересуется имъ; она не разъ посѣщала его на этапѣ, и они говорили между собою по-французски". Конечно, Звонаренку, при его подготовкѣ и при нѣкоторыхъ благопріятныхъ условіяхъ, не трудно было выучиться кое-какъ объясняться по-французски.

Такъ трагически гибли талантливые люди при крѣпостномъ правѣ, хотя бы оно проявлялось въ такихъ мягкихъ формахъ, какъ въ имѣніяхъ графовъ Шереметевыхъ. Люди, такъ или иначе ставшіе въ интеллектуальномъ отношеніи выше своего положенія, гибли безповоротно. Такъ едва не погибъ талантливый уроженецъ Алексѣевки, академикъ Александръ Васильевичъ Никитенко. По истинѣ былъ благодѣтель рода человѣческаго Императоръ Александръ II, уничтожившій величайшее въ мірѣ зло—крѣпостное право.

Изъ прежняго военнаго устройства при вотчинномъ управленіи графовъ Шереметевыхъ остались *козаки*. Еще въ сороковыхъ годахъ мнѣ приходилось видѣть этихъ козаковъ, которые обязаны были нести разсыльную и полицейскую службу. Это были рослые и красивые молодцы чисто малороссійскаго типа, съ бритой бородой, съ легко подбритыми волосками на головѣ, въ короткихъ камзолахъ, широчайшихъ штанахъ и въ высокихъ барашковыхъ украинскихъ шапкахъ. За мою память этихъ козаковъ было десятка два; но старики говорили, что въ прежнее время количество ихъ доходило до сотни, да и надобность въ то время въ нихъ была. Почтъ тогда еще не было, а между

Москвою, гдѣ было главное управленіе шереметевскими имѣніями, и Алексѣевкой, какъ центромъ управленія, почти 50 тысячнымъ населеніемъ Алексѣевской вотчины, постоянно ѣздили посыльные козаки, водили лошадей, возили казну и т. д. Для охраны всего этого требовались вооруженные козаки.

По семейнымъ преданіямъ Штурбъ, козаковъ этихъ привелъ изъ за Днѣпра въ Алексѣевку одинъ изъ предковъ этой фамиліи. Впослѣдствіи времени Штурбы съ гордостью говорили, что они пришли сюда козаками, а не мужиками, и что къ нимъ послѣ пришли въ Алексѣевку бѣглые мужики изъ за Днѣпра и поселились на другихъ улицахъ. По тѣмъ же фамильнымъ преданіямъ, вооруженные козаки, состоявшіе на службѣ при вотчинномъ управленіи графовъ Шереметевыхъ, издавна были подъ командой кого-либо изъ представителей фамиліи Штурба. По крайней мѣрѣ несомнѣнно извѣстно, что въ концѣ прошлаго столѣтія одинъ изъ предковъ этой фамиліи нѣсколько разъ въ годъ, въ сопровожденіи козаковъ, возилъ денежную казну въ Москву.

Вообще фамилія Штурбъ всегда пользовалась въ слободѣ Алексѣевкѣ чрезвычайнымъ уваженіемъ. Но изъ среды ея особенно выдавался малороссійскою удалью, энергіею, замѣчательнымъ умомъ и любовью къ своему племени, къ родной малороссійской старинѣ Иванъ Степановичъ Штурба. Вотъ къ этому то Штурбѣ, какъ уже замѣчено выше, въ концѣ прошлаго столѣтія, по какимъ-то памятямъ, пришло нѣсколько запорожцевъ. Недолго, однако, пожили они у Штурбы: что-то заскучали и куда-то исчезли. Остался лишь одинъ козакъ, столѣтній старикъ, сказавъ Штурбѣ: „Иванъ! мнѣ уже не пора бродить по свѣту; ноги плохо служатъ; останусь у тебя, но я твоего хлѣба даромъ ѣсть не буду; буду смотрѣть за твоимъ хозяйствомъ". Козакъ сдержалъ свое слово. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ былъ самый надежный и честный блюститель дома Штрубы, который часто отъѣзжалъ по своимъ торговымъ дѣламъ зимой въ Тулу и Москву, а весной — за покупкой скота въ калмыцкія степи,—какъ тогда говорили—въ Орду. За его честность, солидность, особенно за вечерніе разсказы въ людской очень его

любили. И надо полагать, что было весьма интересно послушать запорожца.

Этотъ старикъ разсказывалъ, что онъ еще подъ Полтавой былъ въ войскахъ Мазепы четырнадцатилѣтнимъ хлопцемъ. Кое-что, но очень мало сохранилось въ семьѣ Штурбы изъ разсказовъ этого запорожца. Такъ, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, отъ старшаго сына Штурбы мнѣ приходилось слышать, что запорожецъ училъ его ѣздить верхомъ на лошади и владѣть оружіемъ. Запорожецъ говорилъ, что для браваго и ловкаго козака самое лучше вооруженіе—сабля, винтовка и пистоль. Копье связываетъ руки бравому козаку; вооруженный копьемъ козакъ лишенъ возможности ловко дѣйствовать винтовкой и пистолемъ; притомъ-же ловкій козакъ всегда отобьетъ саблей копье. Когда будетъ на тебя наскакивать всадникъ, вооруженный копьемъ (списъ), ты бодро встрѣчай его съ саблей въ рукахъ и, какъ только онъ станетъ къ тебѣ долетать, поведи саблей по надъ гривой своего коня, отбей въ сторону его копье, и онъ самъ вскочитъ въ твои руки; „отъ-тоди ты ёму и стешишь шаблюкою голову!“ При аттакѣ запорожецъ училъ нападать преимущественно на правый флангъ непріятеля, такъ какъ непремѣнно будетъ сильнѣе поражать правый флангъ аттакующаго. Старшій сынъ Штурбы, въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія по своимъ торговымъ занятіямъ надолго оставался въ степяхъ калмыцкихъ и кавказскихъ. На Кубани онъ познакомился съ казачьимъ сотникомъ (впослѣдствіи знаменитымъ генераломъ) Баклановымъ и не уступалъ ему ни въ стрѣльбѣ, ни въ джигитовкѣ. Въ то время молодой Штурба пріобрѣлъ себѣ на Кавказѣ лошадь, добытую козаками послѣ убитаго въ какой-то схваткѣ знаменитаго Кази-Муллы, предшественника Шамиля, и продѣлывалъ на ней штуки, удивлявшія даже козаковъ. Значитъ, уроки запорожца даромъ не пропали. Говорятъ, что этотъ запорожецъ необыкновенно высоко держалъ свою честь, не позволяя никому выражать даже сомнѣніе въ правдивости его разсказовъ.

— „Якъ я бувъ ще молодый, а мини една жинка сказала: мутышь (врешь), такъ я звязавъ ій руки и ноги до-купы, тай повисывъ ій на килокъ“.

Когда запорожецъ совсѣмъ ослабѣлъ отъ старости, и за нимъ потребовался посторонній уходъ, старый Штурба рѣшился помѣстить его *шпиталь*. Въ прежнее время въ большихъ малороссійскихъ слободахъ всегда были шпитали (госпитали); они устраивались въ особыхъ домахъ, раздѣленныхъ сѣнами на двѣ половины — мужскую и женскую, и непремѣнно на бойкомъ мѣстѣ: или при входѣ на кладбище, или гдѣ-нибудь при широкой проѣзжей дорогѣ, или наконецъ при самомъ въѣздѣ въ слободу. На стѣнѣ этого зданія висѣло огромныхъ размѣровъ изображеніе причти о богатомъ и Лазарѣ, а на заваленкахъ (на призьби) выгрѣвались на солнцѣ обитатели шпиталя—безродные старики и старухи. Они кормились подаяніемъ; были такіе благотворители, которые регулярно помогали шпитальнымъ бѣднымъ; въ случаѣ же недостатка этихъ пожертвованій — призрѣваемые отправлялись за милостыней въ слободу.—Не хотѣлось нашему запорожцу идти въ шпиталь. Разсказываютъ, что онъ энергично и долго стыдилъ стараго Штурбу, что онъ козака-запорожца ведетъ въ шпиталь; даже плакалъ старикъ, сожалѣя, что не далъ ему Господь козацкой смерти, а судилъ умирать ему въ шпиталѣ вмѣстѣ съ бабами". Но Штурба устроилъ козака въ шпиталѣ найлучшимъ образомъ; провѣдывалъ его и посылалъ ему пищу со двора. Козакъ, наконецъ, помирился съ своей долей и всегда ласково встрѣчалъ Штурбу, а иногда и самъ приходилъ къ Штурбѣ домой.

Пребываніе запорожцевъ во дворѣ стараго Штурбы не осталось безслѣдно. Молодежь переняла отъ нихъ нѣсколько чистыхъ запорожскихъ пѣсенъ, дышащихъ козацкой грустью и козацкой мощью характера. Теперь уже такихъ пѣсенъ не слышно ни въ приднѣпровской, ни въ слободской Украйнѣ. Разъ на Волыни пришлось мнѣ слышать пѣвца запорожскихъ пѣсенъ, нѣкоего Видорта, состоящаго „на ласкавемъ хлѣбѣ" у польскихъ волынскихъ магнатовъ. Теперь онъ уже старикъ, около 70 лѣтъ; но главнымъ пѣвцомъ запорожскихъ пѣсенъ и бандуристомъ былъ отецъ Видорта, состоявшій при графѣ Ржевусскомъ.

---

[1]) Статья о Видортѣ была напечатана въ „Кіевск. Стар." 1892 г., № 3 „Торбанисты Грегоръ, Каэтанъ и Францъ Видорты". А. Русова.—*Ред.*

Лѣтъ около 50 тому назадъ мнѣ пришлось слышать пѣніе запорожскихъ пѣсенъ однимъ изъ сыновей стараго Штрубы. Видортъ своимъ пѣніемъ напоминалъ пѣніе молодаго Штурбы, но у Видорта уже не было того полнаго, чистаго и свѣжаго голоса, какъ у Штурбенка.

Еще въ то время много было у слободскихъ украинцевъ такихъ особенностей, которыя показывали, что эти украинцы—истые потомки козаковъ Хмельницкаго и его сподвижниковъ. Въ описанное мною время, въ одной изъ торговыхъ малороссійскихъ слободъ, я увидѣлъ пьяненькаго малороса на базарной площади, размахивающаго руками и кричащаго до хрипоты: „Каганець (фамилія этого героя) иде, земля гуде! Бый жидивъ, католыкивъ!“ —Въ то время въ воронежской губерніи, особенно внѣ городовъ, не было ни жидовъ, ни католиковъ даже на поглядъ.— А що, дядьку-Каганець, чи бачивъ ты колы-небудь жидивъ, або католыковъ?—„Ни, ныколы не бачивъ“, отвѣчалъ Каганець.— На що-жъ ты кажешь ихъ быть?—„А то, бачте, такъ мій дидуня и мій батько (царство имъ небесне), якъ трохи було напьются пьяненьки, то такъ выгуковалы, то й я такъ“.

Подобные факты съ неменьшею убѣдительностью, чѣмъ письменные документы, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ велика сила исторической традиціи, а также и томъ, какое близкое племенное родство существуетъ между малороссами приднѣпровской и слободской Украины.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЛѢВОБЕРЕЖНАЯ УКРАИНА ВЪ XV—XVII СТ.

ОЧЕРКЪ КОЛОНИЗАЦІИ [1]).

Заднѣпровьемъ, т. е. Лѣвобережной Украиной, называлась часть кіевскаго воеводства на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Она обнимала обширную площадь отъ Сожа до устья Самары, а также полосу на лѣвой сторонѣ послѣдней. Кромѣ того, на сѣверѣ, отъ самой литовской границы (пов. рѣчицкій) и почти до устья Десны, къ Заднѣпровью принадлежала узкая полоса былой земли сѣверской вдоль самого Днѣпра, но далѣе къ югу область эта захватывала широкую площадь степной Украины, а именно бассейны Трубежа, Супоя, Сулы, Псла, Ворсклы и Орели вплоть до самарской части Запорожья. По присоединеніи утраченной Литвою еще въ началѣ XVI в. Черниговщины, въ область эту вошли также бассейны Десны и Сейма. Поэтому, удобнѣе разсматривать исторію кіевской и черниговской части Заднѣпровья отдѣльно.

1. Кіевщина.

Учрежденное въ 1471 г. кіевское воеводство явилось на смѣну кіевскаго удѣльнаго княжества, „земли“ кіевской. Перво-

[1]) Неутомимый изслѣдователь историческаго прошлаго Украины, г. Ал. Яблоновскій, недавно опубликовалъ въ XIV т. „Słownika geograficznego“ (вып. 160, стр. 221—247) обширную статью „Zadnieprze“. Считаемъ полезнымъ познакомить нашихъ читателей съ этимъ очеркомъ въ настоящемъ изложеніи (съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями), въ виду представляемаго имъ интереса, а также для облегченія справокъ изслѣдователямъ нашей старины.—*Ред.*

начально границы воеводства совпадали съ границами княжества. За Днѣпромъ, со стороны ордынцевъ, граница шла такъ, какъ ее указалъ черкасскій намѣстникъ послѣдняго кіевскаго князя Свиридовъ (Dogiel, Limites, стр. 61). Начиная отъ Тавани на Днѣпрѣ, нѣсколько выше лимана, гдѣ находился перевозъ и литовско-татарская мытница, пограничная линія поворачивала прямо къ Овечьей водѣ, притоку Самары, затѣмъ къ верховьямъ послѣдней и Оргея, далѣе къ Донцу и Тихой Соснѣ. Словомъ, граница шла „муравскимъ шляхомъ" по водораздѣлу притоковъ Днѣпра и Дона. Выше лежащая часть теченія Сейма съ Путивлемъ также принадлежала нѣкоторое время къ Кіевщинѣ; постоянно же къ кіевскому княжеству, а затѣмъ воеводству тянули замки: Остеръ на нижней Деснѣ и Любечъ, старое гнѣздо сѣверянъ, на Днѣпрѣ, ниже устья Сожа, съ ихъ округами, рубежи которыхъ граничили съ черниговскими. Сѣверная часть кіевскаго воеводства на лѣвомъ берегу Днѣпра обнимала бывшее переяславское княжество, впослѣдствіи какъ бы ядро всего заднѣпровскаго округа, и далѣе за Сулой обширныя пустоши бывшихъ половецкихъ кочевьевъ.

По исчисленію Стрѣльбицкаго (Superficie de l'Europe), бассейны Сулы, Псла, Ворсклы и Орели составляютъ въ общемъ площадь свыше 1235 кв. миль, не говоря уже о бассейнѣ Самары (448.01 кв. миль), тянувшемъ къ Запорожью. Въ силу пустынности своей, это пространство только номинально принадлежало къ Кіевщинѣ. Въ началѣ XVI в., послѣ потери Путивля и ближайшаго Посемья, верховья Сулы и верхнее теченіе Псла и Ворсклы постепенно также отошли къ московскимъ владѣніямъ. Въ половинѣ того же столѣтія, все тянувшее къ Кіеву Заднѣпровье, отъ Сожа до Самары, обнимало площадь въ 1.260 кв. миль (при 2000 кв. миль площади всего кіевскаго воеводства. (Jabłonowski, Źródła dziejowe, т. XX, стр. 32, вступл.).

Въ топографическомъ отношеніи, пространства эти не имѣли однообразнаго характера. Заднѣпровье, какъ и правобережная Кіевщина, разбивалось на двѣ части: лѣсную и степную. Лѣсная полоса, меньшая по объему, тянулась отъ литовской границы чрезъ верховья Немыльной и Вира (притоковъ Сожа и Пакульки)

до Днѣпра, далѣе обнимала нижнее теченіе Десны до Трубежа; къ степной полосѣ принадлежали степи и „дикія поля“ до Самары. Впрочемъ, и въ степной полосѣ еще до половины XVII в. встрѣчаемъ значительные лѣсные участки по верховьямъ Трубежа, Супоя, Удая и Сулы (Бопланъ, Описаніе Украины) и вдоль Днѣпра, отъ Трубежа до Супоя. Лѣвый берегъ Удая до Прилукъ и нынѣ покрытъ еще лѣсомъ. Слѣды давнихъ лѣсовъ (Heidenstein, II, 375) и теперь еще остались надъ Сулой около Лубенъ, а также на пространствѣ между Псломъ и Ворсклой. Такой же лѣсной характеръ имѣло и среднее теченіе Ворсклы съ притоками Мерлою и Коломакомъ (Бопланъ и др.). Берега Орели тоже изобилуютъ лѣсами, въ верховьяхъ ея есть лѣсъ „кошъ-байракъ“, извѣстный, слѣдовательно, еще татарамъ (Голубовскій, Ист. южнор. степей, 12), ниже пуща Козлова около могилы Космыхи (Jabłonowski, Źr. dz., XXI, 625). Даже нижнее теченіе Самары изобиловало въ свое время лѣсомъ; именно тутъ козаки сооружали свои чайки, а Бопланъ бралъ оттуда дерево для постройки Кодака. Тѣмъ не менѣе, въ топографическомъ отношеніи указанныя двѣ части Заднѣпровья представляли рѣзкое различіе, отразившееся и на исторической ихъ судьбѣ.

Монгольское нашествіе обратило на долгое время (почти до конца XVI ст.) Переяславщину въ дикія поля, подобныя сосѣднимъ половецкимъ пустынямъ; между тѣмъ Любечъ, расположенный сѣвернѣе за болотами Выдры, несмотря на разореніе Чернигова съ округомъ, остался невредимымъ и сдѣлался какъ бы главной опорой постепеннаго возрожденія послѣ стихійнаго бѣдствія. Во то время, какъ въ сѣверной части Заднѣпровья непрерывно теплилась и развивалась жизнь на старой основѣ,— въ степной полосѣ Кіевщины почти все пришлось начинать заново. Вся жизненная энергія направлена здѣсь на обезпеченіе безопасности и на колонизацію, но южная часть Заднѣпровья, открытая для кочевниковъ, достигала результатовъ медленнѣе и съ большимъ напряженіемъ силъ, нежели сѣверная. Литва, присоединивъ Кіевъ и древнюю кіевскую, „русскую“, землю, нашла заселенною лишь сѣверную часть ея, какъ на правомъ, такъ и на лѣвомъ берегу Днѣпра. Уже Витовтъ и удѣльные кіевскіе

князья изъ линіи Владиміра Ольгердовича заботились о развитіи колонизаціи, раздавали пустоши служилымъ людямъ и т. п. Такъ, около 1455 г. Олелько Владиміровичъ (Архивъ Пясочинскихъ.—„Кіев. Стар.“, 1892 г., февр., 344) даетъ боярину своему Олехну Сохновичу, между прочимъ, городища на лѣвомъ берегу Днѣпра: Старое на Днѣпрѣ (Покалаурово), Бусурменское (?), Ярославское (?) и Сальково и селища: Булачинъ (нынѣ с. Ерковцы), Круглое (?), Сотниково за Каранью и Процево. Въ 1524 г. эти имѣнія переходятъ къ Лозкамъ въ качествѣ приданаго. Къ концу XV в. и въ началѣ XVI в. колонизація усиливается и на степномъ пограничьи возникаютъ новыя поселенія.

Въ эту пору встрѣчаемъ въ сѣверной полосѣ Заднѣпровья немало поселеній, большая часть которыхъ не упоминается въ домонгольскую эпоху. Городъ Любечъ на Днѣпрѣ, ниже устья Сожа, одно изъ древнѣйшихъ поселеній сѣверянъ, вѣроятно уже при Витовтѣ былъ присоединенъ къ кіевской землѣ. Въ 1484 г. кн. Василій Верейскій получаетъ этотъ городъ съ волостью отъ кор. Казимира Ягеллончика (I. Wolff, Kniaz. lit. rus., 549); съ 1503 по 1508 г. городомъ владѣетъ Москва; по возвращеніи къ Литвѣ, Любечъ поступаетъ въ держаніе воеводы кіевскаго Юрія Монтовтовича, а въ 1516 г. переходитъ во владѣніе къ зятю кн. Верейскаго Альбрехту Гаштольду (Любавскій, Областн. дѣл., 224). Ниже Любеча—Навозъ, центръ лѣвобережныхъ владѣній кіевскаго печерскаго монастыря, неизвѣстный въ рюриковское время. Далѣе къ устью Десны—новое поселеніе Черninъ при озерѣ Опочнѣ. На востокъ отъ болотъ Выдры, по Острy и нижней Деснѣ—остерская волость, присужденная кор. Казимиромъ Ягеллончикомъ княгинѣ Маріи Трабской (Гольшанской). Кромѣ г. Остра и упомянутаго уже Чернина, пожалованнаго въ 1522 г. родственнику Трабской, виленскому воеводѣ Альбрехту Гаштольду, къ этой волости принадлежали: Выползово, Бодянки, Жукинъ, Лѣтки и Рожны на Деснѣ, Носово на притокѣ Остра, Свѣтильновъ на Трубежѣ (Любавскій, цит. соч., 243 сл.). Еще раньше, въ XV в., значительная часть этого округа будто-бы принадлежала кн. Половцамъ изъ Сквиры, потомкамъ яко-бы Тугортхана половецкаго, тестя вел. кн. кіевскаго Святополка

(† 1113), и владѣніе это подтверждено еще кн. Владиміромъ Ольгердовичемъ. Къ этимъ „владѣніямъ“ на лѣвомъ берегу Днѣпра, будто-бы разореннымъ татарами, принадлежали „въ Сѣверу“: „Рожны зе вшисткимъ“, Крехово, Осово (?), Свѣтильново, Бердово (исчезн.), Островецъ, Буковъ (Быково ?), Варно, Волузовъ, Нѣжинъ и Дорогинъ, „зе вшисткими инными урочистыми пущами въ тымъ отдѣлѣ, почавши отъ Десны по Удай и по Остеръ, и Сосновскій отдѣлъ также зе вшисткими, и Высогоръ“ (E. Rulikowski, Opis powiatu wasylkowskiego. Warsz. 1853, стр. 33 сл.). Отъ упомянутыхъ выше Рожновъ на Деснѣ Половцы изъ Сквиры получили и названіе Рожиновскихъ; родъ ихъ прекратился къ 1540 г. Несмотря на подложность документа, указанія эти, повидимому, удостовѣряютъ, что въ XV в. помянутыя поселенія уже существовали на нижнемъ теченіи Десны, хотя установить эти мѣстности нынѣ частью невозможно. Такое же относительное значеніе имѣетъ извѣстный претенціозный „ярлыкъ Менгли-Гирея“ 1506 г., гдѣ, между прочимъ, упомянутъ и Путивль на Сеймѣ, „съ повѣтомъ“, въ дѣйствительности тянувшій еще къ кіевскому удѣльному княжеству въ литовское время. Около 1500 г. къ этому замку тянули указанные частью въ ярлыкѣ: Мельна и Биринъ на Сеймѣ, Утѣшковъ на Сулѣ, Жолвечъ на Пслѣ и др. Въ 1503 г. все Посемье съ Путивлемъ отошло къ Москвѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилась и дань медовая, поступавшая (1496 г.) не только къ тамошнему намѣстнику и кіевскому воеводѣ, но и на церкви „русскія“ и кіевскому бискупу и каноникамъ (Любавскій, цит. соч., 245 сл.; В. Антоновичъ, Очеркъ ист. вел. кн. лит., 62) Поближе къ Кіеву встрѣчаемъ „землю Полукнязевскую“ (Княжичи), тянувшую къ Халепью на правомъ берегу Днѣпра и проданную владѣльцемъ Солтаномъ Албеевымъ въ 1509 г. Пустынскому монастырю (Акты Ю. и З. Россіи, I, № 62). Въ той же мѣстности, повидимому, находилось и селище Чатаново въ Милославичахъ (нын. Жеребятинъ ?), отданное Сигизмундомъ I кіевскому землянину Жеребятичу (Акты Ю. и З. Россіи, I, № 124).

Въ южной полосѣ Заднѣпровья въ концѣ XV и началѣ XVI в. находимъ прежде всего обширныя владѣнія могуще-

ственнаго въ Литвѣ рода князей Глинскихъ. Предокъ ихъ, потомокъ хана Мамая кн. Лекса получилъ еще отъ Витовта Глинскъ, Глинищу и Полтаву въ бассейнѣ Ворсклы. Впослѣдствіи владѣнія эти значительно увеличились. Въ 1498 г. Богданъ Ѳедоровичъ Глинскій получаетъ изъ отцовскаго наслѣдія Сѣверъ-Сульскую страну и р. Сулу съ верху до устья (гдѣ возникъ другой Глинскъ, близъ Ромна), а братъ его Григорій—Сѣверъ-Глинщину съ р.р. Ворсклой и Мерлею съ верха до устья; „а на рѣчкѣ Удай—Сѣверъ и городище Полтствинъ и рѣчка Куренка“. Сестра Юрія Глинскаго, вышедшая замужъ за Байбузу около 1537 г., наслѣдовала имѣнія Глинскихъ на Ворсклѣ и Глинщину, а въ концѣ XVI в. Глинскъ, Бѣльскъ и земли по Ворсклѣ перешли къ Проскурамъ (Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. 2, стр. 133 сл.; Wolff, Kniaz., 77 сл.). Въ ярлыкѣ Менгли-Гирея 1506 г. упомянутъ и Глинскъ (вѣроятно, на Восклѣ) „со всѣми людьми“. Кромѣ того, тамъ указаны: Снѣпородъ, при устьѣ притока Сулы того-же имени, Синецъ на Сулѣ, Лосиче на Пслѣ, Хотмышль на Ворсклѣ. Воскресенская лѣтопись въ первой половинѣ XVI в. упоминаетъ еще города: Переславль Русьскій на Трубежѣ, Сокнятинъ (нынѣ Снятинъ), Чемосовъ, Кляпецъ (Клепачи?), Грошинъ, Роменъ на Сулѣ, Ковыла, Вороно, Салъ, Песьи Кости и на Пслѣ Ничанъ. Въ началѣ XVI в. нѣкоторые изъ этихъ городовъ вѣроятно были только запустѣлыми городищами (Любавскій, цит. соч., 247). Основаніе Кременчуга (по татарски Керменчикъ) при устьѣ Псла приписываютъ еще Витовту (Нарбутъ; Арх. Ю. З. Рос., VII, 1, 56), но это выдвинувшееся къ югу поселеніе было вѣроятно разрушено татарами еще раньше Переяслава.

На сѣверо-западномъ пограничьи древняго переяславскаго княжества колонизаціонное движеніе возобновилось съ начала XVI в.

Уже въ 1503 г. в. кн. Александръ отдаетъ какъ выслугу дворянину своему Дашку Ивановичу значительное пространство земли въ верхнемъ теченіи Трубежа и Супоя (В. Антоновичъ, Монографіи, I, 206), а сынъ его, извѣстный староста черкасскій Остафій Дашковичъ, такъ усердно занялся своимъ наслѣдствомъ,

что вскорѣ „на грунтахъ басанскомъ и быховскомъ“ возникли два мѣстечка: Басань и Быховъ и девять селъ: Старая Басань, Марковъ, Юрковъ, Павловъ, Максимовъ, Брегинцы, Кулажинъ, Карпиловка и Воронковъ. Послѣ смерти Остафія имѣнія эти перешли въ 1530 г. къ Дублянскимъ. Далѣе къ югу по Днѣпру получили значительныя земельныя владѣнія, между прочимъ, кіевскіе монастыри, особенно Пустынскій. Послѣднему принадлежали на Низу богатые звѣриные уходы, бобровые гоны и рыбныя ловли, отданныя ему „еще при первыхъ державцахъ черкасскихъ“, предшественникахъ Остафія, который удостовѣрилъ свидѣтелями, что „знамя тымъ входамъ идучи по Ерданъ да по Мачилу, а на верхъ идучи по Быстрицу“ (Арх. Ю. З. Р., ч. VII, т. 2, стр. 11 актовъ).

Не лишенъ интереса вопросъ, кѣмъ заселено было Поднѣпровье въ эпоху менглигиреевскаго увода оттуда людей въ концѣ XV и началѣ XVI ст. Въ общихъ чертахъ, теперь повторилось то самое, что было при монгольскомъ нашествіи. Послѣ разоренія Переяслава и Чернигова монголами, уцѣлѣвшее степное населеніе укрылось въ недоступныхъ сѣверскихъ пущахъ; но шайки кочевниковъ вновь возвратились позже на свои пастбища и охотничьи уходы. То не были уже чистые туранцы, „переяславскіе“ торки и вообще „черные клобуки“ съ остатками половцевъ, ушедшихъ послѣ битвы при Калкѣ на правый берегъ Днѣпра и далѣе, но ославянившіеся бродники, поглотившіе остатки туранскихъ шаекъ. Вождь ихъ Плоскиня, какъ извѣстно, измѣнилъ князьямъ при Калкѣ, и надо думать, что этотъ бродническій элементъ остался въ Заднѣпровьи подъ властью монгольскихъ баскаковъ, хотя слѣды бродниковъ встрѣчаются нѣсколько позже даже за Днѣстромъ. Имя бродниковъ, какъ въ свое время черныхъ клобуковъ, впослѣдствіи исчезаетъ, уступая названію черкасъ, которымъ молва приписывала основаніе не только г. Черкасъ, но и Канева, устроеннаго будто-бы выходцами со Снепорода, притока Сулы. При литовскихъ князьяхъ Заднѣпровье вновь стало оживать и заселяться, главнымъ образомъ выходцами съ верховьевъ Днѣпра и его верхнихъ притоковъ. Туранскій элементъ однако не остался въ этомомъ случаѣ

безъ вліянія не только въ степной полосѣ (татарскіе князья Глинскіе и др.), но и сѣвернѣе: еще въ началѣ XVI в. при господарскихъ замкахъ Острѣ и Любечѣ встрѣчаемъ указанія на поселки черемисовъ, вѣроятно, отатаренной чуди.

Многолѣтніе менглигиреевскіе наѣзды и опустошенія привели къ подобному же результату: осѣдлое населеніе отодвигалось къ сѣверу, а кочевое искало убѣжища въ болѣе безопасныхъ степныхъ пространствахъ юга. Съ этой поры промысловый людъ, занимавшійся рыбной ловлей и охотой въ отдаленныхъ уходахъ, выступаетъ подъ именемъ „севруковъ“, и значительные округа самихъ уходовъ именуются „севирами“, „сиверами“ и т. п. Значеніе этихъ названій не выясненно съ достовѣрностью. Созвучныя съ „сѣверянами“, „сѣверщиной“, имена эти едва-ли не туранскаго происхожденія. „Sawrug“ или „Sawrak“ по словарю Редгоуза означаетъ „Wild, very impulsive or violant“, т. е. дикій или же одичалый. Быть можетъ это имя и было усвоено суровыми охотниками праваго берега. Примѣсь туранской крови въ севрукахъ можно прослѣдить еще до половины XVI в. (даже среди мѣщанъ г. Кіева встрѣчаемъ въ 1552 г. Карая и Охмата Севруковъ, очевидно выходцевъ съ лѣваго берега), но съ начала XVI в. населеніе это въ общемъ имѣетъ славянскій характеръ.

Наряду съ севруками къ концу XV в. встрѣчаемся и съ козаками. Между тѣми и другими въ началѣ много общаго. Но козаки, принадлежавшіе къ вольному военному классу, поселены были при литовскихъ замкахъ на военномъ правѣ. Этимъ они отличались отъ севрюковъ какъ въ татарскую эпоху, такъ и позже, когда приливъ славянскихъ элементовъ придалъ козакамъ славянскій характеръ, если не заставилъ ихъ расплыться совершенно въ массѣ выходцевъ съ сѣвера. Какъ кажется, большая часть каневскихъ и черкасскихъ козаковъ-хуторянъ тянула къ Заднѣпровью. (Jabłonowski, Etniczna postać Ukrainy въ Kwart. hist. 1893 г.).

Гораздо опредѣленнѣе выступаетъ кіевское Заднѣпровье въ половинѣ XVI в. Ревизія украинскихъ замковъ 1552 г. (изд. въ ч. VII, т. 1, Арх. Ю. З. Рос., реестръ сборовъ Любецкаго

замка 1571 г.—въ т. XX „Zród. dziej“) даетъ въ этомъ отношеніи богатый матеріалъ. Начнемъ обзоръ съ сѣверной полосы. Любецкая волость, пограничная съ Литвою, обнимала оба берега Днѣпра, но большая часть ея находилась на лѣвомъ. Въ самомъ Любечѣ населеніе крайне незначительно: реестръ насчитываетъ лишь около сотни осѣдлыхъ жителей. Изъ 15 селъ, тянувшихъ къ замку, на лѣвомъ берегу упомянуты лишь два (Позниковичи и Лопатни),—остальныя на правомъ. Изъ 63 боярскихъ дворищъ большая часть, безъ сомнѣнія, также находилась на правой сторонѣ. Правда, еще при державцѣ любецкомъ Альбрехтѣ Гаштольдѣ встрѣчаемъ „земли“ Моравельскую (поздн. Симаки), Щуковскую (Корольчицы), Трухановщину (около Кувичицъ) на лѣвомъ берегу, недалеко отъ Любеча, но о заселенности ихъ нѣтъ указаній (Zródła dz., V.).

Судя по ревизіи 1552 г., принадлежавшая къ чернобыльской волости узкая полоса на лѣвомъ берегу Днѣпра южнѣе Любеча была уже болѣе заселена. Почти цѣликомъ составляла она владѣніе печерскаго монастыря. Здѣсь встрѣчаемъ: Мниво, выше р. Пакулки (6 чел.), Навозъ (44), Сороковичи (10), Глубово (11), Ошитковичи (7), Новоселки (2), Тарасовичи ниже Чернина (6), и Своромль (7).

Далѣе, въ кіевскомъ округѣ, на нижней Деснѣ: Дубечна (7 чел.), Слободка (14) и Погребы (4)—повидимому, тоже монастырскія владѣнія; противъ самого Кіева—замковое село Милославцы и затѣмъ Иванковцы на Альтѣ, Остралука и Борщовцы на Трубежѣ.

Въ волости Остерской, по Деснѣ и Остру: господарскій замокъ Остеръ, устроенный лишь въ 1538 г. виленскимъ воеводой Альбрехтомъ Гаштольдомъ на его „дѣдинѣ“ и уже требующій починки, но острогъ при замкѣ еще прочный; домовъ землянскихъ и мѣщанскихъ въ острогѣ 50, за нимъ—35. Бояръ, обязанныхъ „отвѣдывати шляховъ“ по сиверской сторонѣ, 27 коней съ „отчинъ оселыхъ“, а пустыхъ земель межъ ними 5. Между боярами встрѣчаемъ имена: Шеметъ, Беликъ, Копоть, Орешко, Островскій, Летковскій, Сенчиковскій, Янъ Рошковскій, Мартинъ и Станиславъ Драбы, Пролиза, Данило Волошенинъ,

Ходоръ Обыйма, Черноухъ, Кулакъ Гавриловичъ и т. п. „Пахивали на замокъ у трехъ миляхъ на поли у Столпцы, а тыхъ часовъ пашня тамъ опущена за неспокоемъ отъ татаръ". На охоту для старосты ѣздили за Трубежъ въ Слуковъ заѣздъ, въ Минкову луку и въ Яселикъ, 7 миль отъ Остра. Изъ озеръ „уступныхъ принадлежали замку: въ Чернинѣ озерѣ, съ Днѣпра, 2 тони, въ Крехаевѣ, съ Десны, 1 тоня и въ Ялмунцѣ, съ Десны, 2 тони". Упомянуто о купеческомъ караванѣ изъ Москвы въ Турцію, который шелъ черезъ Остеръ. Къ замку тянули села: Выползовъ (7 чел.), Ельминка (5), Крохаевъ (5), Боденковичи (5), Жукинъ (11) и Чернинъ (5). Одинъ изъ мѣщанъ „ходитъ землею у Козельцахъ". Село Лютово подъ Остромъ (12 домовъ) тянуло къ кіевскому замку.

Въ южной части Заднѣпровья другая картина: все обширное пространство ея тянетъ къ замкамъ Каневу и Черкасамъ на правомъ берегу; менѣе заселенное, чѣмъ правобережная степная сторона, оно главнымъ образомъ богато промысловыми „уходами". Начиная съ каневскаго округа, обнимавшаго въ половинѣ XVI в. теченія Супоя, Сулы и Псла, мы видимъ, что главные ловы на замокъ имѣли мѣсто по теченію Супоя, въ 4 миляхъ отъ Канева, и обязанность принимать въ нихъ участіе прямо называется „супоевщиной". Селище Городище на Днѣпрѣ, въ полумилѣ отъ замка, лежитъ впустѣ; далѣе къ путивльской границѣ встрѣчаются только уходы. Таковы рыбные и бобровые гоны Пустынскаго монастыря на Сулѣ на милю выше сліянія съ Переволочной и подъ Войновымъ Городищемъ. Еще далѣе на Сулѣ—уходъ Ромковщина и два другихъ и „знамя" Колавятинское держитъ каневскій мѣщанинъ Драбъ. На Оржищѣ держатъ бывшіе замковые уходы „слуги" Козакевичъ и Колоденскій, но у послѣдняго оспариваетъ владѣніе „отчичъ" Русановичъ, возвратившійся изъ 15-лѣтняго татарскаго плѣна. Выше устья Оржицы, на боярской землѣ Кашинѣ держали уходы, частью совмѣстно съ козаками, Морозовичъ и Чайка. Далѣе уходъ Гостыловскій, замковой, отъ Володыной горы до Лубенъ, 4 мѣщанскихъ грунта: Жолудевъ, Хорошковщина и др., гдѣ „ходятъ на старосту половинники козаки". Земля Лубны зам-

ковая; Желѣзновщина „отчичей“ каневскихъ Бродовичей. На Сулѣ и Снепородкѣ упоминается Гольчевщина. На сѣверо-западъ отъ Лубенъ, на притокѣ Сулы Удаѣ: Дидковщина отчича Дидковича, Милишевщина замковая, земля Пирятинская, отчина каневскаго боярина Чайки, Подпятковщина каневской церкви св. Василія, уходы на Удаѣ и Ольшаницѣ, отданные Остафіемъ Дашковичемъ каневской спасской церкви. Далѣе на Сулѣ земли и уходы: Половичи, Лукьяновичи, Лихошерстово, Хомино, Карчищеватое, принадлежащіе замку; Чекмаково и Макарино зарубской церкви что около Терехтемирова на правой сторонѣ Днѣпра. Въ Ровнѣ, на р. Многѣ, земля Колотвинская каневскаго отчича Панька Колотвиновича, замковая Колѣновщина пустая, какъ и Волосовщина, Кашутовщина и Войтовщина. Землю Чабановскую на путивльскомъ рубежѣ подъ княжьей горой на р. Сулицѣ держитъ каневскій отчичъ Чабановичъ. Въ 4 миляхъ отъ Сулы, у устья Хорола, замковые уходы, а на Пслѣ всѣ уходы занялъ бояринъ Драбъ. Пользованіе этими „сиверскими“ уходами не обходится безъ тревогъ и опасностей: „переказа уходомъ онымъ сиверъскимъ тыхъ часовъ (1552 г.) дѣется не только отъ татаръ, але болшъ отъ своихъ козаковъ, которые уставичъне тамъ живуть на мясѣ, на рыбѣ, на меду, зъ пасѣкъ, зъ свепетовъ и сытятъ тамъ собе медъ яко дома. А еще переказують уходомъ тымъ таковымъ же обычаемъ копачи зъ драбовъ, которые по городищамъ и селищамъ онымъ ходячи, могилы роскопывають, ищучи тамъ оброчей и перстней, мощи погребенныхъ выкидывають, на помъсту за то живымъ и невиннымъ“ (Арх. Ю. З. Р., VII, 1, стр. 103).

Лѣвобережная часть черкасскаго округа обнимала въ ту пору теченія Ворсклы, Орели и Самары и, подобно каневской, извѣстна только промысловыми уходами. Важнѣйшіе изъ нихъ: на самомъ Днѣпрѣ, „поченши отъ Мошонъ, уходъ и ставъ на имя Дубослей, тамъ озера, Уступный и Западный затоны, Засяклый-ловенье рыбы и бобровъ“; ниже уходы и ставы Еланьскій, Воловскій, уходы Керменчуцкій, Песельскій на Пслѣ, Кешиньскій на Ворсклѣ, Волчій Островъ, Орельскій на Орели, Романовскій, ниже устья Орели, Протолчъ, Кошоумъ, Отмутъ,

уходъ на Самарѣ „почонши отъ Ольховаго Плеса и Волчее воды ажъ до верху". На порогахъ: Волнечъ, Ненасытецъ, Плетенница, Носовскій, Томаховка, Аргачинъ и на Тавани. Изъ этихъ уходовъ лишь 5 держалъ староста (Дубослей, Еланьскій, Протолчъ, Ненасытецъ и Волнечъ), всѣ остальные уходы „хаживали Черкашене—такъ бояре яко мещане", за извѣстную часть старостѣ съ каждой „ватаги". Староста отдавалъ всѣ уходы выходцамъ изъ Кіева, Чернобыля, Мозыря, Петрикова, Быхова, Могилева и инымъ чужегородцамъ за плату въ натурѣ, рѣже за деньги; „угодники одны передъ другими, опережаючи, повышаютъ (плату), укупуючися" (Арх. Ю. З. Р., VII, 1, стр. 85). О козацкихъ промыслахъ на другихъ уходахъ можно лишь догадываться. Изъ кіевскихъ монастырей владѣли тамъ: Пустынскій—уходомъ на семь миль по Днѣпру, на устьѣ Сулы и въ Пивахъ, выше Кременчуга (гдѣ нынѣ с. Недогарки),—тамъ впослѣдствіи возникъ и филіальный монастырь; Печерскій—уходомъ на устьѣ Самары. Изъ немногочисленныхъ черкасскихъ землянъ владѣетъ за Днѣпромъ Михайло Грибуновичъ „селищемъ и городищемъ у Сивере на реце Ворскле, на имя Глинско". Другіе земляне (князь Василій Домонтъ, Янъ Келбовскій и Иванъ Зубрикъ) владѣютъ землями на правомъ берегу Днѣпра.

Послѣ люблинской уніи 1569 г. кіевское Заднѣпровье присоединено къ коронѣ вмѣстѣ съ Кіевомъ, но географическія данныя изъ этой эпохи не богаче данныхъ 1552 г. Въ инвентарѣ замковъ, городовъ, мѣстечекъ, волостей и т. д., составленномъ королевскими ревизорами въ 1570 г. (Zródła dziej. Яблоновскаго, т. XX) не упомянуты вовсе единственные въ той странѣ замки Любечъ и Остеръ. Ревизоры замѣчаютъ, что въ кіевскомъ воеводствѣ очень много пустыхъ городищъ, которыя, если ихъ отстроить, дали-бы защиту отъ непріятелей. Списокъ этихъ городищъ былъ представленъ королю, но къ сожалѣнію утраченъ.

Нѣсколько позже находимъ рядъ упоминаній о раздачѣ земель за Днѣпромъ боярамъ по распоряженію Сигизмунда Августа, съ обязательствомъ военной службы, очевидно, въ цѣляхъ усилить оборону края послѣ потери Чернигова (Zr. dz.

t. V). Таковы въ Любецкомъ округѣ или старостве: „земли“ Сѣрковская и Котчинская и селище Гальково близъ Любеча; на верховьи Ворзны (прит. Днѣпра) „земли“ Росудовская, Сельчанская и, ниже, Газеницкая; южнѣе—земля Неданчицкая; на р. Свишинѣ (съ Бѣлоусомъ прит. Десны) земля Кувичицкая, Должикъ и др.; въ верховьи Пакулки (прит. Днѣпра) земля Обышовская и урочище Борокъ. Съ другими „землями“, „островами“, „пашнями“ и т. д. встрѣтимся при географическомъ обзорѣ любецкой волости въ началѣ XVII в. Мѣстности эти большею частью мѣняютъ названія, получая новыя имена отъ владѣльцевъ и изрѣдка лишь даютъ свои имена послѣднимъ (Сѣрковскіе, Росудовскіе, Кувичицкіе). За предѣлами любецкой волости новыхъ географическихъ названій не встрѣчается въ это время.

Время отъ уніи до декрета сейма о раздачѣ пустошей (1590 г.) также бѣдно извѣстіями. Въ реестрѣ 1579 г. (Źr. dz. т. XX) упомянуты изъ селъ остерскаго округа лишь Выползовъ (13 осѣдлыхъ людей), Ялмужа (11), с. Бодынковичи (8), Крехаевъ (1), Литковичи (13); все это коронныя владѣнія. Въ реестрѣ поборовъ земли кіевской 1581 г. (Źr. dz., т. XX) упомянуты частныя владѣнія: Чернинъ на Днѣпрѣ Тышкевичей (8 осѣдлыхъ людей), Воропаевъ на нижней Деснѣ Быковскихъ (5 осѣдлыхъ, 9 загродниковъ, 3 „убогихъ“); далѣе на Деснѣ владѣнія кіевской митрополіи: Свиноѣды (осѣдлыхъ 6, загрод. 7), Зазимье (4 ос., 2 загр.), Погребы (1 ос., 10 загр.); с. Осича между Днѣпромъ и Деснок, печерскаго монастыря (3 ос., 2 загр.); ниже Десны, с. Княжичи пустынскаго монастыря (4 ос.) и с. Бортники (4 ос.). Далѣе по Днѣпру у Карани, въ сторонѣ Триполья, Жеребятинъ Лозковъ (9 ос., 6 загр.), на Карани Ковалинъ Пустынскаго монастыря (1 ос.); на притокѣ Трубежа Басанкѣ Басань, принадлежащая Балыкамъ (7 ос.). Наконецъ, подъ 1571 г. находимъ упоминаніе о „Сиверахъ“ по обоимъ берегамъ Ворсклы отъ Санчаровскаго перевоза вдоль р. Полузоры и далѣе, отданныхъ кор. Сигизмундомъ Августомъ на ленномъ правѣ Омельяну Ивановичу, низовому козаку и землянину (Чт. Общ. Нест. Лѣт., кн. 8). Важное значеніе для колонизаціи края, безъ сомнѣнія, имѣла и грамота

1585 г. (рукоп. копія) кн. Константину Острожскому на сооруженіе на старомъ переяславскомъ городищѣ новаго замка и города, который вмѣстѣ съ тѣмъ получалъ магдебурское право и отданъ былъ на два доживотья кн. Александру Острожскому, сыну Константина. Какъ видно, кор. Стефанъ не забывалъ и объ укрѣпленіи Заднѣпровья.

Но гораздо болѣе важное значеніе для колонизаціи имѣло постановленіе сейма 1590 г. (Vol. leg., VI, 1023) о правѣ короля раздавать пустоши въ Украинѣ. Въ томъ же 1590 г., вмѣстѣ съ Терехтемировымъ, отданъ Борисполь на Альтѣ и сосѣднее селище Иванковское „панамъ молодцамъ" запорожскимъ. Въ 1596 г. сеймъ рѣшилъ отобрать эти „наданья" на королевскій столъ, такъ какъ гетману еще въ 1593 г. поручено было истребить непокорныхъ козаковъ ad internecionem (Vol. leg., II, 1446); однако, Терехтемировъ не достался гетману Жолкѣвскому. Въ 1590 г. утверждена за черкасскимъ старостой Александромъ Вишневецкимъ „пустыня р. Сулы, за Черкассами лежащая", будто-бы уступленная старостѣ Михайломъ Грибуновичемъ Байбузой, которому владѣніе этой пустыней было подтверждено кор. Стефаномъ (Vol. leg., II, 1345). Тогда же упомянуто объ отдачѣ въ частное владѣніе Гороши (Горошинъ на Сулѣ) и Слѣпорода надъ р. Неушцей (?) у московской границы (ibid). Вслѣдъ за этимъ, къ концу XVI в. встрѣчаемъ: Александровъ на Сулѣ, при урочищѣ Лубны, и Михайловъ при урочищѣ Пирятинъ на Удаѣ; эти поселенія (Позднѣйшіе—Лубны и Пирятинъ) въ 1591 г. получили отъ кор. Сигизмунда III привилегіи на магдебургское право (рукоп. копія). О „сиверахъ" Глинскѣ и Бѣльскѣ на Ворсклѣ уже упомянуто выше; въ 1579 г. изъ за нихъ спорили Байбузы-Грибуновичи съ Келбовскими, а къ 1590 г. они перешли частью къ Проскурамъ (Арх. Ю. З. Р., VII, 2, стр. 133 сл., введ. Влад. Буданова).

Колонизаціонное движеніе шло главнымъ образомъ съ правобережней Украины, куда въ свою очередь стекались разнообразные элементы изъ сосѣднихъ и дальнихъ областей. Акты люблинскаго трибунала (Źr. dz., т. XXI), разбиравшаго дѣла о бѣглыхъ крестьянахъ, даютъ возможность прослѣдить на-

правленіе этой колонизаціонной волны съ правого берега въ область „дикихъ полей". Такъ, бѣглые изъ Черняхова въ житомирскомъ повѣтѣ находятъ пріютъ въ Бобровицѣ, Гоголевѣ, Прилукахъ; изъ Рожева (на Здвижѣ, въ кіевскомъ повѣтѣ)—въ Быковѣ, Прилукахъ, Сеньчѣ, Лубнахъ; изъ Ходоркова на верхнемъ Ирпенѣ—чаще всего въ Бобровицѣ, Басани, Быковѣ, Березани, Борисполѣ, Барышевѣ, Лубнахъ и Сеньчѣ; изъ Триполья на Днѣпрѣ—въ Пещаномъ, Лукомлѣ, Жовнинѣ; изъ Ржищева—въ Ялмынкѣ, Бобровицѣ, Борисполѣ, Сотниковѣ, Кропивной, Сеньчѣ. Какъ вновь возникающимъ, такъ и прежнимъ поселеніямъ даютъ наиболѣе выходцевъ: въ остерскомъ округѣ г. Остру—Загалье, Остроглядовичи въ брагинскомъ округѣ, Ялминцы и Мартыновцы на Ушѣ, Ржищевъ на Днѣпрѣ; Боденкамъ—Воронинъ (позд. Макаровъ) на Здвижѣ; Бобровищамъ—Черняховъ, Видыборъ, Осичъ въ житомирскомъ округѣ, Ставища, Андреевка въ кіевскомъ; Басани—Ходорковъ, Шепиличи на Припети. Далѣе, въ кіевскомъ лѣвобережномъ округѣ: Гоголеву даютъ выходцевъ Черняховъ, Селецъ, Видыборъ, Корчевъ въ житомирскомъ округѣ, Турбовъ на Каменкѣ въ кіевскомъ округѣ; Русанову—Новоселицы, Княжичи кіев. округа, на Ирпени; Борисполю съ Барышевымъ, Иваньковомъ и др.—Бежовъ, Щеніовъ, Черняховъ, Селецъ, Ловковъ въ житомирскомъ округѣ, Паволочъ, Копачевъ, Ржищевъ, въ кіевскомъ, даже Дивинъ на Жеревѣ овруцкаго округа; Рогозову—Бежовъ; Жеребятину—Криницы у Сругны, Рожевъ на Здвижѣ въ кіевскомъ округѣ; Сотникову—Ржищевъ. Въ округѣ переяславскомъ: Быхову на Супоѣ—Ходорковъ, Бышевъ, Рожевъ; Березани на Недрѣ—Ходорковъ; Переяславу—даже Юревичи и Точиловичи мозырскаго округа; Песчаному—Бышевъ, Лозовики на Унавѣ, Триполье кіевскаго округа; Золотоношѣ—даже Маркушевъ хмельницкаго староства на Подольи; Кропивной—Ржищевъ. Въ Вишневеччинѣ: Жовнину—Вербковичи мозырскаго округа, Липки около Ходоркова, Триполье; Горошину—Лишня близъ Бышева; Лукомлю—Мининки, Ловковъ житомирскаго округа, Триполье; Лубнамъ—Рожевъ, Паволочъ кіевскаго округа; Пирятину—Княжичи, Безрадичи на Стугнѣ, Журавцы, Козловка

около Паволоча; Прилукамъ—Чернобыль на Припети, Иванково на Тетеревѣ, Воронинъ (Макаровъ), Рожевъ, Кривое около Ходоркова, Черняховъ; Лохвицѣ—Билки около Ходоркова; Сеньчѣ—Иванковъ, Рожевъ, Ходорковъ, Ржищевъ. Болѣе того, можно прослѣдить даже путь бѣглецовъ изъ отдаленныхъ областей короны въ Заднѣпровье. Такъ, изъ Губкова на Случь (на пограничьи кіевскаго и волынскаго Полѣсья, округовъ луцкаго и овруцкаго) бѣглецы направляются чрезъ Рожевъ на правомъ, Жеребятинъ на лѣвомъ берегу Днѣпра на Посулье, въ Лубны и т. д.; изъ Куликова кременецкаго округа на Волыни—чрезъ Трояновъ подъ Житоміромъ и Бышевъ въ Быковъ на Супоѣ; изъ Заслава—чрезъ Паволочъ на Раставицѣ въ Борисполь на Альтѣ; изъ Полоннаго на Хоморѣ, притокѣ Случи—чрезъ Ходорковъ, Безрадичи въ Пирятинъ на Удаѣ; изъ Хмельника подольскаго—чрезъ брацлавскій Пиковъ, Ржищевъ въ Кропивну и т. д.; изъ Мизякова брацлавскаго—чрезъ Триполье въ Лукомль, Жовнинъ и т. д. Въ рѣдкихъ случаяхъ можно прослѣдить движеніе выходцевъ въ предѣлахъ самого Заднѣпровья. Такъ, изъ Милославца противъ Кіева и Ялмынки у Остра—въ Гоголевъ; изъ Жеребятина на Карани—въ Посулье, Жовнинъ, Лукомль, Лубны, Пирятинъ; изъ Домонтова у устья Супоя—въ Жовнинъ и Лубны. Встрѣчаются впрочемъ и случаи обратнаго бѣгства, напр. изъ того же Домонтова въ Мошны, изъ Жеребятина въ Ораное на Тетеревѣ. Должно думать, что осѣвшіе въ „слободахъ“ поселенцы, по окончаніи срока „воли“, не желали подчиняться ограниченіямъ и повинностямъ, обычнымъ въ той сторонѣ (Źr. dz., V, 210) и уходили или убѣгали на новыя слободы, хутора. На это имѣются и документальныя указанія. Такъ, при вводѣ кн. Раины Вишневецкой въ заднѣпровскія имѣнія въ 1618 г. комиссары должны были выслушивать отъ „громадъ“ „великіи нареканія съ плачемъ... ижъ княжа его милость панъ кіевскій (зубожилъ ихъ велми, выбираючи неслыханные податки пѣнезныи, быдляніи, медовъ на кидане горелки и селитры. Въ нивечъ зубожоно и знищоно, для чего тежъ трохи не половица их розишла“. (Кн. кіев. центр. арх. № 13, fol. 1035. Лучицкій, Займанщина, Юрид. Вѣстн., 1890 г., мартъ, 419).

Вообще, колонизаціонное движеніе въ кіевскомъ Заднѣпровьи ширилось съ конца XVI в. чуть не съ каждымъ днемъ, благодаря какъ стараніямъ старостинскихъ и магнатскихъ осадчихъ, соблазнявшихъ народъ приманкою многолѣтней „воли“ и т. п., такъ и безостановочному развитію самостоятельной козацкой колонизаціи, и къ концу первой четверти XVII ст. движеніе это достигло, повидимому, кульминаціонной точки. Къ этому времени Заднѣпровье заселилось и поднялось настолько, что данныя эпохи могутъ служить богатымъ матеріаломъ для дальнѣйшаго географическаго и статистическаго обзора этой прекрасной окраины почти наканунѣ утраты ея Польшею.

Н. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ НЕДОРАЗУМѢНІЕ.

(О ФОРМѢ ИМ. П. МН. Ч. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХЪ ВЪ МАЛОРУССКОМЪ ЯЗ. НА—*ое* И Т. П.).

Г. А. Крымскій въ своей критической замѣткѣ, помѣщенной въ январьской книжкѣ „Кіевской Старины“ за настоящій 1896 годъ [1]), обратилъ вниманіе на форму именительнаго падежа множ. числа прилагательныхъ на—*ое*, встрѣтившуюся въ одной народной пѣснѣ, недавно записанной въ Пинщинѣ, и попадающуюся изрѣдка также и въ нѣкоторыхъ памятникахъ южно-русской письменности.

Несомнѣнно, эта форма, какъ и другія, подобнаго рода, рѣдкостныя формы, встрѣчаемыя иногда въ нашемъ языкѣ, представляютъ извѣстный научный интересъ и вполнѣ заслуживаютъ изслѣдованія. Но почтенный авторъ замѣтки, очевидно, увлекшись своей находкой, придалъ указанной формѣ совсѣмъ неподобающее ей значеніе и присвоилъ ей такую роль въ нашемъ языкѣ, какой она въ немъ положительно никогда не играла и не могла играть.

Г. Крымскій категорически утверждаетъ, что встрѣтившееся въ пинскомъ говорѣ окончаніе им. п. мн. ч. прилагательныхъ на—*ое*, въ виду лишь того, что оно не чуждо также и языку нашихъ памятниковъ, не только „не должно возбуждать недоумѣній, а наоборотъ—должно быть привѣтствовано,

[1]) См. ст. его: „Евг. Ляцкій. Рецензія на „Бѣлорусское Полѣсье“ М. Довнаръ-Запольскаго“. Стр. 38—40.

какъ драгоцѣнный фактъ, позволяющій безъ всякихъ сомнѣній (?) объяснить появленіе зв. *і* въ им. пад. мн. ч. прилаг. современнаго малорусскаго языка: *добрі* конї, *лихі* жїнки, *жовті* чоботи и т. п."

Возникновеніе послѣднихъ формъ (на *і*), по мнѣнію г. Крымскаго, объясняется очень просто такимъ образомъ: „пинское окончаніе—*ое*, поставленное въ связь съ указаніями памятниковъ, даетъ намъ ключъ къ рѣшенію загадки:—*ое* (собственно—*оѣ*) перешло въ—*іјі*, а *іјі* дало ужъ и нечленную форму на—*и* (т. е.—*ѕі*?): значитъ, было добро*ѣ* (а въ памятникахъ смѣшивающихъ *ѣ* съ *е*,—добр*ое*), изъ него—добр*іји* и добр*и*" (т. е. добр*і*?) и т. п. Причина же означеннаго „перехода" зв. *о* въ *і*, по увѣренію автора, „здѣсь та-же, что̀ въ род. и тв. пад. ед. ч. ж. р.: т*іеи*, т*іи* (изъ т*оеи*, id. т*ої*), т*ією* (изъ т*оею*)" и проч. При чемъ, „самое качество зв. *и* (т. е. *ѕі*?) въ современномъ малорусскомъ окончаніи мн. ч. прилагательныхъ ясно —будто-бы—говоритъ, что онъ возникъ изъ звука *о*, а не изъ другого: *и* (т. е. *і*=*ѕі*,—будемъ употреблять строго фонетическую транскрипцію) въ зл*іјі* и зл*і* звучитъ не такъ, какъ (*ї*=*ьі*, *јі*) въ л*їто* (изъ л*ьто*) и въ л*їд* (изъ л*едъ*), а такъ какъ въ л*ій* (л*ой*)" и проч. „Въ молод*ії*, молод*і* зв. *і*—такой, какъ въ д*ійка* (дойка) и пр., а не такой, какъ въ д*їд* (дѣдъ)" и пр.

Въ этой аргументаціи въ пользу—*ії* изъ—*ое* все, безъ исключенія, или до очевидности не вѣрно, или въ высшей степени спорно.—Таковыми являются: и предполагаемая основная форма им. пад. мн. ч. на—*оѣ* для вторичной формы того-же падежа на—*ое* и для другаго варіанта ея на—*ої*, изъ котораго будто бы—*ії*, хотя существованіе, не только гипотетической ф. на—*оѣ*, но и живаго рефлекса ея на—*ої*, совсѣмъ не удостовѣрено фактами; и возможность непосредственнаго происхожденія фор. на—*ії* изъ этихъ предполагаемыхъ фор. на—*оѣ*,—*ої*, вслѣдствіе будто-бы „перехода" зв. *о* въ *і*, хотя такого рода *переходъ* не мыслимъ вообще въ подобномъ звуковомъ комплексѣ по законамъ малорусской фонетики; и объясненіе общею будто-бы причиною этихъ предполагаемыхъ „переходовъ" зв. *о* въ *і*—какъ въ им. п. мн. ч. б*ілії* и проч. (будто-бы изъ

изъ бїлої и проч.) такъ и въ род., тв. ед. ч. ж. р. мѣстоименій: тіеї, тії, тіею, тію и проч. (которыя будто-бы непосредственно изъ тоеї, тої и проч.), не смотря даже на бросающееся въ глаза отсутствіе такого перехода напр. въ фф. прилагательныхъ: бїлої (род. ед., гдѣ—*ої* дѣйствительно изъ—*оѣ*), бїлою и проч.; и сопоставленіе обоихъ этихъ „переходовъ“ съ появленіемъ зв. *і* вм. *о* въ такихъ случаяхъ, какъ дійка, лій и т. п. не смотря на *о* въ доїти, лою, гдѣ на лицо тѣ-же комплексы *ої*, *ою*; и, наконецъ, отождествленіе всѣхъ этихъ разнородныхъ появленій зв. *і* на мѣстѣ *о*,—дѣйствительныхъ и предполагаемыхъ,—потому только, что *і* во всѣхъ этихъ случаяхъ сходно по качеству, т. е. не смягчаетъ предыдущей согласной, хотя, напр., можно видѣть такое же *і* и въ случаѣ діброва, гдѣ оно уже не на мѣстѣ *о*, а на мѣстѣ *у*.

Но г. Крымскій, не подозрѣвая, очевидно, всей шаткости своей аргументаціи, считаетъ ее единственно правильной, а всякія иныя объясненія малорусскихъ (собственно—галицко-украинскихъ) формъ на—*ії*,—*і* отвергаетъ, какъ „ненаучныя“. Между прочимъ, онъ рѣшительно не допускаетъ происхожденія этихъ формъ изъ—*ыі* (=*ыѣ*) и образованія формы на *і* (=*ѣі*) путемъ стяженія, и говоритъ по этому поводу: „мы еще могли бы ждать, что—*ыі* стянется въ—*ы*, но не имѣемъ никакихъ основаній думать, что изъ *ыі* могло бы получиться *и*“ (т. е. *ѣі*). Наконецъ, если бъ принята была теорія обращенія фф. на—*ыі* въ *и* (=*ѣі*), „то зато—по его словамъ—у насъ остались бы совсѣмъ безъ роду безъ племени формы на—*ії*“. Но вотъ, къ счастію этихъ формъ, г. Крымскій отыскалъ для нихъ вполнѣ законнаго предка, въ видѣ формы на—*ое*, или—*оѣ*, и такимъ образомъ легитимація ихъ оказывается чрезвычайно простой и не вызывающей никакихъ недоумѣній.

Допустимъ даже, что все это—такъ. Но позволительно затѣмъ спросить еще, откуда же взялась собственно эта основная форма на—*оѣ* или—*ое*, въ малорусскомъ языкѣ во всякомъ случаѣ крайне рѣдкая, какъ въ его живыхъ говорахъ, такъ и въ письменныхъ памятникахъ, и, сверхъ того, не находящая себѣ достаточныхъ оправданій ни въ какихъ ана-

логичныхъ формахъ другихъ славянскихъ языковъ, ни въ данныхъ историческаго развитія этихъ формъ во всей славянской рѣчи вообще?

На эти существенные и неизбѣжные вопросы авторъ не позаботился дать никакого отвѣта; а между тѣмъ, безъ надлежащаго рѣшенія ихъ, самъ-то этотъ предполагаемый предокъ формъ на—*ійі*,—*і* долженъ поневолѣ остаться въ томъ именно сомнительномъ положеніи—„безъ роду безъ племени“,—въ какомъ, будто-бы, находятся послѣднія и изъ котораго съ такой увѣренностію взялся вывести ихъ авторъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если согласиться съ мнѣніемъ г. Крымскаго, что эта рѣдкая и загадочная форма им. мн. ч. прилагательныхъ на—*оѣ*, или—*ое* была нѣкогда общей и основной для всего малорусскаго языка, то какъ, прежде всего, примирить этотъ фактъ съ такими положительно вопіющими противъ него фактами, какъ напр. безспорное существованіе въ нашемъ языкѣ, въ несравненно большемъ количествѣ, формъ иного типа и вполнѣ яснаго происхожденія? И мы совсѣмъ ужъ не понимаемъ, какъ можно было отдать такое безусловное предпочтеніе первой формѣ и не обратить при этомъ ни малѣйшаго вниманія на послѣднія,—рѣшительно господствующія какъ во многихъ живыхъ говорахъ малорусскаго языка, такъ и во всѣхъ его памятникахъ.

Вѣдь въ томъ же, напр., сборникѣ пинскихъ пѣсенъ, въ которомъ встрѣтился лишь единичный случай употребленія формы на—*ое*, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ мы видимъ сплошь иныя формы. Да и такое единичное появленіе здѣсь этой формы можетъ быть объяснено условіями, не имѣющими ничего общаго съ предполагаемой органичностію ея происхожденія. Она встрѣчается въ слѣдующихъ стихахъ:

„Да бѣгутъ кыни всё уланское
Не пьютъ воды да Дунайское“ (стр. 72).

Здѣсь выраженіе „всё уланское“ можетъ быть явилось просто въ риѳму съ „да Дунайское“ (род. ед. ч. ж. р.). Вѣдь подобнаго рода случаи приноровленія къ риѳмѣ, при извѣстныхъ условіяхъ,—не особенная рѣдкость въ языкѣ народныхъ пѣ-

сенъ. Въ данномъ же случаѣ наша догадка тѣмъ болѣе кажется вѣроятной, что такому приспособленію могли способствовать и другія обстоятельства. Въ 1-хъ, данная ф. мн. ч. въ видѣ *„уланское“*, благодаря дополненію *веё*, легко могла явиться вслѣдствіе смѣшенія ея съ аналогичными формами эпитетовъ при собирательныхъ, въ родѣ *„всё сухое листье, черное* корѣннѣ, и т. п., а, во 2-хъ, чередованіе *о* съ *ы*, остающимся иногда и при открытіи слога, какъ напр. въ кыни (изъ кынь—конь), могло вызвать и обратное явленіе: аналогичную замѣну, при благопріятныхъ къ тому условіяхъ,—*ы* черезъ *о*: уланск*ое* вм. уланск*ые*.

Затѣмъ, во всѣхъ прочихъ случаяхъ въ этомъ сборникѣ формы именительнаго, а также неотличаемыя отъ нихъ формы винительнаго—падежей множ. числа прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій обыкновенно оканчиваются на—*ые, ыя, ы*, или на—*іе, ія, и (і)* (въ такъ наз. мягкомъ склоненіи и послѣ гортанныхъ согласн.). При чемъ и *сложныя*, и *краткія* фф. употребляются безразлично и въ аттрибутивномъ, и въ предикативномъ значеніи; но *краткія* (имѣющія видъ нечленныхъ, въ сущности же представляющія лишь стяженія членныхъ) вообще преобладаютъ въ обоихъ значеніяхъ. Примѣры: чи будете (рученьки) бѣл*ыя* у свекратка (2) [1]) (т. е.—*бѣлы* или *бѣлыми*), и рядомъ: полену я *ў* щир*ы* боры (2), при—хоче полынуты *ў* щир*ые* боры (7); ср. также краткія фф. въ обоихъ падежахъ въ аттрибутивномъ значеніи: да подяѣуймо..,. за тонк*и* обрусы (4, вин. п.), проклят*ы* дружчатка... ходылы (15, им. п.), одчиняйте (вороты) золот*ы* (26; вин. п.) друг*и*, трет*и* (при перш*ія*) ворытца (28, им. п.), завьяжу я чорн*ы* очи (75, вин. п.) и т. п.—для всѣхъ родовъ.—Кромѣ того, фф. на *ые, іе* употребляются не только при существительныхъ муж. рода, но также женск. и ср. родовъ, хотя и рѣже [2]): сѣни добр*ые*, походущ*іе*, (5), пуховы*е* подушки, шоуковы*е* радюжки (31), сукни

[1]) Обозначеніе страницъ Сборника: „Пѣсни Пинчуковъ“ М. Довнара-Запольскаго. Вып. 1.

[2]) Частое употребленіе въ сборникѣ фф. на *ыя* и *ія* для имен ж. и ср. рода можетъ быть составляетъ отчасти погрѣшность самого записывателя.

дрýбные (49), выкна помынущіе, чорные очи (111), лита... молодые, желѣзные пута (128) и т. п. Кромѣ того, въ другомъ сборникѣ пинскихъ пѣсенъ [1]), встрѣчаются еще фф. на—*іи* и—*е*: очки черненькіи (68), хороше дѣвки (55) и т. п.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что фф. им.—вин. п. прилагательныхъ и мѣстоименій твердаго склоненія на—*ые*,—*іе* (послѣ гортанныхъ) и на—*ы*,—*і* (=основной—*ыѣ*) господствуютъ во всѣхъ *сѣверныхъ* (полѣшскихъ) говорахъ ю.-русской рѣчи, рядомъ съ болѣе рѣдкимъ варіантомъ своимъ на—*ыи*; онѣ встрѣчаются также въ *прикарпатскихъ* говорахъ [2]) и въ говорахъ *переходныхъ* къ южнымъ (галицко-украинскимъ) нарѣчіямъ.— Но въ послѣднихъ уже, наряду съ фф. на—*ые*,—*ы*, чаще употребляются фф. на—*ыи*, а также на—*зіи*,—*зі* (будемъ обозначать ихъ—*иі*,—*и*), напр., въ Кобринскомъ у. (с. Озяты) [3]): молодые и добрыи (С. 29); въ Брестскомъ и Пружанскомъ уу. жоутые, чорные, и вороныи, добрыи (С. 30, 31); въ Холмскомъ и Томашевскомъ уу: бїлыи, черныи, рудыи—(Ч. 554, 555), въ Ровенскомъ у: чорные, и бїлыи (Ч. 544), бїлые и золотиі (С. 50); въ Ковельскомъ и Луцкомъ уу. на—*ы* (Ч. 546, 547, 548) въ Новоградъ-Волынскомъ у. на—*ы* (Ч. 537); въ Радомысльскомъ и Кіевскомъ уу. на—*ы* и *и* (Ч. 589, 590); [4]) точно также фф. на—*ы*,—*и*, рядомъ съ—*ые*,—*ыи* и—*иі*, употребляются безразлично въ южныхъ уу. Черниговской и сѣверныхъ—Полтавской губ.— Формы на—*ыі*,—*ы* не чужды также и подольско-украинскимъ говорамъ, ср. напр. бїлыі, чорныі въ Трилѣсахъ Чигиринскаго у. (Ч. 570) и бїлы—въ Гайсынскомъ у. (Ч. 567); но вообще въ *южныхъ* говорахъ преобладаютъ фф. на—*иі*,—*и* (=*зіі* —*зі*), которыя на востокѣ, по лѣвую сторону Днѣпра, перехо-

---

[1]) „Пинчуки“ Д. Г. Булгаковскаго. Спб. 1890 г.

[2]) У Лемновъ, кажется, только на—*ы*.

[3]) Данныя приводятся изъ VII т. „Трудовъ Экс. въ Ю.-З. край“ Чубинскаго и „Очерка рус. діалектологіи. III Малорус. нар.“ А. Соболевскаго,—въ отдѣльномъ оттискѣ. Въ скобкахъ указываются стр. того и другого изданія, съ помѣтой перваго—Ч., а послѣдняго С.

[4]) Во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ показаны фф. на—*ы* и на—*ы*,—*и*, какъ намъ достовѣрно извѣстно, употребляются также фф. на—*ыі*, а также на—*иі* и—*и*.

дятъ уже отчасти въ—*ïи*,—*ï* [1]).—Форма же им.—вин. мн. ч. на—*ое*, кромѣ случая, указаннаго въ сборникѣ пинскихъ пѣсенъ, сколько извѣстно, не наблюдалась ни въ одномъ изъ живыхъ говоровъ ю.-русской рѣчи.

Что касается памятниковъ, изъ которыхъ приводятся г. Крымскимъ примѣры употребленія этой формы, то и здѣсь, рядомъ съ нею, опять таки видимъ въ большинствѣ случаевъ тѣ же формы, какія преобладаютъ нынѣ въ живой рѣчи.—Обращаемся къ этимъ памятникамъ.

Документъ, названный авторомъ „грамотой 1499 г.“, принятъ имъ за таковую очевидно по недосмотру. Это собственно грамота Сигизмунда II Августа, писанная въ Варшавѣ въ 1570 г. и занесенная въ метрику коронную. Изданный же документъ представляетъ запись этой грамоты изъ метрики въ Кіевскую гродскую книгу въ г. Житомірѣ *въ 1736 г.* Языкъ изданнаго документа—обыкновенный такъ называемый „западно-русскій“ актовой языкъ королевскихъ канцелярій конца XVI ст., съ тѣми измѣненіями и подновленіями его формъ, звуковъ и орѳографіи, какія наблюдаются вообще въ спискахъ „западно-русскихъ“ актовъ, сдѣланныхъ въ польскихъ канцеляріяхъ XVIII в., и какія явились тогда частью подъ усиленнымъ вліяніемъ въ Украинѣ польской письменности и языка, частью подъ вліяніемъ тогдашней церковной книжности и живой малорусской рѣчи.

Въ данной грамотѣ приведены извлеченія изъ болѣе раннихъ грамотъ, въ томъ числѣ—извлеченіе изъ грамоты Сигизмунда I (сороковыхъ годовъ XVI ст.), изъ котораго г. Крымскій и почерпнулъ свою цитату. Болѣе пространный текстъ, изъ котораго она взята, слѣдующій: „заломъ пустый у Чорторыи на верхнемъ конце со сеножатю—по жерело Лысянкое и по *Городовое озера*“ [2]). Слова *„Городовое“* употреблено здѣсь въ

---

[1]) Впрочемъ такое *ï* въ этихъ фф. встрѣчается, по свидѣтельству Огоновскаго, и въ нѣкоторыхъ галицкихъ говорахъ (Studien auf d. Gebiete der Ruth. Spr. стр. 135).

[2]) В. Антоновичъ и Козловскій грамоты Вел. Князей Литовскихъ К. 1868. стр. 25.

качествѣ предиката, обязаннаго стоять въ вин. пад. мн. ч. ср. р., и является, можетъ быть, въ такой формѣ по простой опискѣ, случившейся подъ вліяніемъ предыдущаго слова „лысянкое“ и вызванной имъ безсознательной ассоціаціи и смѣшенія представленій о формѣ на—*ые* съ формой на—*ое*, вслѣдствіе смежности обоихъ словъ и обозначенія ими одного—средняго рода, а также общаго зв.—*е* у подлинныхъ падежныхъ формъ того и другого слова. Но, какъ бы-то ни было, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ въ этой грамотѣ употребляются лишь формы на—*ые*,—*іе*, безразлично—въ значеніи им. и вин. пад. мн. ч., для всѣхъ родовъ.—Отмѣтимъ тождественныя слова съ обѣими этими формами въ винительномъ падежѣ мн. ч.: на потомн*ые*.... (стр. 24) и—на вси потомн*іе* часы (31); о т*ые* двѣ службе, т*ые* люде.... продалъ лысты.... побралъ (27) и—вси т*іе* лугы, селыща, земли.... держаты (31). Кромѣ того, по одному разу встрѣчаются фф. им. мн. на—*ы* и—*ыи*: игумены.... просты повинн*ы* будуть (31) и—ин*ыи*... лысты, при—ин*ые* пожитки (24), и проч.)[1]).

Второй документъ, указанный г. Крымскимъ, есть *копія* приказа гетмана Д. Барабаша 1617 г., писанная почеркомъ *конца XVII ст.*, и находящаяся въ числѣ актовъ, приложенныхъ къ Румянцевской описи Малороссіи. Здѣсь, между прочимъ, читаемъ: „а што *пашни свое власное* посеяли на нивахъ кгрунту его“[2]). И въ данномъ случаѣ обращаетъ на себя вниманіе, такая же какъ и въ предыдущемъ памятникѣ, постановка рядомъ двухъ словъ съ формами на—*ое*: „*свое власное*“, изъ коихъ первое слово,—если это выраженіе дѣйствительно обозначаетъ множ. число,—употреблено правильно въ своей органической ф. вин. пад. мн. ч. (*своѣ* и современное укр. *свої*=др. рус. *своѣ*); при чемъ слово *пашни* произносилось бы тогда съ удареніемъ на *а*. Но все это выраженіе можно понимать двояко: столько же въ смыслѣ *винит. пад. мн. числа*[3]), сколько и въ

---

[1]) Кстати, отмѣтимъ также встрѣтившуюся здѣсь созвучную ф. род.—вин. п. ед. ч. ж. р.: т*ые* земли искаты (31) при ф. род. ед. ч. з т*оеи* земли (30).

[2]) „Кіевская Старина“ 1883 г. Май 145.

[3]) И въ такомъ случаѣ форму *власное* можно бы объяснить тѣмъ же способомъ, какъ и фф. *уланское* и *городовое* въ двухъ предыдущихъ случаяхъ.

синонимическомъ ему смыслѣ *род.—вин. пад. ед. ч. ж. р.* [1]); при чемъ въ послѣднемъ случаѣ слово *пашни* произносилось бы съ удареніемъ на *и́*, форма *власное* была бы органической, а *свое* представляло бы стяженіе изъ *своéе*, (ср. совр. укр. *свóї*, чаще *свéї*,—изъ *своéї*=др.—рус. *своеѣ*) и въ передачѣ на соврем. живой укр. языкъ вся эта тирада явилась бы въ слѣд. видѣ: „а що *пашні своéї* (или *свéї*, или *свóї*) *власноі* посіяли на нивахъ“ и пр.

Рядомъ съ указаннымъ случаемъ, всѣ остальные 3 случая, въ которыхъ встрѣчается им.—вин. пад. мн. ч. въ данномъ документѣ, представляютъ ф.ф. этого падежа на—*ые*.—*іе*: которы*е* (им.), въ незамерон*ые* лѣта, на потомн*іе* часы (вин.).

Третій документъ представляетъ тоже *копію* универсала гетмана Мазепы 1691 года (современную ему), найденную въ книгѣ актовъ „мѣйскаго уряда“ м. Борисполя. Мѣсто, въ которомъ встрѣчаются приведенныя г. Крымскимъ формы, слѣдующее: „жебы якъ козаки *свои козацкое службы*, такъ и посполитие люде *свои тяглое повинности* непремѣнно якъ теперь, такъ и во всѣ потомніе часы пилновали“ [2]). И здѣсь, какъ и въ предыдущемъ памятникѣ, можно видѣть совершенно аналогичное смѣшеніе формъ и ихъ значеній, такъ какъ данныя фразы, напечатанныя у насъ курсивомъ, можно понимать и въ смыслѣ *вин.* (=им.) *мн. числа*, и въ смыслѣ *род.—вин. ед. ч. ж. рода*. Къ такому пониманію ихъ, впрочемъ—болѣе въ послѣднемъ, чѣмъ въ первомъ смыслѣ,—уполномочиваетъ между прочимъ также и предшествующая имъ въ этомъ документѣ фраза: „приказуемъ абы *власти свои* надъ маетностями заживали мѣрно“ (140), гдѣ выраженіе „власти *свои* (вм. власти *своеі*, *свеі*), представляетъ уже, безъ всякаго сомнѣнія, и по формѣ, и по значенію —*род.—вин. пад. ед. ч. ж. р.*, совпадающій однако, вмѣстѣ съ тѣмъ по своей формѣ и съ *вин.—им. мн. ч.* [3]). Что же касается

[1]) Форма род. ед. ч. ж. р. прилагательныхъ и мѣстоименій въ этомъ документѣ, очевидно по традиціи письменнаго языка, постоянно на—*ое*: королевск*ое* милости, до рады нашо*е* зуполно*е*, моци жадно*е*.

[2]) „Кіевская Старина“ 1892 г. янв. 140 стр.

[3]) Кромѣ указанной ф. *род.—вин.* на—*оїї*, или точнѣе на *ї* (сво—*ї* изъ сво — еї), въ остальныхъ случаяхъ фф. *род.—вин.* и собственно *род.* пп. ед. ч.

собственно формъ *им.—вин.* пад. мн. ч., то, за исключеніемъ этихъ двухъ выше приведенныхъ случаевъ, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, коихъ насчитывается въ этомъ документѣ около 30, онѣ, для всѣхъ родовъ, на—*ые*,—*ы*, или гораздо чаще—на —*ие*,—*іе*,—*ѩ*, или—рѣже—на—*ии*,—*и*; при чемъ начальныя —*и*,—*і* несомнѣнно выражали уже въ именахъ твердаго склоненія тотъ же звукъ, что и *ы* [1]), и всѣ они (кромѣ случаевъ послѣ гортанныхъ согл.) произносились или какъ это послѣднее, или же—что вѣроятнѣе—какъ *і* (=ъі) безъ смягченія предыдущей согласной [2]); а вторыя *и*, какъ и *ѣ*, обозначали звукъ *ји* [3]). *Е*— вмѣсто послѣднихъ *ѣ* и *и*, писалось уже, очевидно, лишь по орѳографической традиціи, но вѣроятно тоже читалось иногда въ этихъ случаяхъ какъ *ји* [4]). Приводимъ нѣсколько примѣровъ этихъ формъ съ указанными окончаніями: которы*е* и которі*е*; потягнены и притиснени; ти*ѩ*, многи*ѩ*, войскови*ѩ* и многі*е*, войскові*е*, оні*е*, потомні*е*, посполиту*е*, приневолени*е*, яки*е*, таки*е* давні*е*, маючи*ѩ* и будучи*и*, и проч.

Четвертый, наконецъ, документъ—это интерлюдіи, или „Интермедіи“ Гаваттовича 1619 г., изъ которыхъ г. Крымскій почерпнулъ наиболѣе своихъ примѣровъ им. п. мн. ч. съ формами на—*ое*, и которыя дѣйствительно изобилуютъ этими формами. Но, во первыхъ, рядомъ съ ними здѣсь имѣются также и другія формы, а, во вторыхъ, quasi—народный языкъ этихъ Интермедій вообще таковъ, что изслѣдователю исторіи малорусской рѣчи надо относиться къ нему крайне осторожно. Хотя авторъ названныхъ интермедій и попробовалъ написать ихъ на

ж. р. въ этомъ памятникѣ на—*ое* или на—*оѣ*: пилнуетъ козацк*ое* службы; за лядск*ое* держави; противъ волѣ наш*ое* гетманск*ое*; з житя маетности т*оѣ* прочъ витиснути, и проч.

[1]) Ср. напр. *и* вм. *ы*: *били*, стяглихъ войн*и* (род. ед.), подданим*ъ*, жадних*ъ*, вымисловъ, не закрито, звиклой и т. п.

[2]) Ср. напр. *тилко*, *тихъ*; одийскати, въ которыхъ *и* могло звучать и какъ *ы* и какъ *ъі*.

[3]) Ср. случаи, гдѣ *ѣ* вм. *і*: противъ волѣ нашоѣ, до унѣ, универсалъ.

[4]) Это можно заключить, между прочимъ, изъ безразличнаго написанія *е*, *ѣ*, *и* какъ въ окончаніяхъ *им.—вин.* п. мн. ч., такъ и въ окончаніяхъ *род.* пад. ед. ч. ж. р.: славн*ое*, т*оѣ*, необычн*ои*.

современномъ ему галицко-малорусскомъ языкѣ [1]), которымъ, по всѣмъ видимостямъ, и хорошо владѣлъ, но въ своемъ произведеніи, предназначенномъ для увеселенія неприхотливой ярмарочной толпы, онъ обращался съ этимъ языкомъ достаточно пренебрежительно, какъ съ орудіемъ балаганнаго смѣхотворства, не только не заботясь о правильномъ употребленіи его, а напротивъ того, не стѣсняясь даже нарочитыми искаженіями его на разные лады.—Впрочемъ, многія искаженія и неправильности въ языкѣ Гаваттовича могли зависѣть также, какъ отъ невольнаго вліянія на него польской рѣчи, такъ и отъ неумѣнія автора справиться съ передачей малорусской рѣчи въ тогдашней польской транскрипціи, тѣмъ болѣе что и самая польская орѳографія того времени была еще мало установленной и отличалась значительною непослѣдовательностію [2]).

Какъ на образчикъ нарочитыхъ извращеній живой малорусской рѣчи, укажемъ хотя бы на такія курьезныя формы, встрѣчающіяся во II интермедіи, какъ напр. фф. им. п. ед. ч. ж. рода существительныхъ trawa*ia* (29) kapusta*ia*, kaszaia (62), которыя, очевидно, понадобились автору частью для риѳмы, частью для сохраненія размѣра въ стихѣ.—Что касается фф. *им.—вин.* мн. ч. прилагательныхъ, причастій и мѣстоименій, то приводимые г. Крымскимъ примѣры этихъ фф. на—*ое* встрѣчаются въ интермедіяхъ Гаваттовича въ слѣдующихъ мѣстахъ.

Въ I интермедіи эта ф. попадается лишь два раза въ словѣ *takoie*, въ слѣдующихъ стихахъ [3]):

---

[1]) Собственно—на *сѣверно-подольскомъ* его говорѣ, какъ мы удостовѣрились въ этомъ, послѣ тщательнаго изслѣдованія этого памятника.

[2]) Печатный подлинникъ этихъ Интермедій, вмѣстѣ съ духовной драмой, на польскомъ языкѣ,—какъ намъ достовѣрно извѣстно,—находился у покойнаго польскаго писателя І. Крашевскаго. И драма, и Интермедіи составляли одно цѣлое, авторомъ котораго былъ тотъ-же Гаваттовичъ. У насъ имѣется точный, до педантичности, списокъ съ печатнаго оригинала этихъ интермедій, сдѣланный рукою Крашевскаго. Этимъ спискомъ мы и пользуемся здѣсь приводя примѣры изъ него въ подлинной транскрипціи, безъ всякаго измѣненія послѣдней. Мѣста, откуда взяты наши цитаты, мы будемъ обозначать въ скобкахъ цифрами I и II, означающими первую и вторую интермедію, съ присоединеніемъ къ нимъ номераціи стиховъ арабскими цифрами.

[3]) Интернукція—подлинника во всѣхъ цитатахъ нашихъ изъ него.

. . . . . czy Boh to myłostiu sprawyty
Chotył, *takoie* ryczy, na mene pustyty,
Czy lichij lude. O Boże myłostywy,
Kolisz by sia tot trapył czołowik zdradliwy,
Sczo mi *takoie* ryczy, oś Pane nabroił. (97—101).

Здѣсь въ обоихъ случаяхъ въ выраженіи *takoie ryczy* можно видѣть лишь путаницу формъ и ихъ значеній, затемняющую надлежащій смыслъ этого выраженія. Очевидно, въ данномъ видѣ мѣстоимѣніе *takoie* (т. е. *такое* изъ *такоѣ*=совр. укр. *такої*) поставлено здѣсь въ формѣ *род. п. ед. ч. ж. р.* (употребляемой иногда также, какъ было уже замѣчено, и въ значеніи пад. *вин. ед.*),—для выраженія ею, за одинъ разъ, отчасти также и значенія *вин. пад. мн. ч.* И это, должно быть, произошло потому, что съ формою слѣдующаго, опредѣляемаго имъ существительнаго ж. р. *ryczy* (т. е. рїч—ї=древн. рѣч—ѣ или рѣч—ѣ),—тождественной какъ для *род.* (—*вин.*) *ед. ч.*, такъ и для *вин.* (*им.*) *мн. ч.*,—смутно связывалось въ умѣ сочинителя интермедій представленіе о мнимомъ единствѣ выражаемыхъ этими тождественными формами двухъ разныхъ значеній ихъ, почему оба эти значенія совмѣщены у него также, повидимому, и въ формѣ род. ед. ч. слова *такое*—въ ущербъ ея прямому смыслу [1]).

Указанное объясненіе данной формы этаго мѣстоименія тѣмъ болѣе кажется намъ отвѣчающимъ дѣйствительному ея происхожденію, что въ другомъ мѣстѣ, гдѣ это мѣстоименіе стоитъ при существительномъ *средняго рода въ винительномъ падежѣ мн. ч.*,—и отсутствуютъ при томъ и другія условія благопріятствующія ея появленію, форма этого мѣстоименія оказывается уже иной,—болѣе обычной въ живой рѣчи:

. . . . . Ta *słowa taki* wołaiesz (II, 81).

Сверхъ того, и въ приведенныхъ нами выше стихахъ мы видимъ также другую ф. им. п. мн. ч., именно на *ij*: lich*ij* lude (=совр. укр. лих*і* или лих*ії* изъ лих—*иь*=лих—*ыь*), сходную

[1]) Ср. также съ нею органическую ф. *вин. мн. ч.* мѣстоименія *свой*, правильно употребленную авторомъ въ стихѣ, предшествующемъ цитированнымъ стихамъ: potołk, w nywocz obrotył te horsczki *swoie* (I, 96), которая тоже могла оказать нѣкоторое вліяніе, съ формальной стороны, на сочиненіе въ аналогичномъ видѣ формы *takoie*.

съ формою на *i* въ taki (=taki,—*ii* изъ—*иѣ*=*ыѣ*), и представляющую, какъ и послѣдняя, не что иное, какъ стяженіе первоначальной ф. на—*ыѣ* (послѣ гортанныхъ—*иѣ*), обусловленное въ данномъ случаѣ, между прочимъ, также отчасти и потребностію для автора выдержать размѣръ стиховъ его. Затѣмъ остальныя фф. им.—вин. п. мн. ч. прилагательныхъ и мѣстоименій разныхъ родовъ на—*oe*, встрѣчаются въ слѣдующихъ мѣстахъ II интермедіи, рядомъ и вперемежку съ другими формами того-же падежа [1]).

. . . . . takoy roboty
W switym ne widał krasnoie. Mury maiet *zołotoie* [2])
Ta kamenami sażene, Dorohymy, sut zelene,
Sut biłyie, *czerlenoie*, sut błakitne, ta *switnoie* (42—45).

Było miaso, prosiata, Były pieczone kurczata,
Były tam y *waronoie*, Ta były y *smażonoie*,
Wsie choroszo [3]), y z iuszkoiu.... (57—59)

Sut tamo popy, panowe, Ta nasy pobratymowe,
Sut tamo y *lichoie* żunki, sut ne welike ditonki,
Wsi horeiut aż po uszy. Bidaż tam y moiey duszy,
Była, ta na wiczny wiki (68—71).

Можно съ увѣренностію сказать, что изъ являющихся въ этихъ стихахъ формъ въ значеніи им.—вин. пад. мн. ч., только встрѣчаемыя по одному разу формы на—*yie* и на—*y*,—вполнѣ правильныя и органическія.

---

[1]) Кстати, отмѣтимъ также странное употребленіе въ этомъ интермедіи древнихъ фор. ин. двойств. ч. или им.—вин. мн. ч. ср. р. для мѣстоименій, поставленныхъ въ значеніи вин. пад. мн. ч. муж. рода: Koliśmo iuż ztorhowali, Ta y *wsia* woły prodali (II, 2). Ta sczo to ist. (sic) za trawaia, sczo rodyt pyrohy *taia* (II 29). Въ другихъ мѣстахъ эти же мѣстоименія въ данныхъ падежахъ имѣютъ формы: *wsi*, *wsie*, *te*—для всѣхъ родовъ. Не вдаваясь въ изслѣдованіе происхожденія у автора этихъ формъ, мы сопоставимъ лишь съ ними аналогичную ф., употребленную имъ еще и въ другомъ случаѣ: Bośmy ho wsi try zhlidyła (II, 35). (ибо мы всѣ трое его замѣтили). Подобныя формы, въ такомъ значеніи, наблюдаются въ нѣкоторыхъ живыхъ польскихъ говорахъ.

[2]) Слова съ формами на—*oe* приведены въ курсивѣ цѣликомъ; въ словахъ-же съ другими формами-курсивомъ обозначены лишь эти формы.

[3]) Это выраженіе можно понимать, пожалуй, и въ смыслѣ: *все хорошо*.

Въ bi*łyie* (вин. мн.) форма, несомнѣнно, основная; а въ словѣ wiczn*y*, (которое—въ виду употребленія въ тогдашней польской графикѣ *y* для обозначенія звуковъ *ы*, *і*, а также и *j*,—позволительно читать также и какъ вічнзі)—можно видѣть уже стяженіе первой формы (—*yie*); аналогичная же ей ф. въ nas*y* представляетъ, очевидно, неудачную sui generis сдѣлку между польской ф. им. мн. ч. *nasi* и малорус. формой им.—вин. мн. ч. *наші*.—Что же касается фф. на—*e:* въ zelen*e*, błakitn*e*, pieczon*e*, welik*e*, t*e*,—рядомъ съ фф. на—*oie:* въ krasn*oie*, zołot*oie*, czerlen*oie*, waron*oie*, smażon*oie*, lich*oie*,—то первыя изъ нихъ являются, повидимому, здѣсь несомнѣнными полонизмами [1]). При чемъ, въ виду того, что эти фф. тождественны въ польскомъ яз. какъ для *им.—вин. мн. ч. ж.* и *ср. р.* (а также—*вин.—им.* мн. ч. м. р.), такъ и для *им.—вин. ед. ч. средн. р.* (ср. warzon*e*, smażon*e* kurczęta, kury, kapłony—и warzon*e*, pieczon*e* kurczątko)—можно съ большою вѣроятностію предположить, что въ данномъ случаѣ формы на—*oie*,—кромѣ возможности появленія ихъ по тѣмъ причинамъ, о какихъ говорилось выше,—могутъ представлять также и своеобразное растяженіе этихъ первыхъ формъ (на—*e*)—примѣнительно отчасти къ полнымъ малорус. формамъ им. вин. мн. ч. на—*ые*, но только по образцу формъ им. п. ед. ч. ср. на—*ое*, потому именно, что послѣдній комплексъ въ этомъ падежѣ могъ стягиваться въ малорус. яз. и давать тоже ф. на—*е*, тождественную съ польской,—о чемъ свидѣтельствуютъ въ интермедіяхъ такія фф. какъ: tysto wariene, smażone, peczone (II, 60) при фф. towarystwo choroszoie (II 16), sczo żywoie sia ruszyło (II, 53).

Мы исчерпали такимъ образомъ всѣ приведенные г. Крымскимъ примѣры формъ им.—вин. мн. ч. на—*ое* изъ указанныхъ имъ памятниковъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что эти формы попадаются изрѣдка также и въ другихъ еще памятникахъ.

---

[1]) Хотя—*е*, или мож. б.—*е*, въ этихъ формахъ возможны также и въ млр. яз., напр. въ его полѣшскихъ говорахъ: ср. уся-*ке* очи въ черниговск. гов. (Потебня Зам. 113), хороше дѣвки—въ пинскомъ говорѣ (Булгаковскій-Пинчуки. 55). Судя по случаямъ замѣны *и* чрезъ *е*, напр, въ хвалиле, конике (Огоновс. Stud. 39, 40)—такія формы на—*е* возможны, кажется, и въ галицкихъ говорахъ.

Укажемъ, напр., на такія же фф. въ спискѣ XVIII ст. съ акта объ установленіи церковнаго братства въ г. Лубнахъ 1622 г.: „нижей описанное (?) христіанское братское повинности и порядки чинити“ [1]) (вин. мн.); а также въ оказавшейся у насъ подъ рукой копіи съ Евангелія, переведеннаго на „зап.-рус.“ языкъ Негалевскимъ и изданнаго въ 1577 г.: „добрый чловекъ з доброго скарбу серца выводит речи добрые, и злый чловекъ зо злого скарбу выводит злое“ [2]). (Ев. отъ Мат. гл. XII, ст. 35). Но, какъ это легко замѣтить, и наши примѣры вполнѣ поддаются тому же объясненію, что и примѣры указанные г. Крымскимъ.

Вообще, эти фф. на—*ое* появляются иногда въ нѣкоторыхъ нашихъ письменныхъ памятникахъ при наличности только извѣстныхъ благопріятныхъ имъ условій и обстоятельствъ, которыя можно бы даже безъ особеннаго труда формулировать съ достаточной опредѣленностію, если бы задаться послѣдовательнымъ изученіемъ ихъ. Но, во всякомъ случаѣ, эти формы крайне рѣдки въ памятникахъ, сравнительно съ другими формами,—преимущественно органическаго происхожденія; что уже само по себѣ доказываетъ ихъ эфемерность и отсутствіе въ языкѣ достаточныхъ основаній для развитія и упроченія въ немъ этихъ формъ въ той, напр., степени, въ какой это случилось въ малорусскомъ яз. съ органическими фф. вин. п. мн. ч., совершенно вытѣснившими собой изъ него изначальныя фф. им. п. мн. ч.

И такъ, изъ приведеннаго обзора фф. им.—вин. п. мн. ч. на—*ое*, при ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ количества, харак-

---

[1]) „Кіевская Старина“. мартъ 1896 г. стр. 456. Интересно въ этомъ документѣ употребленіе род. п. ед. ч. ж. р. на—*ые*: речи посполитые, рядомъ съ болѣе частой ф. этого падежа на—*ое*.

[2]) Ср. текстъ польскаго Ев. Вуйка 1593 г., для перевода котораго изъ Вульгаты, вѣроятно, служило пособіемъ социніанское Ев. на польскомъ яз. Чеховича, изданное въ 1577 г., которое, въ свою очередь, несомнѣнно, послужило оригиналомъ для перевода Ев. на „зап.-рус“. яз., сдѣланнаго Негалевскимъ: „a zły człowiek ze złego skarbu wynosi *rzeczy złe*“. Мы цитируемъ это мѣсто изъ Ев. Вуйка за неимѣніемъ Ев. Чеховича,—но выраженія эти у обоихъ вѣроятно были тождественны.

тера и происхожденія, оказывается: 1) что эти фор. вообще крайне рѣдки какъ въ живыхъ малорусскихъ говорахъ, такъ и въ большинствѣ тѣхъ даже памятниковъ ю.-русской письменности, въ которыхъ онѣ встрѣчаются, отсутствуя при этомъ совсѣмъ въ массѣ другихъ памятниковъ; 2) что онѣ всегда, болѣе или менѣе, искуственнаго характера и 3) что онѣ возникли отчасти подъ вліяніемъ случайныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ (въ родѣ описокъ, ошибокъ, орфографическихъ затрудненій; вліянія риѳмы, размѣра стиховъ или же наконецъ—воздѣйствія сосѣдней польской рѣчи); но, главнымъ образомъ,—являются плодомъ довольно обычной въ языкѣ ложной аналогіи данныхъ формъ и ихъ значеній съ другими формами и ихъ значеніями.

Уже и этого, повидимому, вполнѣ достаточно для того, чтобы, по меньшей мѣрѣ, усомниться въ возможности признать ф. на—*ое*, или ея предполагаемаго предка,—форму на—*оѣ*,—органической и основной для им. п. мн. ч. не только во всемъ малорус. яз., но хотя бы даже въ какомъ нибудь отдѣльномъ его нарѣчіи.

Но противъ подобнаго квалифицированія этой формы безусловно высказываются также всѣ данныя исторіи и современнаго состоянія какъ малорусскаго, такъ и всѣхъ родственныхъ ему языковъ. Эти данныя категорически свидѣтельствуютъ, что основными формами для им. п. мн. ч. и, для замѣнившаго его въ млр. языкѣ,—вин. п. мн. ч., какъ въ этомъ послѣднемъ языкѣ, такъ и въ родственныхъ съ нимъ языкахъ,—были формы совсѣмъ инаго типа и происхожденія.—Но такъ какъ г. Крымскій говоритъ въ своей замѣткѣ только о формѣ одного *им. пад. мн. ч.* въ млр. языкѣ, упуская изъ виду, что древн. ѳѳ. его исчезли цѣликомъ въ этомъ яз., уступивъ мѣсто ѳѳ. вин. падежа мн. ч., то мы должны прежде всего констатировать это явленіе въ нашемъ языкѣ, какъ фактъ неоспоримый.

Мы имѣли уже не разъ случай указывать на этотъ фактъ выше. Теперь формулируемъ наши замѣчанія опредѣленнѣе, а именно:—что въ современномъ млр. языкѣ им. и вин. падежи мн. числа смѣшались и представляютъ въ звуковомъ отношеніи тождественныя и общія для всѣхъ родовъ формы, возникшія

скорѣе всего изъ древн. фор. вин. пад. мн. ч. м. р.,—искони тождественной съ общей формой им.—вин. пад. мн. ч. ж. р.—Эти общія и тождественныя фф. являются и въ полномъ (нѣкогда членномъ), и въ усѣченномъ (стянутомъ) видѣ—безразлично, и такъ-же безразлично употребляются обѣ, какъ въ аттрибутивномъ, такъ и въ предикативномъ значеніи. Все сказанное нами относится главнымъ образомъ къ украинскому нарѣчію и не составляетъ вовсе новости въ нашей филологической литературѣ. Ср. примѣры: мы маемо остр*ії*, vel—остр*ї*—ножі, id.—коси, id.—долота (вин. п. аттриб.); наші остр*ії*, vel. остр*і* ножі, коси, долота—здатн*і* vel здатн*ії* до роботи (имен. пад. предикатив.); или же: у нас ножі, id.—коси, id.—долота—аж надто остр*і*, vel—остр*ії* (им. п. пред.) Говорится иногда также: ножі, коси, долота—були остр*і* или остр*ії*, та стали вже туп*і* или туп*ії* (вин. п. предикат.), но чаще говорится—*тупими*. Однако такое полное отождествленіе формъ данныхъ падежей, въ разныхъ значеніяхъ, не имѣло мѣста въ древнѣйшемъ состояніи нашего языка.

Только средній и женскій родъ именъ прилагательныхъ и мѣстоимѣній уже искони имѣли каждый для своихъ именит. и винительныхъ падежей мн. ч. общія формы во всѣхъ славянскихъ языкахъ: на—*a*—*ja*,—*ja*—*ja* для ср. р. и на—*y*—*ję* или—*y*—*jě*;—*ję*—*ję* или—*jě*—*jě* для ж. р.,—восходящія къ основнымъ для нихъ аріо-европейскимъ фф. на—*ā*—*jā*,—*jā*—*jā* и—*āns*—*jāns*,—*jāns*—*jāns*. Этимъ общеславянскимъ формамъ въ др.-рус. яз. правильно соотвѣтствовали столь же общія для обоихъ падежей фф. на—*а*—*я*,—*я*—*я* и на—*ы*—*ѣ*,—*ѣ*—*ѣ*. Имена же мужескаго рода, какъ въ общеславянскомъ, такъ и въ общерусскомъ языкахъ различали эти падежи въ формальномъ отношеніи: *им.* пад. мн. ч. оканчивался у нихъ на—*і*—*ji*,—*ji*—*ji* (=основн. аріо-евр. фф.—*ai*—*jai*,—*jai*—*jai*), а *вин.* пад. мн. ч. представлялъ два діалектическіе варіанта: въ церк.-слав. и, вѣроятно, въ обще-южно-славянскомъ яз. онъ оканчивался на—*y*—*ję* и *ję*—*ję*; а въ обще-русскомъ и, вѣроятно, въ обще-западнославянскомъ на—*y*—*jě* и—*jě*—*jě*: (=основн. аріо-европ. фф.—*ans*—*jans* и—*jans*—*jans*); при чемъ искони уже фор. *вин.*

пад. м. р. совпадали съ фор. *им.—вин.* пад. ж. р.—Такими же общими для этихъ падежей (для *вин. п. м. р.* и *им.—вин. п. ж. р.* мн. ч.) формами—были въ др.-рус. яз. фф. на—*ыѣ*, —*ѣѣ*, при им. мн. м. р. на—*іи*.

Благодаря, должно быть, главнымъ образомъ указаннымъ исконнымъ совпаденіямъ этихъ падежей, уже въ древнюю эпоху—въ общерускомъ и обще-южно-русскомъ языкахъ видимъ случаи смѣшенія формъ им. и вин. пп. мн. ч. м. р., и случаи употребленія формъ вин. пад. мн. ч. м. р. въ знач. им. п. мн. ч. того же рода; напр. въ Архангельск. Ев. 1092 г.: старьци людьск*ыи* (177)[1]) (вм. людьсц*іи*); въ кормчей XII ст. страньск*ыи* попове (177) (вм. страньсц*іи*), въ Рязанской кормчей 1284 г. ин*ыѣ* денье (180) (гдѣ *и* м. б. им. п.+*ѣ* вм. *ѣ*—вин. п.), ѣфиопьск*ыѣ* образи (179), (гдѣ—*ыѣ* изъ—*ыѣ*—вин. п.), фарисѣи сказаеми отълучен*ы* (178) (*ы* вин. вм. *и* им. п.); въ Ев. 1317 г.: гроби полн*ы* суть (178); въ Лаврент. спискѣ Кіевс. лѣтописи 1377 г.: придоша рязиньск*ыѣ* князи (178), и др.—При чемъ встрѣчаются рядомъ также фф. им. п. въ значеніи вин., напр., въ Рязанск. кормч. 1284 г.: на чюж*іи* домы (вм.—*ѣѣ*); образи черн*іи* въ багран*іи* преложивъ (вм. *ы*) (179).—Къ столь же отдаленному времени относятся и случаи смѣшенія родовыхъ окончаній им. и вин. п. мн. ч. Ср., напр., употребленіе окончанія м. р. вм. оконч. ж. и ср. рр. въ Рязанск. кормч. 1284 г.: сущ*іи* (вм.—*ѣѣ*) въ ніхъ дьяконисы причтен*и* (вм.—*ы*) будуть (190); въ Мстижскомъ Ев. XIV в.: знаменья.... не суть писан*ы* (вм.—*а*) (191) и проч.

Постепенному отождествленію им. пад. мн. ч. м. р. съ винительнымъ того-же ч. и р. въ ю.-русскомъ яз., можетъ быть, способствовали также и фонетическія превращенія въ этомъ языкѣ, а именно: а) довольно раннее отвердѣніе въ немъ *и* (i) и смѣшеніи его съ *ы*, случаи чего восходятъ къ XII в.; такъ

---

[1]) Примѣры беремъ изъ книги проф. А. И. Соболевскаго „Лекціи по ист. рус. яз". Изд. 2. Страницы обозначаемъ въ текстѣ въ скобкахъ. Цитируемые памятники—или подлинники ю.-русскаго происхожденія, или с.-русскіе списки изъ ю.-рус. подлинниковъ. Къ послѣднимъ относятся: кормчая XII ст. (предположительно), Рязанская Кормчая и Лаврентіевскій списокъ лѣтописи.

напр. уже въ Добриловомъ Ев. 1164 г. стрѣчаются: просыти, съвѣтьныкъ; съ XIV ст. эти случаи становятся гораздо чаще, при чемъ *ы* и *и* начинаютъ взаимно замѣнять вругъ друга, напр., въ Поликарповомъ Ев. 1307 г.: о назарянынѣ, седмыжды; въ Луцкомъ Ев. XIV в.: съ нымь; въ галицкихъ грамотахъ XIV—XV ст.: синъ, съ болоти (Соб. 74) и т. п. и б) еще болѣе ранній переходъ *ѣ* въ *і*, случаи коего встрѣчаются уже въ Изб. Свят. 1073 г., на ряду съ *ѣ* и съ *іе*, *е* (изъ *ѣ*): исцили, въразумиииіе.—и также: исцѣли, верую, гнієвъ; отсюда, можетъ быть, также *и* (*і*) въ ффъ. вин. мн.—ыи,—ии изъ—ыѣ,—ыѣ (а послѣ шипящихъ—иѣ),—и отождествленіе такого *и* (изъ *ѣ*) съ *и* изъ *јі* въ формахъ им. п. мн. ч. м. р. на—ии=и—јии.—Такимъ образомъ возможно допустить, что въ ю.-рус. яз. им. мн. ч. на—*ыи* (=*ыѣ*) не только заимствовалъ свою форму непосредственно изъ винит. пад., но можетъ быть образовался отчасти также и фонетическимъ путемъ, посредствомъ перехода въ собственной его ф. на—*ијии*—перваго *и* въ *ы* а втораго *јии* въ *ѣ*=*ї*, *іе* или *е*.

Въ настоящее время полное отождествленіе им. п. мн. ч. съ винит., въ общей формѣ для всѣхъ родовъ, раздѣляетъ съ малорусскимъ нарѣчіемъ нарѣчіе нижнелужицкое (въ коемъ современныя окончанія—*е*, *је* могли правильно образоваться лишь изъ стяженія основныхъ ффъ.—*у*—*јѣ*, *јѣ*—*јѣ*)[1] да еще болгарское, у котораго общія ффъ. на—*и*—*те*. Въ живыхъ говорахъ сѣверно-русскихъ нарѣчій наблюдаются также разнообразные варіанты *смѣшанныхъ* ффъ. им. и вин. пп. мн. ч. для разныхъ родовъ,—вѣроятно уже болѣе фонетическаго происхожденія, каковы: на—*ые*,—*ыя*,—*ыи*;—*іе*,—*ія*,—*іи*,—съ произвольнымъ употребленіемъ ихъ.—Въ другихъ же славянскихъ нарѣчіяхъ совершенно слились лишь ффъ. им.—вин. ж. и ср. рр. съ вин. м. р., образуя общія стяженныя ффъ.: въ словинскомъ яз. на—*е*,—*је* (вм. основн. *у*—*јѣ*, *јѣ*—*јѣ*), въ словацкомъ на—

[1]) Вообще *полныя* формы сохранились лишь въ русскихъ нарѣчіяхъ, которыя сходятся въ этомъ съ ц.-слав. языкомъ; въ остальныхъ же слав. нарѣчіяхъ изъ нихъ являются лишь однѣ *стяженныя* ффъ. уже въ первыхъ памятникахъ ихъ письменности.

é,—*ie*; въ польскомъ—*e*, *'e* (ie) и въ верхне-лужицкомъ—*e*,—j*e*, (вм. основныхъ *y*—jě, jě—jě) [1]); но и въ этихъ нарѣчіяхъ, въ однихъ чаще, въ другихъ рѣже,—употребляются также иногда данныя фф. и въ значеніи им. п. мн. ч. м. р.; такъ напр., въ польскомъ нарѣчіи говорится уже иногда въ значеніи им. п. biał*e* anioł*y* вм. старопольскаго biel*i* anieli; формы же, въ родѣ biał*e* konie и т. п. вполнѣ обычны.—Формъ же им. или винит. пад. мн. ч., аналогичныхъ съ случайной формой въ малорусскихъ памятникахъ на—*oje*, не знаетъ ни одно изъ славянскихъ нарѣчій. Такія же напр. фф. какъ польская на—*e* въ biał*e*, представляютъ лишь фактъ тоже случайнаго совпаденія, по законамъ польской фонетики, въ общемъ гласномъ стяженій, получаемыхъ изъ двухъ разныхъ звуковыхъ комплексовъ: первоначальнаго—*y*jě [2]) (въ ф. вин. пад. мн. ч.) и—*eje* изъ *ъje* (или изъ—*oje*—путемъ регрессивной ассимилляціи *o* въ *e*—въ ф. им. п. ед. ч. ср. р.). Не рѣдко встрѣчаемыя въ разныхъ чешскихъ говорахъ фф. на—*y*,—ý вм.—*é* [3])—можетъ быть также представляютъ слѣдъ происхожденія послѣдняго изъ первоначальнаго—*y*j*e*.

Всѣ эти данныя, полагаемъ, въ совершенно достаточной степени уясняютъ исторію образованія современныхъ малорусскихъ фф. им.—вин. пад. мн. ч. для всѣхъ родовъ на—*ыє*, *ыї*;—*єє*,—*єї*, *її* (напр. въ син*єє*, син*єї*, син*іі*,—изъ син*ѣѣ*) и на *ы*; *є*, *ї*, господствующихъ въ *сѣверныхъ* (полѣшскихъ) говорахъ, но встрѣчающихся изрѣдка также, какъ мы видѣли, и въ *южныхъ* (галицко-украинскихъ), указывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и на органическій источникъ ихъ происхожденія. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и галицко-украинскія формы на—*іі*,—*і* (=*ъіjі*, *ъі*) того же происхожденія и возникли также изъ первоначальной ф. на—*ыѣ* (при—*її*,—*ї* изъ—*ѣѣ*). Появленіемъ же своимъ въ такомъ видѣ онѣ, несомнѣнно, обязаны закону регрессивной ассимилляціи сходныхъ сосѣднихъ звуковъ, а именно,

---

[1]) Только въ чешскомъ и сербскомъ яз. осталась ф. им.—вин. мн. ч. ср. р. на—*á* и *ā*.

[2]) Ср. др.—польск: wy mił*ye* maciory (грам. Малэцкаго, стр. 112), хотя это можетъ быть и орфографическая описка.

[3]) См. Шемберы „Základové Dialektologie Československé“ стр. 94 и далѣе.

въ данномъ случаѣ, зв. *ы* съ слѣдующимъ *ї* (изъ *ѣ*), откуда—*ії* съ первымъ *і* (=*ъі*), не смягчающимъ предыдущей согласной. Затѣмъ этотъ комплексъ можетъ оставаться или стягиваться, по ироизволу, въ одно *і* (=*ъі*), которое затѣмъ, въ силу дальнѣйшаго дѣйствія упомянутаго закона ассимилляціи, въ нѣкоторыхъ говорахъ звучитъ уже и какъ *ї* смягчающее пред. согл. Историческій ходъ этого процесса, былъ такой: бѣлы*ѣ*=біл*ыї*=біл*ъїї*=біл*її*; біл*ы* и біл*ъі*, біл*ъі* и біл*ї*.

Какъ извѣстно, фонетическіе законы ассимилляціи и стяженія совсѣмъ не рѣдкость во всѣхъ славянскихъ языкахъ, при чемъ, въ группахъ южной и чешско-словацкой, нарѣчія, различающія количество гласныхъ, представляютъ ту особенность, что въ нихъ стяженія вокальныхъ комплексовъ оставляютъ по себѣ слѣдъ, въ видѣ долготы получаемой изъ стяженія гласной.

Что фонетическій процессъ стяженія, преимущественно въ концѣ словъ, рядомъ стоящихъ гласныхъ, не рѣдкость и въ млр. нар., въ особенности въ галицко-укр. говорахъ, объ этомъ могутъ свидѣтельствовать хотя бы такія данныя, какъ напр. весьма обычныя стяженія:—*ая* въ *а*: добр*а* изъ добр*ая*; *ую* въ *у*: добр*у* изъ добр*ую*; — *о*,—*оё*, гдѣ *о* корневое,—въ *о*: мого и пр. изъ м*оj*-его, м*оj*-ого, м*о*му и пр. изъ моj-ему и пр. (по аналогіи также съ т*о*-го, біл*о*-го; т*о*-му, біл*о*-му);—*оє*,—гдѣ *о* суффиксальное, или хотя и корневое, но вслѣдствіе ассимилляціи съ слѣдующими *е* суффиксальнымъ, а также—по соотвѣтственнымъ аналогіямъ,—перешло въ *е* и затѣмъ получился комплексъ—*еє*, стянулось вь одно *е*: біл*е* изъ біл*еє*, а это изъ біл*оє*; въ м*е*ї, м*е*ю, изъ м*оє*і, м*оє*ю — тѣмъ же путемъ и по анологіи съ с*е*і, с*е*ю (такъ же, какъ и по аналогіи съ послѣднимъ: т*е*і, т*е*ю вм. т*о*і, т*о*го, а также, можетъ быть, и такія фор. какъ полѣшскія бѣл*еѣ*, бѣл*е*го и пр.).

Но въ ю.-рус. яз., рядомъ со стяженіемъ, путемъ разныхъ аналогій, напр., съ фф. м*оє*го, м*оє*му и т. п., развились также и *растяженія* вокальныхъ окончаній, образующія комплексы *ое*, *ее* вм. *о*, *е*, какъ, напр., въ т*ое*го, т*ое*му, т*ое*і, т*оі*й, даже иногда т*оі*м (*і* изъ *jê*); с*ее*ю, с*ее*му и пр., также вс*ее*го и проч.; при чемъ, какъ мы видѣли, эти формы, путемъ ассимилляціи и аналогіи, могутъ переходить въ

фор. тєі, тею.—Наконецъ, фф. тоєго, тоєму, тоєі, сеєго, сеєму, сеєі и т. п., по аналогіи съ тій—тіїй, сій—сіїй; тім—тіїм, сім—сіїм, а также фф. въ родѣ білій, билім, синій, синім, и т. п., образовали изъ себя: тієго, тієму, тієї, сієго, сієму, сією, а также стяженныя изъ нихъ фф. тії (род. ед. ж. р.) тію (тв. ед.) и др.

Такое именно происхожденіе всѣхъ указанныхъ формъ—несомнѣнно, ибо оно находится въ полномъ согласіи съ другими данными языка и его фонетическими и морфологическими законами.—Предлагаемое же г. Крымскимъ объясненіе этихъ формъ непосредственнымъ переходомъ въ нихъ *о* въ *і*, на подобіе соотвѣтственнаго „перехода“ въ такихъ случаяхъ, какъ лій, дійка, и т. п., не можетъ быть принято уже потому, что, какъ извѣстно, такого рода „переходы“ возможны были только въ образовавшихся на почвѣ малорус. яз., вслѣдствіе паденія глухихъ и перехода *и* въ *й*, закрытыхъ слогахъ или иногда и въ открытыхъ, но только передъ суффиксальными *о*, *е*, изъ ъ, ь,—каковыхъ условій въ данныхъ формахъ мѣстоименій не имѣется.—По тѣмъ же причинамъ не выдерживаетъ также критики и дѣлаемое г. Крымскимъ сопоставленіе приведенныхъ фф. съ случайными формами им. вин. мн. ч. на—*ое*, для объясненія предполагаемаго имъ появленія въ послѣднихъ, тѣмъ же путемъ, *і* изъ *о*, сохранившаго будто-бы поэтому, какъ и въ другихъ случаяхъ такого своего происхожденія, особенный характеръ, не вызывающій смягченія предыдущей согласной. Такого „перехода“ во всѣхъ этихъ случаяхъ фонетическимъ путемъ, какъ мы уже замѣтили, не могло быть, а тамъ, гдѣ могло появиться таковое *і* (ъі), фонетическимъ или нефонетическимъ путемъ, оно получило такой характеръ по одной общей причинѣ иного рода.

И въ галицко-укр. фф. им.—вин. п. мн. ч. на *іі*,—*і*, и въ приведенныхъ формахъ мѣстоимѣній, въ родѣ тієі, и т. п., гдѣ *і* явилось на мѣстѣ *ы* и *о* нефонетическимъ путемъ, точно также какъ и въ другого рода случаяхъ, напр. въ лій. дійка, или въ діброва, гдѣ *і* стоитъ на мѣстѣ *ô* и *у*, и могло получиться изъ нихъ при условіяхъ фонетическаго закона, но также не непосредственно,—всѣ эти *і* потому сходны по своей природѣ и не смягчаютъ предыдущей согласной, что они явились на

мѣстѣ твердыхъ гласныхъ *ы*, *о*, *у*. Точно также, какъ въ ффъ. *сїї*, *синїї*, (им. мн.) *сїїй*, *синїїй*, (дат.—мѣстн. ед.) оба *ї* потому мягки, что первое возникло изъ *ѣ*, а послѣднее изъ мягкаго *ѣ̂*—*ѣ̂* (=вторичному *ѣ*), передъ которыми согласные искони были мягки.

Что же касается высказываемаго г. Крымскимъ недоумѣнія, почему и на основаніи какихъ фонетическихъ законовъ въ млр. яз. звуковой комплексъ *ыји* могъ стянуться, и при томъ, именно въ *и* (какое?=*ы* или *ґі*?),—а не во что нибудь иное,—въ одномъ только суффиксѣ мн. ч. прилагат., оставаясь не стянутымъ въ другихъ случаяхъ, напр. въ такихъ, какъ *помы-ји*, *шы-ји* и т. п. то здѣсь не понятна для насъ самая постановка этаго вопроса. Во первыхъ, и самыя-то паралелли здѣсь не подходящія: *ы* (изъ *ъ*+*ј*) въ *помыји* и *ы* (изъ *и*=*ъ*+*ј*) въ *шыји*, принадлежатъ корнямъ словъ, а *ы*, напр. въ *зл-ыји*—принадлежитъ суффиксу, и тѣсно связано съ послѣдующимъ *ји*, что далеко не одно и то же для одинаковаго воздѣйствія закона стяженія на комплексы *ыји* съ такими разными *ы*, ибо дѣйствіе этаго закона далеко не безусловно и не всеобще въ языкѣ, а, во вторыхъ, и самъ авторъ признаетъ возможность стяженія *ыји* въ *ы* въ такихъ напр. случаяхъ какъ *злыји* въ *злы*; что же ему мѣшало допустить точно такую же возможность стяженія совершенно аналогичнаго комплекса *ґіјі* въ *ґі*?

И такъ, приведенные нами доводы противъ положеній г. Крымскаго съ достаточною, полагаемъ, ясностію показали всю несостоятельность этихъ положеній. Насъ можно развѣ упрекнуть лишь въ томъ, что мы вдались въ слишкомъ ужъ, можетъ быть, детальный разборъ ихъ. И мы готовы повиниться въ этомъ. Но насъ обязывали къ этому какъ имя автора этихъ положеній, пріобрѣтшее уже себѣ извѣстность въ филологической литературѣ, такъ и тотъ категорическій и непререкаемый тонъ, въ какомъ высказаны имъ данныя положенія. И то, и другое, несомнѣнно, вызовутъ особенное довѣріе въ читающей публикѣ къ этимъ положеніямъ и создадутъ имъ незаслуженную репутацію и успѣхъ въ обиходныхъ понятіяхъ объ особенностяхъ нашего языка, что, по нашему мнѣнію, было бы крайне не желательно по слѣдующимъ особеннымъ причинамъ. Въ области изслѣдо-

ванія млр. языка и его исторіи, не смотря на почтенные труды лучшихъ нашихъ языковѣдовъ, какъ-то вошло ужъ въ обычай довольно легко относиться къ постановкѣ и рѣшенію найболѣе даже существенныхъ о немъ вопросовъ и употреблять при этомъ зачастую пріемы въ высшей степени иногда некритическіе и недисциплированные. Обстоятельство это способствовало надѣленію нашей филологическоей литературы и нашихъ свѣдѣній о родномъ языкѣ не однимъ уже филологическимъ миѳомъ. Отъ этого страннаго, но въ высшей стенени укоренившагося у насъ обычая, какъ и отъ обусловливаемыхъ имъ филологическихъ миѳовъ, пора бы намъ, наконецъ, хоть по немногу освобождаться, чтобы вступить и въ области нашего языковѣдѣнія на тотъ дѣйствительно научный путь изысканій, на который уже вошла наша историческая наука, тоже не отличавшаяся въ былое время особенной критичностію своихъ пріемовъ. А что мы не преувеличиваемъ вовсе той силы, съ какой укоренился въ нашихъ понятіяхъ и взглядахъ упомянутый обычай, объ этомъ можетъ свидѣтельствоватъ хотя бы тотъ фактъ, что ему невольно поддаются даже, какъ въ данномъ случаѣ, и наши филологи-спеціалисты. Только этимъ обстоятельствомъ и можно объяснить себѣ тотъ неожиданный фактъ, что нашъ талантливый молодой ученый такъ легко впалъ въ указанныя нами ошибки. Мы и смотримъ на эти его ошибки, какъ на результатъ случайнаго филологическаго недоразумѣнія, обусловленнаго, можетъ быть, отчасти указаннымъ обычаемъ. Но въ интересахъ науки вообще и въ интересахъ болѣе правильной постановки вопроса объ изученіи нашего роднаго языка, необходимо позаботиться, по мѣрѣ силъ, объ устраненіи столь легкой возможности дѣлаться нашимъ ученымъ жертвами подобныхъ недоразумѣній.

К. Михальчукъ.

Петръ Ивановичъ Нищинскій.

(*Некрологъ*).

4 марта скончался въ м. Воротиловкѣ (Винницкаго уѣзда), въ домѣ своей дочери, Петръ Ивановичъ Нищинскій, талантливый писатель и музыкальный композиторъ. Покойный былъ однимъ изъ выдающихся представителей того исполненнаго дарованій и энергіи типа литературныхъ и общественныхъ дѣятелей, которые въ продолженіи долгаго времени выходили изъ рядовъ духовнаго сословія югозападной Руси и, несмотря на тяжелую житейскую обстановку, прокладывали себѣ путь къ саморазвитію, пріобрѣтенію высшей культуры и полезному труду на пользу родины.

Петръ Ивановичъ Нищинскій родился въ 1832 году въ селѣ Неминкѣ (Липовецкаго уѣзда); былъ сыномъ мѣстнаго псаломщика; на седьмомъ году жизни онъ лишился отца и вмѣстѣ съ тѣмъ вся семья осталась безъ всякихъ средствъ существованія; но мать Петра Ивановича оказалась женщиною не дюжинною, исполненною непреклонной энергіи и сознанія своего долга; продавъ свою бѣдную движимость, она съ двумя сыновьями:—Петромъ и Елисѣемъ (5-ти лѣтъ) отправилась пѣшкомъ въ Кіевъ съ твердымъ намѣреніемъ доставить дѣтямъ образованіе. Не легко было маленькимъ путникамъ прошагать 200 верстъ, и путешествіе ихъ затянулось; когда наконецъ они достигли Кіева, оказалось, что срокъ пріема воспитанниковъ въ бурсу уже миновалъ, и семья очутилась въ чужомъ городѣ безъ пристанища съ перспективою годичнаго ожиданія новаго срока пріема; неудача эта не сразила энергичной женщины: она пріискала себѣ мѣсто кухарки за прокормленіе свое и дѣтей и стала терпѣливо ожидать развязки. Не смотря на нѣжный возрастъ, Петръ Ивановичъ понялъ тяжелое положеніе матери и сдѣлалъ все что могъ для того, чтобы облегчить его; за годъ онъ воспользовался случайною помощью разныхъ доброхотовъ и усвоилъ себѣ превос-

ходно грамоту, вслѣдствіе чего былъ принятъ въ бурсу и помѣщенъ на казенное содержаніе; здѣсь онъ прилежаніемъ снискалъ вниманіе наставниковъ; на одномъ изъ экзаменовъ митрополитъ, присутствовавшій при испытаніи, обратилъ вниманіе на отчетливое и толковое исполненіе мальчикомъ нарисованныхъ имъ географическихъ картъ и поощрилъ его, подаривъ ему послѣ испытанія 2 рубля; эта первая полученная имъ награда осталась памятью Петру Ивановичу на всю жизнь, и карты, подавшія къ ней поводъ, онъ хранилъ до смерти и съ умиленіемъ разсматривалъ этотъ первый трофей своей житейской борьбы. Окончивъ бурсу первымъ ученикомъ своего класса, Петръ Ивановичъ былъ переведенъ въ семинарію, курсъ которой также окончилъ съ успѣхомъ; во время пребыванія въ семинаріи,— П. И. принималъ участіе въ хорахъ: семинарскомъ, академическомъ и митрополичьемъ и пріобрѣлъ репутацію хорошаго пѣвца и человѣка, обладающаго музыкальными дарованіями; эта репутація и повліяла на дальнѣйшее направленіе его жизни: онъ былъ отправленъ въ качествѣ причетника для усиленія церковнаго хора при русской церкви въ Аѳинахъ, гдѣ во главѣ русской миссіи стоялъ въ то время извѣстный своею ученостью гелленистъ, архимандритъ Антонинъ. Подъ руководствомъ этого ученаго, Нищинскій принялся усердно за изученіе эллинизма и вскорѣ успѣхи его были столь значительны, что онъ могъ поступить въ аѳинскій университетъ, который окончилъ въ 1856 году со степенью магистра, защитивъ диссертацію: "περι αιρεσεων και σχισματων τῆς ρωσσικῆς εκκλεσιας" (О грѣсяхъ и расколахъ въ Россійской церкви). Послѣ окончанія университета добрыя отношенія между архимандритомъ Антониномъ и молодымъ магистромъ были нѣсколько нарушены: архимандритъ настаивалъ на томъ, чтобы Нищинскій принялъ священство и былъ недоволенъ его отказомъ, мотивированнымъ отсутствіемъ призванія. Охлажденіе это вызвало отставку Нищинскаго изъ причта миссіи и возвратъ его въ Россію. Въ 1857 году онъ поступилъ преподавателемъ греческаго языка въ С.-Петербургскую семинарію, но уже въ 1860 г. долженъ былъ оставить это мѣсто и переселиться въ Одессу, такъ какъ климатъ Петербурга оказался слишкомъ тяжелымъ для здоровья его жены, уроженки Аѳинъ. Въ Одессѣ Петръ Ивановичъ занимался долго то частными уроками, то литературнымъ трудомъ, пока наконецъ въ 1865 году былъ назначенъ преподавателемъ греческаго языка въ Одесскую 2-ю гимназію. Учительскую должность П. И. Нищинскій занималъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ одесскаго учебнаго округа (въ Одессѣ, Ананьевѣ и Бердянскѣ) въ теченіе 25 лѣтъ. Въ 1890 году онъ вышелъ въ отставку съ пенсіею, которою существовалъ до смерти.

Въ теченіе этого времени Петръ Ивановичъ занимался постоянно литературнымъ трудомъ и составлялъ музыкальныя композиціи, исполненныя таланта и посвященныя разработкѣ народной малороссійской музыки. Мы ограничимся перечнемъ изданныхъ имъ болѣе крупныхъ произведеній, оставивъ въ сторонѣ многочисленныя газетныя статьи, помѣщенныя въ одесскихъ современныхъ изданіяхъ.

Кромѣ диссертаціи, упомянутой выше, П. И. Нищинскимъ напечатаны были на греческомъ языкѣ: 1) Грамматика русскаго языка для греческаго юношества (Одесса 1868) и 2) Переводъ на древне-греческій языкъ „Слова о полку Игоревѣ". Сверхъ того въ теченіе 1861 года онъ издавалъ въ Одессѣ литературно-коммерческій органъ «Ὁ Ἑρμῆς».

На русскомъ языкѣ П. И. Нищинскому принадлежатъ слѣдующія сочиненія 1) «Значеніе Кіева и Украины для славянства и исторія христіанства въ Россіи, рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи славянскаго благотворительнаго общества св. Кирилла и Меѳодія въ 1868 году». (Одесса 1868, Вѣдом. Одесск. град.) 2) Опытъ элементарнаго руководства при изученіи греческаго языка въ гимназіяхъ (Одесса 1870) 3) Историческая записка объ Одесской 2-й гимназіи отъ ея основанія въ 1884 г. по 1882 г. 4) Путеводитель по Константинополю (Одесса 1884) 5) Путеводитель по святой землѣ (Одесса 1848).

Сверхъ того, П. И. Нищинскій составилъ два прекрасные малорусскіе перевода Одиссеи и Ильяды; первый изъ нихъ изданъ былъ во Львовѣ 1885 г., второй не оконченъ авторомъ, который успѣлъ переложить только первыя 12 пѣсней; превосходно также исполненъ имъ стихотворный переводъ на малорусскую рѣчь Софокловой «Антигоны» (Одесса 1883 г.).

Музыкальныя композиціи П. И. Нищинскаго высоко цѣнятся знатоками народной музыки. Важнѣйшія изъ нихъ это музыкальныя воспроизведенія двухъ народныхъ думъ: «Козакъ Софронъ» и «Байда» и оперетка или скорѣе этнографическая музыкальная интермедія «Вечерницы». Кромѣ того, покойнымъ составлено было много другихъ мелкихъ музыкальныхъ произведеній какъ пѣсня «Порада» и т. п., которыя распространялись въ кругу его знакомыхъ, но не были изданы въ печати.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Время написанія Шевченкомъ картины „Катерина“. Въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины» приложенъ снимокъ съ картины Шевченка «Катерина», писанной масляными красками и въ замѣткѣ къ этому снимку редакція присовокупила, что «повидимому картина была написана вслѣдъ затѣмъ, какъ создавалась поэма, во всякомъ же случаѣ она относится къ раннему періоду его художественной дѣятельности».

Въ настоящее время редакція получила дополнительныя указанія по этому поводу отъ г. Конисскаго, который говоритъ, что есть полная возможность точнѣе опредѣлить время написанія картины. Поэма «Катерина» написана Шевченкомъ, какъ извѣстно, въ 1838 г. Картина же на сюжетъ поэмы написана художникомъ *лѣтомъ 1842 г.*, слѣдовательно, спустя почти *четыре* года послѣ написанія поэмы. Четыре года въ жизни художника, да еще въ жизни столь трагичной, какъ жизнь Шевченка, много значитъ. Картину эту Шевченко написалъ въ Петербургѣ, находясь еще въ академіи художествъ. Вотъ что писалъ онъ о ней Григ. Степ. Тарновскому въ письмѣ 25 января 1843 г. «Нарисовалъ я въ это лѣто двѣ картины, думалъ что вы пріѣдете. Картины видите ли наши, потому я ихъ и не показывалъ великороссамъ; но Скобелевъ таки узналъ и одну изъ нихъ взялъ; другая же у меня и эта уже не сбѣжитъ... потому что это моя *Катерина*. Я хотѣлъ послать ее къ вамъ; а каковая ей цѣна то это ужъ ваше дѣло, хотя бы и кусокъ сала, такъ и хорошо на чужбинѣ. Я нарисовалъ Катерину въ тотъ моментъ, когда она попрощалась съ своимъ москаликомъ и возвращается въ деревню. При въѣздѣ («у царини») возлѣ будки («підъ куренемъ») сидитъ старикъ («дидусь»), ложечки обдѣлываетъ и уныло смотритъ на Катерину: а она, сердечная, едва не пла-

четъ, поднимая красный передникъ, потому что, знаете, немного ужъ... того... *А москаль* удираетъ себѣ, только собаченка догоняетъ его, и какъ будто, лаетъ на него. Съ одной стороны курганъ, на курганѣ вѣтряная мельница, а тамъ ужъ степь только... Такова то моя Катерина! Если понравится вамъ—хорошо, а нѣтъ—на чердакъ ее, пока я пріѣду»...

Эта выписка и объясняетъ намъ не только время написанія картины, но и драгоцѣнное содержаніе ея.

Договоръ прихожанъ съ причтомъ о замѣнѣ платы за требоисполненіе опредѣленнымъ жалованьемъ, 1834 г. На страницахъ «Кіевской Старины», за разные годы, было напечатано нѣсколько договоровъ прихожанъ съ священниками объ установленіи опредѣленныхъ платъ за требоисполненіе; всѣ эти договоры относились къ перв. пол. XVIII в. Нѣсколько такихъ же договоровъ было напечатано и въ полтавской газетѣ «Земскій обзоръ» за 1883 г. (№ 6). Договоры эти указываютъ на стремленіе прихожанъ установить такія отношенія къ своему священнику, которыя бы обезпечивали обѣ стороны отъ пререканій и дрязгъ... Историкъ «приходскаго духовенства въ Россіи» [1]) говоритъ, что такіе договоры встрѣчаются лишь въ одномъ югозападномъ краѣ, а въ великорусскихъ епархіяхъ такіе «контракты» неизвѣстны (стр. 673—676). Повидимому, такіе договоры могли появляться въ Малороссіи лишь при существованіи права выбора священниковъ прихожанами. Приглашая священника въ свою церковь, прихожане имѣли возможность ставить ему условія относительно платы за требы. Но съ паденіемъ выборнаго начала, говоритъ г. Знаменскій, до послѣдней степени сократились и наконецъ вовсе стали уничтожаться такіе договоры духовныхъ лицъ съ прихожанами, служившіе гарантіей для послѣднихъ отъ вымогательствъ... (стр. 686). Паденіе выборнаго начала при замѣщеніи священниковъ началось въ Малороссіи съ к. XVIII в. Кіевскій митрополитъ Арсеній Могилянскій въ 1768 г. доносилъ св. синоду, что прихожане и владѣльцы (маетностей) съ крикомъ и бранью изгоняютъ священниковъ, кото-

---

[1]) Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра. Сочиненіе П. Знаменскаго. Казань. 1873. 8° (Отдѣльные оттиски изъ Правосл. Собесѣдн. 1871—1872 г.г.).

рыхъ онъ назначалъ въ приходы отъ себя, минуя кандидатовъ, избранныхъ прихожанами, по ихъ негодности къ священному сану. Послѣдующіе митрополиты—Гавріилъ Кременецкій и Самуилъ Мисловскій «начали вводить въ Малороссіи всѣ великорусскіе порядки, доселѣ имѣвшіе здѣсь силу только отрывочно и по частямъ» (Знаменск., 65). А вмѣстѣ съ этими порядками прекратилась и возможность договоровъ съ священниками о размѣрѣ платы за требы... Съ к. XVIII в. такихъ договоровъ болѣе не встрѣчается.—Но въ нач. XIX в. встрѣчаются попытки замѣнить плату за требоисполненіе—опредѣленнымъ причту жалованьемъ. Такъ, въ 1806 г, извѣстный дѣятель Слободской Украины Каразинъ въ своемъ с. Крутикѣ (Богодух. у.), въ силу взаимнаго договора съ причтомъ, обязался при даровой квартирѣ съ отопленіемъ и прислугой, ежегодно—по третямъ—платить ему извѣстную сумму денегъ, увеличивая ее по мѣрѣ возвышенія цѣнъ на жизненныя потребности. Причтъ съ своей стороны обязался не брать съ прихожанъ платы за требы и не заниматься хлѣбопашествомъ; церковная земля поступала къ Каразину въ аренду и т. д. [1]). Договоръ Каразина представленъ былъ св. синоду и имъ утвержденъ. Договоръ этотъ показываетъ, что традиція — объ установленіи правильныхъ отношеній между причтомъ и прихожанами,—продолжала существовать... Такой же договоръ прихожанъ съ причтомъ встрѣтили мы и въ Черниговской губерніи, заключенный въ 1834 г. въ с. Сварковѣ, глуховскаго уѣзда, причемъ договоръ этотъ явился при наличности такихъ обстоятельствъ: сварковскій священникъ Трофимъ Муравскій достигнувъ такой старости, при которой служеніе на приходѣ стало ему уже не по силамъ, пожелалъ передать приходъ сыну, который въ это время уже былъ діакономъ той же сварковской церкви; вслѣдствіе этого Муравскій - сынъ начинаетъ «искать» отцовскаго прихода; разумѣется, приходъ этотъ Муравскому могъ быть данъ лишь властію мѣстнаго архіерея, но предстательство мѣстнаго помѣщика всегда играло въ такихъ случаяхъ немалое значеніе; сварковскимъ же помѣщикомъ въ это время былъ Александръ Михайловичъ Маркевичъ, тогдашній *черниговскій губернскій предводитель дворянства*... Нѣтъ сомнѣнія, что голосъ такого помѣщика имѣлъ у властей особое значеніе. Тѣмъ болѣе, значитъ, было основанія у Муравскаго - сына обратиться къ такому помѣщику за предстательствомъ. Но этотъ помѣ-

[1]) См. книгу протоіерея Лащенкова—*Христофоръ, первый еписк. Слободско-Украинскій и Харьковскій*, стр. 191.

щикъ былъ человѣкъ совсѣмъ особый, мало походившій на сосѣдей. А. М. Маркевичъ (р. 1790+1865) былъ до нѣкоторой степени идеалистомъ, хлопотавшимъ, напр., объ освобожденіи своихъ крѣпостныхъ крестьянъ гораздо раньше 1861 г... Кромѣ того, это былъ человѣкъ хорошо знакомый съ исторіей своей родины; онъ зналъ, по живому преданію, прежніе порядки мѣстной общественной жизни, зналъ и о тѣхъ договорахъ прихожанъ съ причтомъ, которые обезпечивали первыхъ отъ вымогательствъ послѣдняго. Повидимому, на просьбу Муравскаго-сына о предстательствѣ предъ черниговскимъ архіереемъ Марковичъ *воспользовался случаемъ* и предложилъ «ищущему» заключить съ будущими прихожанами такой договоръ, который бы обезпечивалъ послѣднихъ отъ произвола, при чемъ за требоисполненіе Муравскому было предложено *опредѣленное жалованье*. «Ищущій» не могъ не согласиться на такое условіе, послѣдствіемъ чего и явился приводимый здѣсь договоръ причта (включены были въ договоръ дьячекъ и пономарь) съ приходомъ, причемъ исправную выдачу предназначеннаго жалованья причту принялъ на себя Марковичъ. При подписаніи договора представителями прихода явились сварковскіе—помѣщикъ и нѣсколько козаковъ. Крѣпостные крестьяне никакихъ юридическихъ правъ не имѣли и потому въ числѣ прихожанъ состояли лишь фактически. Вотъ при наличности какихъ *особыхъ* обстоятельствъ явился этотъ рѣдкій юридическій документъ, который засимъ приводится въ точной копіи съ подлинника.

1834 года февраля 14 дня. Мы нижеподписавшіеся, прихожане села Сваркова, Глуховскаго уѣзда, діаконъ церкви Святониколаевскія сварковскія Николай Муравскій, ищущій, по старости лѣтъ своего родителя, іерея и священно-намѣстника Трофима Муравскаго, мѣсто священника при оной церкви, и церковной причтъ учинили сіе между нами добровольное условіе. Мы, прихожане, желая, во первыхъ, обезпечить положеніе священника села нашего, избавить его отъ излишнихъ заботъ о житейскихъ его нуждахъ и отстранить непосредственную плату за совершеніе таинствъ вѣры, при которыхъ доселѣ назначаемы были доходы священно и церковно-служителямъ, положили: 1) таинства вѣры: крещеніе, исповѣданіе во время постовъ и исповѣданіе съ напутствованіемъ больныхъ, бракъ (хотя бы женихъ былъ и изъ чужого села) должны совершаемы быть священникомъ Святониколаевскія сварковскія церкви безмездно, то есть безъ всякія платы деньгами или инымъ чѣмъ бы то ни было, для всѣхъ прихожанъ села Сваркова, и священникъ не только не долженъ за совершеніе оныхъ ни-

чего-требовать, но даже если бы кто и добровольно согласенъ былъ что дать, не долженъ принимать изъ уваженія къ святости. 2) Сіе самое положеніе распространяется и на чины погребенія и на хожденіе со крестомъ и святой водой во время празднина крещенія Господа нашего Іисуса Христа, которыя также должны совершаемы быть безмездно. 3) Дьячекъ и пономарь, при совершеніи священникомъ таинствъ вѣры, чина погребенія и хожденія со крестомъ и святою водою, тоже не получаютъ никакой платы или дохода. Впрочемъ добровольныя вспомоществованія въ нуждахъ священника или церковнаго причта, или добровольныя приношенія во всѣхъ другихъ случаяхъ, никому не воспрещаются. 4) Всѣ прочія отправы, какъ то: молебствія, акафисты, панихиды послѣ погребенія, сорокоусты, особыя молитвы, при литургіи совершаемыя, евангелія, при погребеніяхъ читаемыя, и водоосвященія въ домахъ, поелику все сіе зависитъ отъ воли желающаго, то вознагражденіе за трудъ священника и церковнаго причта предоставляется обоюдному согласію ихъ и прихожанъ. Сіи отправы должны быть добровольныя, а не налагаемыя, ибо въ противномъ случаѣ не могутъ уже оныя быть благоугодными Богу. 5) Чтеніе разрѣшительной молитвы въ окончаніи постовъ должно происходить не въ домахъ прихожанъ, но въ церкви въ тѣ дни, когда наиболѣе собираются христіане для молитвы. 6) Ружная земля, если при измѣреніи окажется, что оная въ указанномъ количествѣ десятинъ, на основаніи постановленій должна раздѣлена быть между священникомъ, дьячкомъ и пономаремъ (буде они штатные), ибо дьякона при церкви сварковской не положено, а единственно изъ уваженія къ старости нынѣшняго священника, мы, по просьбѣ его, согласились онаго имѣть. 7) Священникъ Святониколаевскія церкви получаетъ отъ насъ прихожанъ ежегодно—по триста рублей, дьячекъ тридцать рублей, а пономарь—дваццать рублей монетою по курсу. Деньги сіи всякій изъ нихъ получаетъ за треть года впередъ. За вѣрность полученія ими сихъ денегъ въ назначенное время, беру я, помѣщикъ Марковичъ, отвѣтственность на себя, и при наступленіи сроковъ каждый изъ нихъ можетъ получить слѣдующее ему изъ сварковской экономической конторы, хотя бы сборъ для сей потребности съ прихожанъ, *производимый не иначе, какъ добровольными даяніями*, и не составлялъ опредѣленной суммы. Сверхъ того дьячку остается право получать за чтеніе псалтыря надъ покойниками, а пономарю за позвонье. 8) Буде бы, сверхъ чаянія, открылось, что священникъ или кто изъ причта нарушилъ бы сіе условіе, хотя въ самой малой она-

го части, то мы прихожане имѣемъ право тогда приносить на нарушителя жалобу и просить о перемѣнѣ его другимъ священно-или церковно-служителемъ, который бы на сіе условіе былъ согласенъ. 9) Само собою разумѣется, что за утвержденіемъ меня діакона въ санѣ священника, родитель мой не получаетъ уже съ прихожанъ никакого дохода. 10) За симъ мы всѣ обязываемся исполнять въ точности взаимныя другъ ко другу обязанности, предписанныя намъ святою вѣрою, научающею пресвитерей быть кроткими, немздоимными, готовыми помогать и утѣшать молитвой и наставленіемъ, а духовныхъ дѣтей ихъ уважать и почитать ихъ, яко своихъ богомольцевъ, и быть признательными за труды и христіанскіе ихъ подвиги. Къ сему условію подписался Черниговской губерніи предводитель дворянства коллежскій ассесоръ Александръ Михайловичъ сынъ Марковичъ. Къ сему условію села Сваркова Свято-Николаевской церкви діаконъ Николай Трофимовичъ сынъ Муравскій подписался. Къ сему условію Святониколаевской церкви стихарный дьячекъ Іоаннъ Обуховскій подписался. Пономарь Андрей Гребенниковъ, а за его неграмотнаго, по его просьбѣ руку, приложилъ стихарный дьячокъ Іоаннъ Обуховскій. Къ сему условію подписались прихожане свято-Николаевской сварковской церкви: выборный козачій [1]) Петръ Обуховскій, козаки—Степанъ Новицкій, Федоръ Кондратенко, Кондратъ Обуховскій, Яковъ Лата, Афанасъ Калениченко, Марко Новицкій, Семенъ Лата, Павелъ Шумовъ, а вмѣсто ихъ неграмотныхъ, по ихъ прошенію, и за себя руку приложилъ козакъ Емельянъ Онопрѣевъ.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ—долго ли соблюдался этотъ договоръ, а что онъ осуществлялся, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: А. М. Марковичъ—и по тогдашнему своему общественному положенію и по личному характеру—могъ написать такой договоръ лишь въ полной увѣренности, что онъ будетъ исполненъ обѣими сторонами.

Интересно, что въ послѣднее время конотопское уѣздное земство задумало было замѣнить—въ цѣломъ своемъ уѣздѣ—плату прихожанъ причту за требы опредѣленнымъ денежнымъ жалованьемъ.

Любопытная исторія этого неосуществившагося начинанія была такая. Въ земскомъ собраніи 1876 г., гласный И. В. Исіолъ († 1888 г.) обратилъ вниманіе собранія на ненормальное положеніе

---

[1]) „Выборный козачій"—это прежняя сельская должность у козаковъ, соотвѣтствующая теперешнему сельскому старостѣ.

сельскаго духовенства въ отношеніяхъ его къ прихожанамъ, причемъ причты, получая недостаточное отъ казны жалованье, принуждены извлекать средства къ существованію изъ платы за духовныя требы. Священнику, по сану своему, поставленному наставникомъ и руководителемъ прихожанъ, ежечасно приходится исполненіе своихъ обязанностей соединять съ унизительнымъ торгомъ и т. д. Выслушавъ заявленіе Псіола, собраніе тогда же поручило управѣ составить проектъ вознагражденія причтовъ опредѣленнымъ содержаніемъ за требы, которыя затѣмъ выполнялись бы безвозмездно. Управою тогда же былъ составленъ «проектъ правилъ о вознагражденіи духовенства конотопскаго уѣзда изъ земскихъ суммъ за исполненіе обязательныхъ требъ». Проектъ этотъ предполагалось отпечатать и разослать мѣстнымъ священникамъ, земскимъ гласнымъ и друг. лицамъ для замѣчаній. Но для напечатанія его потребовалось разрѣшеніе губернатора, а послѣдній нашелъ нужнымъ рукопись проекта предварительно представить въ м-во внутр. дѣлъ. М-во, въ свою очередь, вошло въ сношеніе по этому вопросу съ св. синодомъ, который потребовалъ заключенія мѣстнаго архіерея, и предварительный проектъ былъ возвращенъ управѣ только въ февралѣ 1879 г. Напечатавъ проектъ, управа разослала его на заключеніе разнымъ лицамъ, а въ томъ числѣ и черниговскому епископу. Проектъ разработанъ былъ довольно подробно и въ этомъ отношеніи не долженъ быть опущенъ будущимъ историкомъ малорусскаго сельскаго прихода. Мы не будемъ приводить подробностей его содержанія (составляющихъ брошюру въ 17 стр.), а скажемъ лишь, что по проекту приходы были раздѣлены, по количеству прихожанъ, на три разряда, причемъ предполагалось: а) въ приходахъ съ населеніемъ до 1000 душъ, съ однимъ псаломщикомъ, назначить 640 р., священнику — 480 р. и псаломщику—160 р.; б) въ приходахъ съ населеніемъ 1000—1500 д., съ однимъ псаломщикомъ, 680 р., священнику—510 р. а псаломщику—170 р.; в) въ приходахъ съ населеніемъ болѣе 1500 д., съ однимъ псаломщикомъ, 720 р., священнику 540 р., и псаломщику 170 р.; г) въ приходѣ съ населеніемъ 1000—1500 д., съ двумя псаломщиками, 850 р., священнику 510 р. и псаломщикамъ 340 р. и д) въ приходахъ съ населеніемъ болѣе 1500 д., съ двумя псаломщиками, 900 р., священнику 540 р. и псаломщикамъ—360 р.

По разсмотрѣніи проекта сихъ правилъ, черниговское губернское присутствіе по улучшенію быта православнаго духовенства полагало, что ихъ осуществленіе можетъ послѣдовать путемъ заключенія договоровъ земства съ причтами, при чемъ для послѣднихъ не воз-

никаетъ никакихъ новыхъ служебныхъ обязанностей по должности, а въ случаѣ нарушенія договора причтами, послѣдніе подвергаются отвѣтственности лишь въ гражданскомъ порядкѣ, какъ за неисполненіе личныхъ договоровъ. Земство съ этимъ взглядомъ не согласилось, полагая, что новое положеніе, создаваемое для духовенства уѣзда, можетъ быть обезпечено только въ томъ случаѣ, если одновременно съ установленіемъ права причта на полученіе денежнаго содержанія изъ земскихъ суммъ, *послѣдуютъ и соотвѣтствующія измѣненія въ служебныхъ его обязанностяхъ по требоисполненію*. Словомъ, земство желало, чтобы исполненіе правилъ новаго порядка вознагражденія причтовъ было обезпечено закономъ или постановленіемъ надлежащей власти, находя, что заключеніе отдѣльныхъ съ причтами договоровъ и преслѣдованіе за ихъ неисполненіе гражданскимъ порядкомъ—не дало бы земству возможности достигнуть намѣченную имъ цѣль... По этой причинѣ начинаніе конотопскаго земства и не осуществилось...

А. Л.

Къ свѣдѣніямъ о старой малорусской школѣ. Въ 1845 г. была издана, въ Спб., книжка подъ заглавіемъ: «Замѣтки за границею въ 1840 и 1843 годахъ». Кто былъ ея авторъ, скрывшій свое имя подъ буквами — *Ф. П. Л.*, мы не знаемъ, но въ своей книжкѣ онъ закрѣпилъ печатью любопытное свѣдѣніе о старой малорусской школѣ, которое мы здѣсь и приводимъ, въ виду малоизвѣстности указаннаго сочиненія. Разсказывая о заграничныхъ народныхъ школахъ, авторъ «Замѣтокъ» говоритъ: «Всѣ школы строятся и содержатся отъ городовъ и сельскихъ общинъ; въ нѣкоторыхъ городахъ они въ прекрасныхъ зданіяхъ; въ селеніяхъ есть весьма порядочныя, но не въ одномъ еще мѣстѣ они по строенію малымъ чѣмъ лучше тѣхъ, *какія въ старые годы я видывалъ при каждой церкви въ городахъ и селеніяхъ Полтавской, Харьковской, Черниговской, Кіевской и частію Воронежской губерній*». Подъ «старыми годами» здѣсь нужно разумѣть, вѣроятно, начало XIX в., а отъ этого времени никакихъ общихъ описаній Малороссіи, повидимому, не сохранилось, а можетъ быть и вовсе ихъ не было; это обстоятельство заставляетъ дорожить и такими коротенькими свѣдѣніями о церковныхъ школахъ того времени, пока не начнется разработка консисторскихъ архивовъ....

Тутъ же, кстати, приведемъ архивное свѣдѣніе о малорусскихъ церковныхъ школахъ нач. XVIII в. — Дьячокъ м. Седнева (черниг. уѣзда), спрошенный въ 1727 г. о происхожденіи, показалъ: «родомъ де онъ малороссіянинъ г. Гадяча, мѣщанскій сынъ Ивана Шапошника, отлучился де отъ своего отца годовъ тому зъ девять, пошелъ въ Кіевъ и проживъ въ монастиру Выдубицкомъ, при конархистѣ, съ мѣсяцъ, пошолъ отъ туда и ходилъ по разнымъ мѣстамъ, учась по школамъ *чтенія и пѣнія церковнаго* по прошедшій 1726 годъ, а въ прошедшемъ де году пришелъ онъ до гор. Седнева и сталъ жить въ школѣ св. великомученика Георгія». (Арх. генер. канц., по черниговской описи, № 3847).

А. Л.

Къ исторіи кіевскихъ женскихъ монастырей. *(Составъ монашествующихъ въ 1777 г.).* Послѣ того, какъ въ 1711 г. Флоровскій монастырь былъ соединенъ съ Вознесенскимъ женскимъ монастыремъ, въ Кіевѣ осталось только 3 женскихъ монастыря: Флоровскій, Іорданскій и Богословскій. Значительнѣйшимъ изъ нихъ былъ Флоровскій; во второй половинѣ XVIII вѣка монастырь этотъ заключалъ въ себѣ болѣе ста монахинь, какъ это показываетъ поименная ихъ вѣдомость 1777 года. Радіусъ круга вліянія и значенія этого монастыря былъ немалъ,—сюда стекались «сестры» не только со всей Малороссіи, какъ правобережной, такъ и лѣвобережной, но и изъ Великороссіи и изъ Сибири. Какимъ значеніемъ пользовался Флоровскій монастырь, видно изъ того, что въ его кельяхъ нашла успокоеніе и смиренная старица Нектарія— въ міру княгиня Наталія Долгорукова; въ этомъ же монастырѣ постригались: княжна Милославская (игуменья въ 1777 г.), графиня Головина, княгиня Горчакова, графиня Апраксина, Глѣбова, жена кіевскаго губернатора...

Изъ архивнаго матеріала мы видимъ, что во второй половинѣ XVIII вѣка въ малороссійскихъ монастыряхъ уже существовала точная отчетность по отношенію къ Кіевской духовной консисторіи. Такими донесеніями — «о качествахъ монахинь и бѣлицъ» мы и пользуемся для настоящей замѣтки. Какъ видно изъ такого «донесенія», въ 1777 году въ Флоровскомъ монастырѣ числилось 123 монахини и 8 бѣлицъ. По націямъ монахини состояли: изъ 15 уроженокъ Великороссіи, 106 малороссіянокъ, одной козачки земли Войска Донского и одной нѣжинской гречанки. Изъ великороссіянокъ 7 были дворянскаго сословія,

въ томъ числѣ игуменья и намѣстница (графиня Головина), 2 изъ купеческаго званія и 6—«подданныхъ», т. е. крестьянокъ. «Сестеръ» малорусскаго происхожденія было—106, изъ нихъ 6 монахинь было изъ «шляхетства», 10 духовнаго званія, изъ козаковъ—42, 14 мѣщанокъ и 34 крестьянки. Онѣ происходили изъ слѣдующихъ мѣстностей: «полской націи» (т. е. изъ правобережной Украйны, Волыни, Подолья) было 31 монахиня и изъ лѣвобережной 75; лѣвобережныя монахини дѣлились по полкамъ такъ: изъ Кіевскаго полка было 12 «сестеръ», изъ Черниговскаго—3, изъ Стародубскаго всего лишь одна монахиня; наибольшее число приходилось на Лубенскій полкъ, откуда монахинь было 19, изъ Нѣжинскаго—11, Переяславскаго—6, Прилуцкаго 7, 5 изъ Миргородскаго, 3 изъ Полтавскаго и по 4 изъ Гадяцкаго и Сумскаго. По занятіямъ—116 монахинь были «рукодѣлія простого», причемъ мы видимъ, что это «простое рукодѣліе» не входило въ кругъ обязанностей «сестеръ» изъ высшаго круга, которыя вообще пользовались снисхожденіемъ, даже принимались въ монастырь безъ всякаго послушанія, что для обыкновенныхъ «сестеръ» дѣлалось въ видѣ ужь очень рѣдкаго исключенія: такъ всего лишь 3 монахини *простого происхожденія* пользовались этой льготой. Что касается образованія, то на 126 монахинь грамотныхъ числилось 92, остальныя были неграмотны. Обычныя послушанія, по вѣдомости 1777 г., распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: «разныя экономическія» послушанія несли 26 монахинь, «разныя монастирскія»—9, намѣстническое и уставническое по одной, клирошанское 4 «сестры», церковное послушаніе возложено было тоже на 4-хъ, 20 монахини несло пономарское послушаніе, 2—келейническое, «будилническое»—1, «полатническое»—1, «свѣчарское»—4, просфорное—2, «шафарское» [1])—6, «городническое»—10, «коровническое»—5 и «мерническое»—5 сестеръ.

Что касается 8 бѣлицъ, то изъ нихъ только одна была великороссіянка, остальныя—малорусскаго происхожденія (2 изъ Переяславскаго полка, 3 изъ Кіевскаго, 1—Лубенскаго и 1—«полской націи»). Всѣ онѣ происходили изъ крестьянъ, грамотны за исключеніемъ одной (великороссіянки), послушанія несли экономическія (2), разныя монастырскія (2) и клирошанскія (4).

Въ Іорданскомъ монастырѣ, какъ видно изъ такого же донесенія, «сестеръ» въ 1777 г. было 98, кромѣ того 10 бѣлицъ. Іорданскій монастырь по общественному значенію, видимо, стоялъ ниже Фролов-

[1]) Отъ слова szafar (нѣмецкое der Szaffner)—управитель, экономъ.

скаго: въ немъ мы не встрѣчаемъ сестеръ изъ высшаго круга, да и постригались въ немъ однѣ только уроженки Малороссіи. Изъ нихъ «польской націи» было 15 и изъ лѣвобережной Украйны—81 «сестра». Происходили онѣ изъ слѣдующихъ полковъ: изъ Ахтырскаго полка было 2 монахини, Гадяцкаго—тоже двѣ, Кіевскаго—7, Лубенскаго—10, изъ Миргородскаго—8, 4 изъ Стародубскаго, одна изъ Нѣжинскаго, изъ Переяславскаго полка 13, Прилуцкаго—12, изъ Сумскаго и Черниговскаго по одной, «Новороссійскихъ полковъ»—4, 9 «сестеръ» были родомъ съ Кіево-Подола, 2 изъ Кіево-Печерской лавры, одна изъ села Звѣринца (предмѣстья Кіева), владѣнія Выдубецкаго монастыря, и по одной изъ Кременчуга и Любеча. Кромѣ того, одна сестра была нѣжинская гречанка, а другая родомъ «цесарской націи», т. е. австрійская славянка. По сословіямъ монахини были: двѣ—«шляхетскаго» происхожденія, 9—духовнаго, 44—козачьяго, 27 посполитаго мѣщанскаго—9 и неизвѣстнаго происхожденія—7. Грамотность находилась въ незавидномъ положеніи: такъ, грамотныхъ въ Іорданскомъ монастырѣ было—22 монахини, малограмотныхъ—27 и неграмотныхъ 44; кромѣ того о грамотности четырехъ «сестеръ» свѣдѣній не указано. «Сестры» въ данномъ году несли слѣдующія послушанія: настоятельническое—1, намѣстническое—1, еклесіаршеское—1, разныя монастырскія—12, шафарское—3, клирошанское—12, «буделническое»—11, при больной старицѣ—1, проскурное—3, подъ началомъ—5, экономическія—10, продажей меду занимались двѣ монахини, «паламарское» послушаніе несли 3 сестры, «печи поправлять»—1, на одну же былъ возложенъ сборъ подаянія съ доброхотныхъ жертвователей съ «корнавкой», на другую «съ книгой зашнурной испрошенія милостыни», одна несла уставническое, одна брамное послушаніе, свѣчарское—двѣ, за старостью къ послушаніямъ не годилось 23 «сестры»; кромѣ того, объ одной свѣдѣній не имѣется.

Бѣлицы, которыхъ было десять, по націямъ состояли: изъ 8 малороссіянокъ и 2 уроженокъ Великороссіи: одна жена генералъ-маіора Демидова, а другая—солдатка. Малороссіянокъ двѣ было изъ Лубенскаго полка, двѣ изъ Нѣжинскаго и по одной изъ Сумскаго, Переяславскаго, Прилуцкаго и «полской націи». Всѣ бѣлицы несли монастырскія послушанія, «какія прикажутъ». Грамотныхъ изъ нихъ было четыре.

Наконецъ, въ Богословскомъ монастырѣ было наименьшее количество монашествующихъ: 52 монахини и 5 бѣлицъ. Монахини были почти всѣ (за исключеніемъ одной великороссіянки изъ Москвы) ма-

лорусскаго происхожденія: 13 — «полской націи», 38 лѣвобережной Украйны (въ донесеніи не указано изъ какихъ собственно мѣстностей происходили эти «сестры»). По сословіямъ монахини были: 7 духовнаго званія, 2 мѣщанки, 24 козачки, 1 жена гусарская (великороссіянка), 17 посполитыхъ и одна вдова канцеляриста. Процентъ грамотности здѣсь былъ еще ниже, чѣмъ въ Іорданскомъ монастырѣ: грамотныхъ было 8, малограмотныхъ 12 и 32 неграмотныхъ. Относительно послушаній монахини несли слѣдующія: по одной монахинѣ— «настоятельское», намѣстническое, казначейское, еклезіаршеское, просфорное и пономарское послушанія, три—шафарское въ селѣ Креничахъ, разныя послушанія—2, клирошанское—13, по одной трапезническое, городническое въ селѣ Креничахъ, келейное и свѣчарское, одна монахиня занималась продажей свѣчей, «буделническое» послушаніе несли три сестры, кошелковое—двѣ подъ началомъ—3 и 15 монахинъ «за болѣзнію и старостію впредъ къ послушанію» не годились. Что касается бѣлицъ, то ихъ было только 5,—3 малороссіянки и 2 великороссіянки; одна изъ нихъ была малограмотна, остальныя неграмотны, двѣ монахини были посполитаго званія, одна мѣщанка, одна жена лекаря и одна изъ старшинскихъ дѣтей. Изъ нихъ только одна несла брамническое послушаніе, 4 были безъ послушанія и одна не годилась къ послушанію за старостью. Изъ приведенныхъ свѣдѣній видно, что монастыри Богословскій и Іорданскій, по занятіямъ своихъ «сестеръ», представляли собою болѣе экономическія общины, чѣмъ религіозныя. Иначе, кажется, и быть не могло. Въ богатомъ Фроловскомъ монастырѣ мы встрѣчаемъ «сестеръ», которыя идутъ въ монастырь, повидимому, ища забвенія и отдохновенія отъ «міра печали и слезъ»; въ другіе же два монастыря собираются «сестры» преимущественно того класса, которыя дома, въ большинствѣ случаевъ, испытываютъ нужду и въ монастырѣ ищутъ обезпеченнаго положенія... Съ другой стороны, такими монахинями очень дорожили «настоятельни», потому что могли распоряжаться по усмотрѣнію ихъ всяческою работою —на преуспѣяніе «честной обители» и поэтому возлагали на нихъ часто послушанія, не имѣющія ничего общаго съ монашествомъ, напр. сельское «шафарство», продажа меду и т. д.

Кстати здѣсь замѣтимъ, что очень скоро послѣ этого (въ 1786 г.) Богословскій монастырь былъ переведенъ въ Золотоношскій монастырь, а Іорданскій въ томъ же году былъ упраздненъ, а церковь его обращена въ приходскую церковь. Остался одинъ Флоровскій женскій монастырь, продолжающій существовать и понынѣ, въ качествѣ «пер-

вокласснаго» монастыря. Упомянемъ еще, что, по свѣдѣніямъ Берлинскаго, монастыри Богословскій и Іорданскій были соединены въ 1712 г. (стр. 111). Закревскій полагаетъ, что это соединеніе произошло еще раньше [1]). Но ошибки этихъ ученыхъ очевидны, такъ какъ, во первыхъ, изъ книги Строева (Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія Церкви) видно, что оба монастыря продолжали существовать самостоятельно до 1786 года, а во вторыхъ, существованіе Богословскаго и Іорданскаго монастырей, въ концѣ XVIII вѣка, видно и изъ «донесеній» ихъ, послужившихъ матеріаломъ для настоящей замѣтки. Донесенія эти представлены въ консисторію отъ каждаго монастыря отдѣльно, при чемъ въ каждомъ изъ нихъ называется особая «настоятелька», въ Іорданской — мать Александра, въ Богословскомъ— Ксанфія, чего, конечно, не могло быть, если бы эти монастыри были соединены въ нач. XVIII вѣка. Дѣлаемая нами поправка указываетъ— какъ еще мало изслѣдована исторія кіевскихъ женскихъ монастырей.

Гл. Л.

Царскій посланникъ и панскій управитель. Въ концѣ октября 1700 года возвращался изъ Турціи царскій посланникъ, думный дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ, ѣздившій въ столицу падишаха для заключенія перемирія съ Россіей на 30 лѣтъ. Онъ удачно исполнилъ возложенное на него порученіе, былъ отпущенъ съ честью и съ подарками изъ Цареграда и теперь всѣми силами стремился на родину; но въ пути его застигло несчастье, дороги испортились, между тѣмъ съ нимъ была многолюдная свита и тянулся огромный обозъ. Вотъ ужъ близко и Днѣстръ, гдѣ предстояла трудная переправа, а далѣе начнутся владѣнія польскаго короля Августа II, съ которымъ царь Петръ незадолго предъ тѣмъ вступилъ въ тайный дружественный союзъ; значитъ, царскій посланникъ могъ разсчитывать, что здѣсь онъ встрѣтитъ подобающій его сану почетный пріемъ. Переправа предположена была противъ нынѣшняго мѣст. Цекиновки (ямпольск. у.), тогда незначительнаго села, въ которомъ проживалъ управитель приднѣстровскихъ имѣній короннаго конюшаго Яна Конецпольскаго, панъ Станиславъ Сорочинскій; ему дано было знать о томъ, чтобы онъ приготовилъ все нужное для переправы и устроилъ надлежащую встрѣчу. Каково же было него-

[1]) Описаніе Кіева, т. I, стр. 202.

дованіе знатнаго путешественника, когда, подъѣхавъ къ рѣкѣ, онъ увидѣлъ, что о достойной встрѣчѣ его никто и не подумалъ, да и средства для переправы оказались крайне жалкими и недостаточными. Съ величайшею опасностью переправившись кое-какъ съ частью своей свиты на польскій берегъ, царскій посланникъ рѣшилъ самъ уже устроить пану Сорочинскому надлежащую встрѣчу, о подробностяхъ которой мы узнаемъ изъ жалобы, занесенной 3-го ноября того же года въ Винницкомъ гродскомъ судѣ, но не самимъ Сорочинскимъ (онъ не былъ въ состояніи не только прибыть въ Винницу, но и встать съ постели), а главноуправляющимъ Конецпольскаго, паномъ Станиславомъ Езерковскимъ. Приводимъ этотъ интересный документъ въ переводѣ:

«Когда ясновельможный господинъ посланникъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ людьми, его сопровождавшими, къ берегу Днѣстра, противъ села Чекиновки (sic!), имѣнія ясновельможнаго пана короннаго конюшаго, и тамъ долженъ былъ переправиться черезъ рѣку, то стараніями мѣстнаго управляющаго ему доставлены были всѣ возможныя, при малочисленности населенія Чекиновки, средства для облегченія переправы, которая благополучно и совершилась, послѣ чего панъ управляющій встрѣтилъ господина посланника съ почтеньемъ приличнымъ его сану, а крестьяне, насколько позволяли ихъ средства въ этой пустынѣ, предложили дары въ качествѣ «поклона». Но вышеозначенный ясновельможный господинъ посланникъ, вмѣсто изъявленія благодарности пану управляющему и вознагражденія перевозчикамъ, утомленнымъ трудной работой, не взирая на законъ, обезпечивающій покой шляхетскихъ имѣній и неприкосновенность шляхетскихъ особъ, находясь въ задорномъ настроеніи, ибо никакой причины къ гнѣву не было ему подано ни со стороны ясновельможнаго пана короннаго конюшаго, ни отъ упомянутаго его коммиссара и управляющаго, неизвѣстно, по собственной ли дерзости, или по чьему внушенію,—осмѣлился и дерзнулъ сначала словами оскорблять незапятнанную честь ясновельможнаго пана короннаго конюшаго, господина жалующихся, равно какъ и честь его коммиссаровъ и упомянутаго его милости пана Сорочинскаго, управляющаго, прирожденнаго польскаго шляхтича, произнося слѣдующія слова: «Староста ли ты, или урядникъ... (прочее не достойно того, чтобы воспроизвести перомъ). Почему я не удостоился того, чтобы ты меня встрѣтилъ и привѣтствовалъ на томъ берегу рѣки?» Упомянутый его милость панъ управляющій представилъ причину, почему онъ не могъ

этого сдѣлать: онъ былъ занятъ хлопотами, желая ускорить переправу ясновельможнаго господина посланника; «однако же, прибавилъ онъ, здѣсь на территоріи моего господина, я счелъ долгомъ отъ его имени оказать вашей милости должное почтеніе, которое и свидѣтельствую». Но господинъ посланникъ, не слушая дальнѣйшихъ объясненій, разгнѣванный единственно лишь тѣмъ, что не былъ встрѣченъ и привѣтствованъ за милю до села, схвативши своеручно дубину, сталъ бить упомянутаго управляющаго и отдалъ приказаніе москалямъ: «Пожалуйте-ка его!» чтобы они били невиннаго человѣка, котораго личная безопасность обезпечена закономъ; и такъ г. посланникъ и самъ билъ, пока хотѣлъ, и другимъ бить приказывалъ, и до того его избили, что отъ подошвы до верхушки головы не осталось на его тѣлѣ здороваго мѣста, такъ что послѣ такого московскаго «пожалованья» онъ едва остался живъ. Затѣмъ г. посланникъ въ упомянутомъ селѣ Чекиновкѣ, словно бы оно не принадлежало къ числу шляхетскихъ имѣній, приказалъ москалямъ брать силою все, что ему было угодно: сѣно, кормъ для лошадей, куръ, гусей, барановъ, скотину. Крестьянъ приказалъ онъ бить, требуя отъ нихъ невозможнаго—доставки ста семидесяти подводъ, между тѣмъ какъ въ цѣломъ селѣ едва наберется нѣсколько хозяевъ, и то недавно поселившихся; потомъ, слѣдующаго дня, онъ ограбилъ воловъ и лошадей, къ великому отягощенію убогихъ людей, и прямо сказать—поступилъ лучше всякаго непріятеля. Вслѣдствіе вышеизложеннаго, упомянутый истецъ, заботясь о цѣлости имущества своего господина и требуя удовлетворенія за насиліе, причиненное управляющему, и обиды крестьянамъ, доведеннымъ чрезъ то до конечнаго разоренія, настоятельно и торжественно жалуется и протестуетъ отъ имени вышеупомянутыхъ лицъ, оставляя за собою право, въ случаѣ надобности, дополнить настоящую жалобу въ цѣломъ или въ отдѣльныхъ частяхъ». Жалоба, какъ водится, сопровождалась письменнымъ удостовѣреніемъ вознаго, свидѣтельствовавшаго избитаго пана Сорочинскаго и нашедшаго на его тѣлѣ слѣдующія поврежденія: «Вопервыхъ, правая рука выше локтя разсѣчена до кости топорикомъ; правый бокъ весь покрытъ синевою вслѣдствіе ударовъ; грудь вся избита до того, что «ажъ кровь за шкурою шелеститъ», и больной съ трудомъ дышитъ; съ лѣвой стороны между лопатками синева отъ побоевъ,—словомъ, онъ весь избитъ и искалѣченъ. Притомъ, не удовлетворившись этими побоями, самъ г. посланникъ подковами у подборовъ билъ его и топталъ, вслѣдствіе че-

го вся голова изранена. Всѣ эти побои нанесены пану управляющему (въ возможности излеченія котораго лѣкаря сомнѣваются) не кѣмъ инымъ, какъ его милостью г. посланникомъ московскимъ и его людьми [1]).

Имѣла ли эта жалоба какія-либо практическія послѣдствія, мы не знаемъ; полагаемъ, однако, что едва ли имѣли въ виду эту цѣль и сами потерпѣвшіе. Многое въ тѣ времена вносилось въ актовыя книги больше для памяти потомству, нежели для цѣлей правосудія.

Ор. Левицкій.

Изъ недавняго прошлаго. Въ мартѣ 1854 г. помѣщица кіевскаго уѣзда, жена генералъ-лейтенанта Ловцова [2]). получила отъ кіевскаго уѣзднаго предводителя дворянства Милевскаго слѣдующее циркулярное предложеніе:

«Государь Императоръ, при разсмотрѣніи всеподданнѣйшаго доклада о сдѣланномъ распоряженіи къ устройству вдоль шоссе по могилевской губерніи правильныхъ деревень, по существующимъ образцамъ для казенныхъ селеній, Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы г.г. начальники губерній и губернскіе предводители дворянства другихъ губерній обратили особенно вниманіе на устройство деревень, придегающихъ къ шоссейнымъ дорогамъ, при чемъ Его Величеству благоугодно было повелѣть: наблюдать, чтобы, независимо отъ деревень, расположенныхъ и располагаемыхъ въ пятисаженномъ отъ шоссе разстояніи, были устраиваемы по образцу казенныхъ деревень и тѣ лежащія вдоль шоссе деревни, которыя, хотя находятся и въ отдаленіи, но видны съ шоссе. Вслѣдствіе сообщенной мнѣ г. начальникомъ губерніи выше изъясненной Высочайшей воли, сдѣлано было распоряженіе о собраніи необходимыхъ по настоящему предмету свѣдѣній, по доставленіи которыхъ оказывается, что, въ числѣ прочихъ, и м. Мотыжинъ, на основаніи сказанной Высочайшей воли, должно быть устроено по образцу казенныхъ деревень. Посему имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство распорядиться, чтобы приступлено было къ устройству въ м. Мотыжинѣ жилыхъ обы-

---

[1]) Извлечено изъ гродской Винницкой книги, хранящейся въ Кіевскомъ Центр. Архивѣ, № 4599, л. 268 обор.

[2]) Ульяна Степановна, по первому мужу Сулима, основательница извѣстнаго въ Кіевѣ „Сулимовскаго дома“.

вательскихъ домовъ съ пристройками по образцу казенныхъ деревень, и объ успѣхѣ по настоящему предмету съ поясненіемъ, сколько именно будетъ перестроено домовъ, не оставьте сообщить мнѣ свѣдѣнія къ 1 марта и къ 1 сентября».

«На отношеніе вашего высокородія отъ 16 сего марта на счетъ построекъ въ м. Мотыжинѣ по образцу казенныхъ селеній, потому что будто оно лежитъ вдоль шоссе, въ числѣ видимыхъ съ него селеній,—объясняю слѣдующее: м. Мотыжинъ находится въ такомъ отдаленномъ разстояніи отъ шоссе, именно въ нѣсколькихъ верстахъ, что никакое зрѣніе человѣческое различить предметовъ не можетъ, слѣдовательно ни въ какомъ случаѣ оно не подходитъ къ категоріи селеній, не только прилегающихъ къ шоссе, но даже видимыхъ съ него; въ чемъ совершенно убѣдившись, рѣшилась я обратиться къ вамъ, милостивый государь, съ покорнѣйшею моею просьбою: обратите ваше вниманіе съ свойственною вамъ справедливостью на это обстоятельство и избавьте меня отъ напрасныхъ хлопотъ и издержекъ. Я имѣю основаніе думать, что здѣсь есть ошибка со стороны тѣхъ, кому поручено было собрать по настоящему предмету свѣдѣнія. Вполнѣ надѣюсь, что ваше высокородіе, удостовѣрясь въ правдѣ мною написаннаго, сдѣлаете распоряженіе и въ этомъ дѣлѣ сообразно съ истиннымъ безпристрастіемъ».

Не извѣстно, удовлетворился ли предводитель доводами помѣщицы, но въ Мотыжинѣ крестьянскія хаты не были перестроены «по существующимъ образцамъ для казенныхъ селеній». Сколько намъ извѣстно, такія перестройки не были произведены и въ другихъ селеніяхъ и деревняхъ нашего края, не только «видимыхъ» съ шоссе, но и расположенныхъ въ близкомъ отъ него разстояніи.

Къ исторической топографіи Печерска и Клова. Въ церковно-археологическомъ музеѣ при Кіевской Дух. Академіи есть два рукописные чертежа Печерска и его окрестностей, относящіеся къ первой четверти XVIII вѣка и составлявшіе приложеніе къ тяжебнымъ дѣламъ Кіевскаго Пустынно-Никольскаго монастыря изъ-за земельныхъ владѣній [1]). Одинъ изъ нихъ относится къ 1713—1715 гг. и составленъ по поводу тяжбы Никольскаго монастыря съ Печерскою лаврою изъ-за земель, находившихся на Печерскѣ, а другой—въ 1719 году

[1]) По указанію музея, №№ 1758 и 13734.

по поводу тяжбы того же монастыря изъ-за земель, находившихся за Днѣпромъ, но отчасти касается и монастырскихъ земель по правую сторону Днѣпра, въ самомъ Кіевѣ и въ частности на Печерскѣ и Кловѣ.

Первый изъ этихъ чертежей не имѣетъ опредѣленной хронологической даты, но время его происхожденія опредѣляется слѣдующими данными. На чертежѣ обозначенъ земляной валъ или ретраншаментъ, идущій отъ Печерской крѣпости по-надъ Лыбедью до Старокіевской крѣпости, а въ Пустынно-Никольскомъ монастырѣ еще не было нынѣшней каменной соборной церкви сего монастыря. Земляной же валъ или ретраншаментъ отъ Печерска по-надъ Лыбедью, по свидѣтельству Якова Маркевича, началъ строиться съ 1713 года; а нынѣшняя соборная церковь Никольскаго монастыря построена княземъ Дим. Мих. Голицынымъ около 1715 года [1]). Слѣдов., чертежъ составленъ не раньше 1713 и не позже 1715 года.

Во это время лавра, печерскій женскій монастырь противъ лавры и церкви Спасская на Берестовѣ, Воскресенская и Ѳеодосіевская, по показанію чертежа, обведены уже были многограннымъ укрѣпленіемъ, съ крѣпостными воротами съ сѣверной и западной сторонъ его; восточная же сторона не изображена на чертежѣ. Отъ западной стороны печерскаго укрѣпленія шелъ земляной «валъ новій от крѣпости печерской до города (Москов)скаго понад Либедю» которой направлялся сначала на западъ, потомъ, не доходя до г. Лыбеди, шелъ на сѣверъ, параллельно ея направленію, а миновавъ кловскій яръ, наискось перерѣзывалъ нынѣшній Крещатикъ и упирался въ старокіевскіе земляные валы.—Къ этой же системѣ Печерскихъ укрѣпленій нужно отнести «городокъ надъ Хрещатикомъ», т. е. надъ Крещатикскимъ источникомъ, тамъ, откуда нынѣ производится пушечная пальба во время церковныхъ церемоній 6 января и 15 іюля.

Внутри этихъ укрѣпленій на разсматриваемомъ чертежѣ обозначены монастыри, монастырскія земли, поселенія и дороги.

Внутри самой крѣпости изображена Печерская Лавра. Великая Лаврская церковь, первоначально имѣвшая три только алтарныхъ полукружія, на чертежѣ 1713 1715 г. г. имѣетъ уже боковые придѣлы съ алтарями, съ сѣверной и южной сторонъ церкви, всегоже 5 алтарей. На югъ отъ великой церкви стояла трапеза въ два яруса

[1]) „Описаніе Кіева“, Н. В. Закревскаго, Москва, 1868 г., стр. 432, 583 и 584.

или свѣта съ церковію, а за нею, кажется, настоятельскіе покои. Надъ наружными, западными вратами лавры стояла Троицкая церковь, существующая и нынѣ, а сосѣдній съ нею сѣверо-западный уголъ лавры занятъ былъ Больничнымъ монастыремъ съ небольшой церковію. Въ сѣверо-восточномъ углу лаврской ограды виднѣется пятикупольная церковь, вѣроятно Всѣхъ Святыхъ, построенная Мазепою въ 1696—1698 годахъ [1]). Почти рядомъ съ этою церковію, на югъ отъ нея, изображенъ большой домъ, вѣроятно типографскій.

На сѣверъ отъ лавры и крѣпости находится Никольскій монастырь, въ которомъ различались тогда: «новий на горѣ монастырь святоникольскій Пустынный», построенный Мазепою въ 1690—1696 г. г. и «ветхий монастыръ Святоникольскій» съ деревянною церковію на Аскольдовой Могилѣ. Противъ ветхаго монастыря стоялъ «столпъ». На сѣверъ отъ «столпа, въ одинъ уровень съ нынѣшнимъ военнымъ соборомъ, выстроена была слобода «Поликъ Микольскій» съ «кабачкомъ», а подъ нею, на берегу Днѣпра, поселокъ «Гончари».

Этимъ двумъ монастырямъ, т. е. Печерскому и Никольскому, принадлежало все пространство земель внѣ печерской крѣпости между Лыбедскимъ ретраншаментомъ и Днѣпромъ, до нынѣшней Крещатицкой улицы.

Противъ Никольскаго монастыря, на горѣ, лежала принадлежавшая ему «Долгая Нива» которая, начинаясь отъ нынѣшняго военнаго собора, тянулась узкою лентою на сѣверъ, захватывая всю нынѣшнюю Никольскую улицу, и мимо «кургановъ граничныхъ», бывшихъ приблизительно на углу Никольской и Московской улицъ, шла до самого Крещатицкаго источника, обнимая собою нынѣшній Александровскій скверъ и Царскій Садъ. На сѣверномъ концѣ этой нивы, на склонѣ, былъ «виноградъ». Никольскому же монастырю принадлежали три нивы у самой Лыбеди, между устьемъ Кловскаго яра и Васильковскою дорогою, шедшею прямо на западъ отъ западныхъ воротъ лавры и крѣпости, а именно: Плоская, Теремоватая, Клиноватая и нива подъ Клиноватою. Кромѣ того, въ Кловскомъ, «яру или долинѣ до Лыбеди», около нынѣшняго Кловскаго спуска, на разсматриваемомъ чертежѣ изображенъ «колодязь варяж(скій)», вполнѣ соотвѣтствующій «колодезю Николаевскаго монастыря» на планѣ Кіева 1695 года [2]). Въ послѣдствіи времени колодязь этотъ

---

[1]) Тамъ же стр. 684.

[2]) „Планъ Кіева, составленный въ 1695 года", Кіевъ, 1893 года,

былъ закопанъ землею, и въ срубѣ его поставленъ крестъ, давшій названіе «Кресты» образовавшемуся здѣсь поселенію [1]).

Печерской лаврѣ принадлежала земля, лежавшая на западъ отъ печерской части «Долгой Нивы» до нивъ Плоской, Теремоватой, Клиноватой и Подклиноватой Никольскаго монастыря, или отъ западной стороны нынѣшней Никольской улицы до конца нынѣшняго Печерска. Половина этого пространства, прилегающая къ «Долгой Нивѣ» или къ нынѣшней Никольской улицѣ, заселена была «Поликомъ Печерскимъ» или Печерскою Слободою, а другая западная половина составляла «вигонъ Печерскій подъ Клиноватою нивою Свято-никольскою даный на отмѣну за Долгую ниву, лежачую подъ монастыромъ Никольскимъ». На половинѣ протяженія помянутаго Васильковскаго шляха отъ западныхъ воротъ печерской крѣпости до ретраншамента, съ лѣвой стороны «шляха» былъ «дворецъ Печерскій»; при пересѣченіи этого шляха ретраншаментомъ стоялъ «калавур в (у) рогатокъ», а на р. Лыбеди виднѣются двѣ мельницы. Печерской же лаврѣ принадлежала и вся кловская возвышенность, посрединѣ которой, гдѣ нынѣ 1-е кіевское женское Епархіальное училище, значится «дворецъ новый печерскій» съ двумя зданіями.

Дорогъ было нѣсколько. «Шляхъ старинный зъ (Печерскаго) до Кіева» сначала состоялъ изъ двухъ вѣтвей, изъ коихъ одна шла отъ западныхъ воротъ печерской крѣпости, другая отдѣлялась отъ Васильковскаго шляху около «дворца печерскаго». Въ началѣ печерскаго Полика или Слободы онѣ сливались въ одну дорогу, которая шла по-за этимъ Поликомъ, съ западной его стороны, перерѣзывала Кловскій яръ немного выше нынѣшняго Кловскаго спуска и шла черезъ Липки и крещатикъ, приблизительно по нынѣшней Институтской улицѣ, къ старокіевской крѣпости, вѣроятно къ печерскимъ ея воротамъ. Отъ этой дороги на печерскѣ, по-за Поликомъ-же, отдѣлялась на сѣверовостокъ вѣтвь къ урочищу Провалье или къ нынѣшнимъ крѣпостнымъ Николаевскимъ воротамъ.

Другая дорога вела отъ сѣверныхъ воротъ печерской крѣпости и тотчасъ же раздѣлялась на двѣ вѣтви, изъ коихъ одна шла прямо по западной границѣ Долгой Нивы до Провалья, а другая, перерѣзавъ пополамъ печерскую слободу, соединялась у Провалья съ первою. Отсюда на лѣво поворачивалъ «новый шляхъ до Кіев(а)», соединялся со старою дорогою въ липкахъ и, миновавъ Институтскую гору, на-

[1]) „Описаніе Кіева“ Н. В. Закревскаго, Москва, 1868 г., стр. 419.

правлялся въ Хрещатый Яръ, около нынѣшней царской площади, а отсюда—на Подолъ. Отъ того же Провалья шла «дорога зъ подолу ведле (саду) княжого до печерского» [1]), тамъ же, гдѣ и нынѣ идутъ Александровская улица и Александровскій спускъ. Влѣво отъ этой дороги, приблизительно на $^1/_3$ протяженія нынѣшняго Александровскаго сквера, отъ нея отдѣлялась и спускалась подъ гору «Стежка зъ Микульскаго... на Крещатикъ до Кіева», проходя подъ самымъ «городкомъ надъ хрещатикомъ».—Изъ сѣверныхъ же воротъ лаврской крѣпости выходилъ «звозъ... святоспаскій новій и древній» и тотчасъ же круто поворачивалъ внизъ къ Дрѣпру.

Другой изъ разсматриваемыхъ чертежей, именно 1719 года, частію дѣлаетъ дополненія къ прежнему чертежу, частію показываетъ послѣдовавшія къ 1719 году измѣненія. Передъ печерскою лаврою здѣсь изображены «ворота», вѣроятно извѣстныя впослѣдствіи подъ названіемъ Тріумфальныхъ [2]), съ башнею надъ ними, на которой стояла фигура архангела Михаила, держащаго въ правой рукѣ поднятый кверху мечъ. За лаврой, противъ Неводницкой пристани, устроены были два моста, одинъ черезъ Днѣпръ, а другой черезъ Черторыю, и отъ нихъ шла на востокъ «дорога на Лысую гору». На сѣверо-западъ отъ лавры, на прежнемъ ея «выгонѣ», тянется длинная «солдатская слобода», а передъ нею «Больницы», т. е. лазаретъ.

Въ Никольскомъ монастырѣ въ 1719 году была уже нынѣшняя соборная его церковь, но нѣтъ деревянной церкви на Аскольдовой Могилѣ, на которой остались только «ворота». «Городокъ надъ хрещатикомъ» чертежа 1713—1715 г.г. названъ теперь «Скородумомъ», прежній «виноградъ» надъ этимъ городкомъ названъ «виноградомъ государевымъ», а надъ крещатицкимъ источникомъ изображена часовня, съ подписью «колодезь крещатикъ». На сѣверовостокъ отъ крещатицкаго источника, около нынѣшней почтовой станціи, были »бани торговые»; но онѣ стояли уже не на землѣ Никольскаго монастыря.

---

[1]) Кажется, уже въ это время былъ разведенъ Государевъ виноградъ или садъ на мѣстѣ нынѣшняго царскаго сада. Никольскій монастырь ежегодно получалъ впослѣдствіи за эту землю по 200 руб. (см. „Кіевскую Старину", январь—мартъ 1888 г., стр. 64.).

[2]) См. „Генеральный планъ Печерской крѣпости", 1745 г., въ „Обозрѣніи Кіева" Фундуклея, 1847 г., № 5, стр. 24. Но въ этомъ изданіи на планѣ допущены неточности и опущенія. Подлинникъ хранится въ Церковно-археологич. музеѣ при Кіев. дух. Академіи, по указателю № 1758.

Дороги на чертежѣ 1719 года представляются въ слѣдующемъ видѣ. Отъ сѣверныхъ или тріумфальныхъ воротъ печерской крѣпости до провалья шла одна дорога, съ подъѣздными дорожками къ ней отъ Александровой могилы, нынѣшняго Никольскаго монастыря и Никольской слободы, а за провальемъ она раздѣлялась на двѣ дороги, изъ коихъ одна шла мимо «винограда государева» на Подолъ, а друга черезъ Липки Крещатикъ къ старому или верхнему Кіеву, къ печерскимъ воротамъ старокіевской крѣпости. Отъ послѣднихъ шла еще дорога на юго-западъ, вѣроятно Васильковская.

Н. Петровъ.

Къ біографіи Аѳанасія Заруцкаго. Свѣдѣнія объ Аѳанасіѣ Заруцкомъ, сообщенныя въ «Кіевской Старинѣ» 1896 г. № 3, могутъ быть нѣсколько пополнены: лѣтомъ 1689 г. во время пріѣзда въ Москву съ гетманомъ Мазепою Аѳ. Заруцкій былъ уже нѣжинскимъ священникомъ (и получалъ въ Москвѣ поденную норму по 4 деньги—Шляпкинъ Св. Димитр. Рост. стр. 202 и примѣч. 3). Представляется несомнѣннымъ, что онъ былъ духовнымъ лицомъ уже и въ 1688 г., когда о сочиненіи его писалъ Мазепа кн. Голицыну, но можетъ быть, онъ тогда пребывалъ въ Глуховѣ, такъ какъ Мазепа называетъ его Глуховскимъ жителемъ (ibid. 204 пр. 3); и женитьба его должна быть отнесена ко времени раньше 1688 г.

Сочиненіе Аѳ. Заруцкаго, о которомъ писалъ Мазепа, имѣло несомнѣнно лѣтописный характеръ; это видно изо всѣхъ челобитій Заруцкаго, да и Мазепа въ письмѣ къ кн. Голицыну въ 1688 г. прямо говоритъ о лѣтописчикѣ Аѳанасіѣ (ibid. 182, стр. 3).

Приводимое Костомаровымъ указаніе, что въ числѣ лицъ свиты Мазепы въ пріѣздъ его въ 1689 г. въ Москву былъ іеромонахъ Іоаннъ Заруцкій, кажется намъ простою ошибкою. Пріѣзжалъ Аѳ. Заруцкій, что извѣстно; но въ свитѣ было нѣсколько іеромонаховъ (см. составъ духовныхъ лицъ свиты у Шляпкина стр. 202, кр. 3); вѣроятно, одинъ изъ нихъ звался Іоанномъ, а Костомаровъ неточно списалъ показаніе источника.

Ал. Маркевичъ.

Маленькое объясненіе. Перечитывая на дняхъ 6-й томъ сочиненій Григорія Федор. Квитки (Харьковъ 1894 г.), я встрѣтилъ въ біографическомъ очеркѣ, помѣщенномъ тамъ, нѣсколько строкъ, упрекающихъ меня за то, въ чемъ я не повиненъ. Почтенный авторъ біографіи Г. Ф. Квитки, г. С. Р., между прочимъ говоритъ: «Самъ Науменко, приводя стихотвореніе Шевченка, посвященное Основьяненку, съ сожалѣніемъ замѣчаетъ, что этого-то содержанія (т. е. того, на которое указывается въ стихотвореніи), столь желаннаго для Шевченка, и не было въ повѣстяхъ Квитки и не было къ нимъ даже и призванія у стараго повѣствователя. На этотъ поэтическій зовъ молодого кобзаря—Шевченка что онъ написалъ еще по-малороссійски? Двѣ или три стихотворныя побрехеньки.—Это по нашему немного слишкомъ сильно сказано и т д.» Безспорно, эти мысли приведены у меня, но только г. С. Р., очевидно наскоро читавшій статью, не замѣтилъ, что онѣ принадлежатъ не мнѣ, а М. А. Максимовичу, рукописный отзывъ котораго о Квиткѣ я напечаталъ въ своей статьѣ.

В. Науменко.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ.

Въ № 3 Кіевской Старины, помѣстивъ замѣтку по поводу постановки памятника И. П. Котляревскому въ Полтавѣ, редакція объявила своимъ читателямъ, что она открываетъ у себя сборъ добровольныхъ пожертвованій на сооруженіе этого памятника, при чемъ жертвуемыя деньги будетъ направлять въ Полтаву. Въ теченіе марта мѣсяца въ редакцію поступили пожертвованія на этотъ предметъ отъ слѣдующихъ лицъ:

В. В. Тарнавскаго—300 р., С. С. Могилевцева—20 р, К. М. Гамалѣя, А. М. Лазаревскаго, Н. В. Молчановскаго, М. П. Моссаковскаго, В. П. Науменка, Н. Д. Новицкаго, А. В. Стороженка, М. К. Чалаго, Н. В. Шугурова—по 10 р., И. М. Каманина, А. В. Лазаревскаго, И. С. Левицкаго, О. И. Левицкаго, К. П. Михальчука, М. Я. Порскаловой, А. І. Степовича, В. И. Щербины—по 3 р., N—2 р., N—1 р., N—1 р.,—всего 438 р., которые и отправлены въ Полтаву. Сборъ добровольныхъ пожертвованій при редакціи «Кіевской Старины» продолжается.

Библіографія.

L'Anthropologie—Tome sixiéme, année 1895.

«Антропологія», одинъ изъ первоклассныхъ европейскихъ журналовъ, посвященныхъ антропологіи, первобытной археологіи и сравнительной этнографіи, помѣстилъ въ 1895 году нѣсколько статей, посвященныхъ изученію древностей южно-русскаго края.

Въ отдѣлѣ изслѣдованій помѣщены двѣ статьи барона де Бай (de Baye): 1) Каменный вѣкъ въ Украинѣ и 2) Замѣтка о эпохѣ металлической культуры въ Украинѣ. Въ первой статьѣ (Note l'âde de la pierre en Ukraine, стр. 1—17) авторъ сообщилъ въ краткомъ, но весьма содержательномъ очеркѣ свѣдѣнія, собранныя имъ во время его путешествій въ южную Россію въ 1893 и 1894 годахъ. Во время этихъ путешествій баронъ де Бай изучилъ весьма внимательно мѣстныя коллекціи археологическихъ предметовъ и познакомился основательно съ литературою разсматриваемаго предмета; сверхъ того, онъ предпринялъ нѣсколько экскурсій и раскопокъ для наглядного изученія памятниковъ каменнаго вѣка на югѣ Россіи (въ с. Вишенки, остерскаго уѣзда; въ усадьбѣ г. Святославскаго въ Кіевѣ, на Юрьевской горѣ въ окрестностяхъ Смѣлы). Бар. де Бай сообщилъ точныя свѣдѣнія о немногихъ понынѣ извѣстныхъ находкахъ палеолитической эпохи въ южной Руси, затѣмъ, переходя къ неолитической эпохѣ, представляетъ весьма точный очеркъ главныхъ памятниковъ этого періода: лесовыхъ пещеръ, спорадическихъ находокъ, среди которыхъ онъ указываетъ формы орудій характеристическія для южной Руси (полированные кремневые топоры и просверленные топоры—молоты) и сличаетъ эти формы съ формами, находимыми въ Скандинавіи. Далѣе слѣдуетъ перечень трехъ похоронныхъ типовъ въ курганахъ каменнаго вѣка въ южной Руси и весьма обстоятельное опи-

саніе стоянокъ и мастерскихъ каменнаго вѣка (мастерскія пряслицъ изъ краснаго шиффера въ овручскомъ уѣздѣ, стоянка на Юрьевой горѣ, стоянка и мастерскія у селъ: Збранки, Васьковичи, Сивки, Мощаницы, Вишенки и Кіева). Статья заканчивается описаніемъ могильника у с. Гатного (кіевскаго уѣзда), который, по мнѣнію автора, совершенно по нашему мнѣнію справедливому, составляетъ переходъ отъ каменнаго вѣка къ металлическому. Всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя барономъ де Бай, основаны на добросовѣстномъ изученіи какъ мѣстныхъ коллекцій (гр. Бобринскаго, Кіевскаго университетскаго музея, коллекціи г. Радоминскаго и т. д.), такъ и трудовъ, посвященныхъ данному предмету въ русской археологической литературѣ; свѣдѣнія, сообщаемыя имъ, весьма точны, сгруппированы умѣло и освѣщаютъ древности нашего края весьма рельефно, указывая подобающее для нихъ мѣсто въ европейской наукѣ.

Не менѣе обстоятельна и другая статья барона де Бай: «Note sur l'époque des metaux en Ukraine (стр. 374—392)». Авторъ разсматриваетъ подробно типы скиѳскихъ кургановъ и сообщаетъ свѣдѣнія о находимыхъ въ нихъ предметахъ; онъ даетъ весьма вѣрную характеристику оружія, зеркалъ, сосудовъ, лошадиной сбруи и украшенія одежды, добытыхъ изъ скиѳскихъ кургановъ и хранящихся въ собраніяхъ гр. Бобринскаго, въ кіевскомъ университетскомъ музеѣ, въ коллекціяхъ г.г. Мазараки, Хайновскаго, Скаржинской и т. д.; въ концѣ статьи перечислены находки греческихъ могилъ, понынѣ открытыхъ въ южнорусскомъ краѣ. Авторъ не задается вопросомъ о происхожденіи скиѳовъ, но за то очень вѣрно опредѣляетъ въ скиѳскомъ быту вліяніе культуры средне-азіятской и воздѣйствіе на нее греческой культуры. Особенно интересно разсужденіе о зооморфическихъ орнаментахъ, составляющихъ преобладающій характеръ украшенія скиѳскихъ предметовъ. Баронъ де Бай считаетъ эти украшенія характеристическимъ признакомъ самобытной скиѳской культуры и указываетъ на широкое ея распространіе и воздѣйствіе на западноевропейскую культуру въ началѣ среднихъ вѣковъ: зооморфическія украшенія французскіе археологи считали признакомъ мѣстной культуры времени Меровинговъ, между тѣмъ какъ по сличенію барона де Бай онѣ оказываются лишь заимствованіемъ далекаго восточнаго скиѳскаго стиля.

Въ отдѣлѣ библіографіи (Mouvement scientifiue) мы встрѣчаемъ два отчета г. Волкова объ археологическихъ сочиненіяхъ, касающихся южной Руси: это извѣстіе о статьѣ о. Василія Спесивцева,

помѣщенной въ Сборникѣ харьковскаго историко-филологическаго общества о находкахъ въ селѣ Райгородкѣ (Изюмскаго уѣзда; стр. 194); въ статьѣ этой констатированы 2 стоянки неолитическаго періода, открытыя въ данной мѣстности, и сообщены свѣдѣнія о спорадическихъ находкахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя представляютъ намеки на эпоху палеолитическую.

Другой отчетъ (стр, 324—326) посвященъ работѣ г. Ястребова: «Опытъ топографическаго обозрѣнія древностей Херсонской губерніи». Содержаніе этого почтеннаго труда уже извѣстно читателямъ «Кіевской Старины».

В. А.

Т. Тутковскій. Юго-Западный край. Естественно-историческіе и географическіе очерки. Выпускъ 2-й. Кіевъ 1895 г. 8°. 56 стр.

Книжка г. Тутковскаго заключаетъ въ себѣ популярные очерки естествовѣда мѣстной природы. Хорошо вооруженный научными знаніями, авторъ показываетъ намъ изъ мѣстной природы интересные уголки съ какими либо естественными примѣчательностями и тутъ же научно объясняетъ, въ чемъ заключаются эти примѣчательности. Такихъ очерковъ въ книжкѣ три: Трахтеміровскія тайны, Пѣшкомъ въ побережье р. Тетерева и—Коростышевъ и его окрестности., и кромѣ того еще два очерка изъ кіевской геологіи: артезіанскіе фонтаны въ Кіевѣ и кіевскіе сползни. Очень интересны описанія побережій р. Тетерева, на которыхъ найденъ напр. (около с. Козіевки)—мраморъ. «Здѣсь скрывается, говоритъ авторъ, единственное во всемъ юго-западномъ краѣ (и во всей южной Россіи) мѣсторожденіе настоящаго мрамора, кристаллическаго известника, сѣроватаго, мѣстами очень красиваго розоваго цвѣта съ нѣжными бѣлыми, розовыми и черными жилками... Онъ очень легко обрабатывается, такъ какъ мягче другихъ нашихъ камней, и принимаетъ превосходную полировку; издѣлія изъ него очень красивы и сверхъ того, онъ представляетъ хорошій строительный камень; но пока это интересное и рѣдкое мѣсторожденіе лежитъ совершенно нетронутымъ и безполезнымъ»... Значитъ, изъ Италіи привозить мраморъ, хотя бы въ Кіевъ, удобнѣе, чѣмъ изъ радомысльскаго уѣзда... Книжку г. Тутковскаго можно рекомендовать, какъ интересное чтеніе для любителей природы. Въ заключеніе сдѣлаемъ къ *геологическимъ* очер-

камъ маленькую *историческую* поправку: говоря о Трахтомировскихъ тайнахъ природы, авторъ замѣчаетъ, что самъ Трахтомировъ въ историческомъ отношеніи ровно ничѣмъ не замѣчателенъ... Но—это былъ первый козацкій городъ,—Стефанъ Баторій назначилъ его центромъ Украинскаго козачества, когда задумалъ организовать послѣднее. Объ этомъ можно читать во всѣхъ исторіяхъ Малороссіи...

Галицко-русская библіографія XIX столѣтія съ увзглядненіемъ русскихъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ (1801—1886). Составилъ Иванъ Ем. Левицкій. 2 тома. Львовъ. 1888—1895. Въ 4-ю д. л. 1 т.—XXII+161 стр. ц. 7 р. 50 к. и 2 т. 733 стр. ц. 31 р.

Въ теченіе семи лѣтъ издавался настоящій трудъ г. Левицкаго, и теперь, когда онъ оконченъ, галицко-русская литература обладаетъ такою библіографіей, какой не имѣютъ и болѣе богатыя славянскія литературы. Книга г. Левицкаго представляетъ собою до нѣкоторой степени монументальный трудъ, потребовавшій отъ ея составителя нѣсколькихъ лѣтъ кропотливой работы. Въ ней хронологически перечислены не только всѣ книги и брошюры, но и всѣ журнальныя и газетныя статьи, подробно обозначенныя при названіи того или другого періодическаго изданія. Такимъ же образомъ перечислены и статьи всѣхъ сборниковъ, а въ томъ числѣ и календарей. Разумѣется такая работа могла быть исполнена силами одного человѣка и въ такой сравнительно короткій срокъ лишь потому, что за 85 лѣтъ (1801—1886) въ галицко-русской литературѣ появилось отдѣльныхъ изданій лишь только 3411 [1]). Составлена книга г. Левицкаго образцово; имѣя эту книгу въ рукахъ, не нужно перелистывать, напр., фоліанты газетъ, чтобы найти нужныя по тому или другому вопросу свѣдѣнія, содержаніе всѣхъ газетъ имѣется въ книгѣ г. Левицкаго и при томъ подробное: содержаніе газеты «*Слово*» за 1879 г. (изложенное на 4-хъ стр. въ 4-ку мелкой убористой печати) показано въ перечнѣ всѣхъ статей, раздѣленныхъ притомъ по ихъ содержанію на рубрики, причемъ перечисляются и всѣ «корреспонденціи», съ крат-

[1]) Для сравненія можно указать, что въ Росписи Россійск. книгамъ Анастасевича, изданной въ 1828 г., показано русскихъ книгъ, печатанныхъ гражд. шрифтомъ—9934.

кимъ указаніемъ ихъ содержанія. Въ концѣ книги помѣщенъ—«Указатель именамъ авторовъ и заглавіямъ публикаціямъ» (стр. 595—733), въ которомъ, при имени того или другого автора, помѣщенъ перечень всѣхъ его статей, перечисленныхъ на страницахъ «Библіографіи»; этотъ же указатель есть вмѣстѣ съ тѣмъ и *предметный*, такъ какъ тутъ же показаны и общіе заголовки тѣхъ или другихъ *предметовъ*, съ указаніемъ статей, касающихся сихъ послѣднихъ; при этомъ названы, напр. такіе отдѣлы: «богословіе и церковная литература», «гуцулы», «словарь» и т. д. Не упущены составителемъ криптонимы и псевдонимы называемыхъ въ книгѣ авторовъ, причемъ собраны любопытныя данныя о псевдонимахъ, напр: при имени одного автора указано болѣе двадцати его псевдонимовъ: Федоръ, Верниволя, Жукъ, Дроздъ, Журавель, Маруся, Сирота и т. д.

Книгу г. Левицкаго можно рекомендовать, какъ образецъ безукоризненной библіографической работы. Напечатана она на плотной веленевой бумагѣ, четкими шрифтами, которыхъ на одной страницѣ встрѣчается иногда до десятка отдѣльныхъ формъ.

Одинъ недостатокъ имѣетъ книга г. Левицкаго,—ея дороговизна, дѣлающая ее малодоступною для небольшихъ частныхъ библіотекъ, но трудно упрекнуть за это автора, когда такія книги расходятся иногда лишь въ десяткахъ экземпляровъ, а на «Библіографіи» значится, что она «издана авторомъ»...

Предположивъ закончить свою работу въ 1886-мъ году, г. Левицкій съ 1887 г. началъ составленіе галицко-русскихъ библіографій *за каждый годъ отдѣльно*, причемъ печаталъ ихъ въ видѣ приложеній къ «Галицкому Литературному Сборнику» и отдѣльно. До сихъ поръ такія «библіографіи» появились за три года—1887, 1888 и 1889. Жаль будетъ, если галицко-русская библіографія не будетъ г. Левицкимъ продолжена: другого такого искусника по этой части нескоро можно найти.

А. Л.

Куліш Олельковичъ Панько. Дзьвин, староруські думы й сьпіви Женева 1893, стр. 1—239.

Книжка, только-что нами названная, хотя и не составляетъ новости литературной, т. к. отпечатана еще въ 1893 году, но является настолько малоизвѣстной у насъ въ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и

настолько характерной по нѣкоторымъ своимъ особенностямъ, что сказать о ней нѣсколько словъ будетъ небезполезно, а для нашихъ читателей можетъ представить интересъ даже и новизны, въ виду ея заграничнаго изданія. Имя *Пант. Алекс. Кулиша (Панька Олелькoвича Куліша)* слишкомъ хорошо извѣстно книжному человѣку, не только среди южноруссовъ, но въ равной мѣрѣ и среди великорусовъ и поляковъ, какъ имя человѣка, много и разнообразно заявившаго себя въ вопросахъ историческаго, литературнаго, этнографическаго и политическаго изученія украинскаго народа. Роль его въ этомъ случаѣ тѣмъ болѣе интересна, что на пространствѣ полустолѣтія, въ теченіе котораго П. А. Кулишъ постоянно выступалъ въ наукѣ, литературѣ и публицистикѣ то съ большей, то съ меньшей силой и энергіей,—можно увидѣть много смѣнъ въ его основныхъ воззрѣніяхъ, и притомъ такихъ смѣнъ, которыя подавали поводъ считать его то рьянымъ представителемъ украинскаго народолюбія (въ началѣ 60-хъ годовъ—напримѣръ), то ярымъ противникомъ всего носящаго отпечатокъ украинско-козацкой культуры (начиная съ 70-хъ годовъ). Какъ самая личность П. А. Кулиша, представляющая большой интересъ для анализа и изученія ея, такъ и эти колебанія и неуравновѣшенность въ воззрѣніяхъ его, ждутъ еще своего изслѣдователя, который долженъ будетъ, взвѣсивъ и оцѣнивъ все существующее pro и contra, высказать свой безпристрастный судъ; но теперь еще для этого не настало время, ужъ по тому одному, что теперь нельзя еще отрѣшиться отъ того субъективнаго начала, которое неминуемо является при оцѣнкѣ лицъ, еще дѣйствующихъ. Правда, публичная дѣятельность человѣка, а тѣмъ болѣе печатное его слово открываютъ возможность такого суда, даже больше того—создаютъ обязательство высказаться по этому поводу, но мы въ данномъ случаѣ не беремъ на себя роли оцѣнивать всю дѣятельность П. А. Кулиша, т. к. къ этому не обязываетъ насъ та книга, которая служитъ поводомъ къ нашему настоящему отзыву; мы считаемъ только необходимымъ высказать нѣсколько общихъ замѣчаній для того, чтобы понятнѣе было содержаніе и главный тонъ разбираемой книжки.

Какъ извѣстно П. А. Кулишъ впервые совершенно опредѣленно высказался, со своими осужденіями по адресу всего прошлаго козацкой Украины, въ 70-хъ годахъ, когда появилась въ печати его «Исторія Возсоединенія Руси». Критика сразу отозвалась по поводу этой новой работы г. Кулиша, и въ большинствѣ далеко не въ бла-

гопріятномъ для автора смыслѣ. Послѣ этого нашъ историкъ и публицистъ покатился какъ-бы по наклонной плоскости, все энергичнѣе выступая защитникомъ польской культуры, которая страдала отъ измѣнническихъ козацкихъ бунтовъ разбойничьяго характера; при этомъ начали совершенно опредѣленно обнаруживаться симпатіи автора къ дѣятельности Петра I-го, Екатерины II-й. Эти его излюбленныя идеи стали теперь выявляться всюду—и въ историческихъ его работахъ, и въ публицистическихъ статьяхъ, и даже въ поэтическомъ творчествѣ [1]). Результатъ этого настроенія П. А. Кулиша выразился въ его «Хуторной поэзіи» и «Крашанкѣ», двухъ книжечкахъ, отпечатанныхъ въ Львовѣ въ началѣ 80-хъ годовъ. Конечно, не могли остаться безъ отвѣта со стороны болѣе видныхъ представителей Украины, какъ Н. И. Костомаровъ и Д. Л. Мордовцевъ, эти поразительныя писанія г. Кулиша, чѣмъ и объясняется, что нашъ авторъ, очевидно недугующій крайнимъ самолюбіемъ, внесъ теперь въ тему своихъ писаній дальнѣйшихъ и этихъ новыхъ своихъ враговъ. По крайней мѣрѣ, ничѣмъ инымъ нельзя объяснить той желчи, переходящей подчасъ въ неприличную брань, которою переполнены нѣкоторыя стихотворенія въ разсматриваемой книгѣ. Такъ напр., чѣмъ инымъ, кромѣ злобнаго самолюбія, можно объяснить слѣдующій недостойный памфлетъ автора, озаглавленный имъ «Велыкому кныжныкови про дешеву премію его имени» (стр. 42—43)? Считаю нужнымъ напомнить читателямъ нѣкоторыя обстоятельства временъ давнихъ. Въ началѣ 60-хъ годовъ, какъ извѣстно, въ журналѣ «Основа» было объявлено о сборѣ пожертвованій на составленіе средствъ для изданія народныхъ малорусскихъ книгъ, при чемъ средства эти направлялись къ Н. И. Костомарову. Въ каждомъ почти номерѣ «Основы» печатался отчетъ о поступившихъ пожертвованіяхъ. Собрался капиталъ тысячъ около 4-хъ, а между тѣмъ по измѣнившимся обстоятельствамъ цѣль и начинаніе собравшихся средствъ не могли быть осуществлены. И вотъ Н. И. Костомаровъ, какъ хранитель этихъ капиталовъ, рѣшилъ завѣщать всю собранную сумму въ академію наукъ, въ видѣ преміи за лучшій малорусскій словарь. Можно ли судить Н. И. Костомарова за такое рѣшеніе? Да и что можно было иное предложить ему въ видѣ совѣта? А

---

[1]) Кстати сказать и новѣйшая статья его въ „Русскомъ Обозрѣніи“ подъ заглавіемъ „Украинскіе козаки и паны въ двадцатилѣтіе передъ бунтомъ Богдана Хмельницкаго“, написана въ томъ же тонѣ.

между тѣмъ теперь, когда давно ужъ нѣтъ завѣщателя въ живыхъ, П. А. Кулишъ нашелъ возможнымъ злобный укоръ кинуть по адресу Н. И. Костомарова. Не перепечатывая всего стихотворенія, мы ограничимся тѣмъ, что приведемъ только заключительный куплетъ, который стоитъ послѣ указанія того, какъ «лукавый пысьменнык» (Костомаровъ) собранныя деньги якобы «занапастывъ на божевильне дило».

Брящай, дзвоны, пысьменныку лукавый:
Бо намъ (речешъ) ничого бильшъ не треба.
Сподобывсь и въ самому пекли славы,
Прыймы-жъ печать клятьбы святои зъ неба.

Прочитавъ такое недостойное поэзіи стихотвореніе, искренно пожалѣешь, что у автора есть даръ писательства, т. к., конечно, это не поэзія, а неблаговидный пріемъ сведенія счетовъ съ врагами.

Тутъ-же рядомъ находимъ и еще нѣсколько стихотвореній направленныхъ противъ упомянутыхъ личностей, а особенно противъ, Д. Л. Мордовцева, написавшаго остроумный свой отвѣтъ на «Крашанку» г. Кулиша подъ заглавіемъ «За крашанку пысанка» и подписавшагося *Слипченкомъ* [1]). Этотъ отвѣтъ и вызвалъ стихотвореніе г. Кулиша. «Слипченкови», которое заканчивается такимъ перломъ поэзіи:

Калики розумомъ, стыдовыще природы!
Про волю крычите, цураетесь свободы.
За деспотство съ панивъ лупыты рады шкуру,
И волну грызете, мовъ пацюки, бандуру. (стр. 46—47).

Въ этомъ стихотвореніи хотя и меньше замѣчается тотъ озлобленный, неприличный тонъ, которымъ исполнено раньше приведенное, но все таки и здѣсь огонь поэзіи отсутствуетъ. Немножко замѣчается этотъ огонекъ въ третьей пьесѣ, баснѣ «Свыня та цуцыкъ», хотя и тутъ личный элементъ играетъ первую роль. Дѣло въ томъ, что, какъ было сказано, Н. И. Костомаровъ и Д. Л. Мордовцевъ отозвались неблагопріятно о новомъ творчествѣ г. Кулиша въ его «Хуторной поэзіи» и «Крашанкѣ». За этотъ отзывъ и мститъ авторъ своимъ критикамъ басней «Свыня та Цуцыкъ». Въ этой баснѣ, хотя подкладка ея и очень неприглядная, нѣтъ по крайней мѣрѣ того злобнаго начала въ непоэтической формѣ, ко-

[1]) Д. Л. Мордавцевъ и теперь по поводу названной статьи г. Кулиша въ„ Русскомъ Обозрѣніи“ явился съ короткой но очень мѣткой статейкой въ „Новомъ Времени“ (1895 г., 6-го февраля) подъ заглавіемъ „Въ защиту правды“.

тораго исполнены первыя два стихотворенія; тутъ хоть до извѣстной степени выглядываетъ поэзія въ добродушно-сатирической формѣ піесы; хотя человѣчество, конечно, ничего не потеряло-бы, если-бы такого творчества и совсѣмъ не было. А вѣдь въ данной книгѣ далеко дѣло не ограничивается только піесами въ родѣ вышеприведенныхъ: здѣсь можно найти цѣлый рядъ стихотворной публицистики, очень и очень опредѣленнаго характера, о которой мы не будемъ распространяться теперь, т. к. это привело бы насъ къ необходимости подробно останавливаться на идеяхъ г. Кулиша и дѣлать имъ критическую оцѣнку, отъ чего мы сразу отказались.

Впрочемъ, въ этой-же книгѣ, какъ оазисы, попадаются истинные перлы поэзіи, такіе чистые, трогающіе за душу, что и не вѣришь, читая ихъ, будто это есть произведеніе того-же автора, творчество той-же самой мысли и того-же самаго сердца, которыя за нѣсколько секундъ передъ этимъ въ душѣ вашей вызвали чувство гадливости. Одинъ изъ этихъ перловъ, созданныхъ тоже на почвѣ субъективизма, но субъективизма иного порядка, написанъ по адресу старухи жены и носитъ названіе: «Чоломъ доземный моій-же таки знаній». Тонъ этого стихотворенія замѣчателхно нѣжный, лирическій, а между тѣмъ достаточно сказать, что эта чистая лирика по адресу престарѣлаго друга-жены пишется человѣкомъ совсѣмъ ужъ на склонѣ жизни, когда поэзія любви отходитъ на второй планъ, уступая мѣсто спокойно-философскому размышленію.

В. Науменко.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія изданія:

I.

1. **Чайченко (Гринченко).** Батько та дочка. Оповидання. Цина 5 коп.
2. **Чайченко (Гринченко).** Пидпалъ.— Панько. Два оповидання. Цина 3 коп.
3. **Чайченко (Гринченко).** Робинзонъ. Цина 10 коп.
4. **Жыви струны.** Збирка писень. Цина 12 коп.
5. **Коцюбынськый.** Пятызлотныкъ. Опов. Цина 3 коп.
6. **Коцюбынськый.** Харытя.—Ялынка.—Маненькый гришныкъ.—Тры оповидання. Цина 5 коп.
7. **Вирна пара та инше.** Оповидання та вирши Г. Барвинокъ, Е. Гребинкы, М. Вовчка, М. Костомарова, П. Кузьменка, Л. Боровыковськогo. Цина 8 коп.
8. **Гордіенко.** Кумъ—ханъ.—Прыгода у повидь.—Петро Мирошныченко.—Тры оповидання. Цина 3 коп.
9. **А. Т . . .** Добра душа. Оповидання. Цина 5 коп.
10. **Шевченко.** Катерына. Цина 3 коп.
11. **Чорноморци у неволи.**—Якъ чоловикъ конемъ бувъ,—Уласъ Павленко.—Тры оповидання. Цина 5 коп
12. **Гринченко (Чайченко).** Байкы. Цина 15 коп.
13. **Гринченко. (Чайченко).** Неймовирный. Драма 5 дій. Ц. 10 коп., а на лучшей бумагѣ 15 коп.
14. **Загирня.** Добра порада. Оповидання. Цина 5 коп.

Выписывающіе отъ издателя Бориса Дмитріевича Гринченко изъ Чернигова не менѣе 50 экземпляровъ этихъ книгъ пользуются уступкой въ 50% (пересылка на счетъ покупателя).

II.

1. Б. Д. Гринченко. (В. Чайченко). Пісни та думы. Книжка перша и друга. У Чернигови, 1895. Цина 50 коп.

2 Гринченко Б. Д. Этнографическіе матеріалы, собранные въ черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ. Вып. I-й. Сказки и разсказы. Черниговъ 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Выписывающіе отъ автора изъ Чернигова не платятъ за пересылку, а для выписывающихъ не менѣе 10 экземпляровъ—25% уступки.

Комитетъ по присужденію премій, учрежденныхъ Харьковскимъ Земельнымъ Банкомъ при **Императорскомъ** Харьковскомъ Университетѣ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, объявляетъ, что на основаніи Высочайше утвержденнаго 1-мая 1894 года положенія, назначеніе названныхъ премій имѣетъ цѣлію содѣйствовать изученію экономическаго состоянія части Россіи въ составѣ губерній: Харьковской, Воронежской, Курской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и области войска Донского, а также и другихъ сторонъ народной жизни въ связи съ экономическимъ положеніемъ данной мѣстности. Преміи—одна въ 1000 рублей и двѣ по 500 рублей—присуждаются одинъ разъ въ три года. Первое присужденіе этихъ премій состоится въ началѣ февраля 1898 г., въ виду этого сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ Комитетъ не позже 19-го февраля 1897 года.

Сочиненія, представляемыя на конкурсъ, могутъ быть печатныя и писанныя. Первыя должны присылаться въ пяти экземплярахъ, а вторыя въ двухъ экземплярахъ. Кромѣ того, на конкурсъ допускаются только сочиненія, прежде нигдѣ непремированныя и вышедшія въ свѣтъ не раньше 1894 года (§ 11 положенія о преміяхъ).

Авторы, желающіе представить свои сочиненія для соисканія премій, благоволятъ присылать ихъ по адресу: **г. Харьковъ, Университетъ, въ Комитетъ по присужденію премій въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II.**

Подробныя условія, которымъ должны отвѣчать премируемыя сочиненія, см. въ подлинномъ положеніи о преміяхъ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, экземпляры котораго по требованію заинтересованныхъ лицъ высылаются немедленно предсѣдателемъ Комитета.

мана, у которого и обѣдалисмо, и по обѣдѣ я просидѣлъ у п. Михайла зъ п. полковникомъ лубенскимъ, а повернувшись у вечеру домой, просидѣлъ доволно зъ Федоромъ Чуйкевичемъ.

Вовтор. 2. Сей день былъ подобній прежнимъ, хмаренъ, мокроватъ и вѣтрянъ, ночъ такъже хмарна и мокроватого воздуха. Принималемъ пѣлули главніе отъ доктора Бока и имѣлъ доволно ляксацѣй и одинъ вомѣтъ.

Середа. 3. День былъ уже, якоби отмѣнного воздуха, на сухость перемѣняючогося и холоднешого, хмарній и безъ вѣтру, такова жъ и ночъ. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ до п. Петра Апостола, пол. луб., на Бѣлополовку, где съ нимъ и съ п. Михайломъ просидѣли до полночи у ломбаръ играючи, зъ проиграшемъ моимъ 40 а. Писали отъ род. и отъ насъ листи до отца ігумена Петропавловского и до архіерея Кіевского о непереводѣ ігумени Глуховской у монастиръ Гамалѣевскій.

Четвер. 4. День былъ хмаренъ, вѣтрянъ, мокроватъ и зъ маленкимъ морозцемъ, ночъ также хмарна, вѣтряна, безъ морозу. Обѣдалъ я сегодня у гетманскомъ дворѣ, отколь зъ п. пол. луб. и п. Михайломъ ездили до коменданта Кишкина, а оттоль до п. Петра зъ которимъ, тако жъ зъ п. Михайломъ и Холодовичемъ, играли у карти безъ проиграшу моего.

Пятокъ. 5. День былъ хмарній, мокрій, подобній прежнимъ зъ дощикомъ и ночъ такова жъ. Зъ Сухоносовки привезено: вовни перервинской, старой бѣлой, рунъ 225, ягнячой 103, да криворудской ягнячой 150, сукна валеного локоть 60, масла криворудского фаска, тютюну папушъ 758, хмѣлю лантухъ и мѣховъ 4, мясо зъ 7 кабановъ, ковбасъ 35, ка... на конѣ 13. Зъ Крисіокъ привезено салъ 15, малихъ 4. Въ Криски, черезъ подводи крисковскіе, послали жита четвертей 18 на 9 подводахъ. Въ Тулиголови на сварковскихъ 16 подводахъ послали жита четвертей 32.

Крещеніе. Субота. 6. День былъ подобній вчорайшему и ночъ, а къ свѣту морозецъ. По отправѣ церемонѣи, былъ банкетъ у гетмана, где били генералъ, такъже Алексѣй Іван. Панѣнъ и многіе, и подпіяхомъ.

Неделя. 7. День билъ подобній прежнимъ во всемъ, о полднѣ мокро, такова жъ и ночъ, и къ свѣту морозъ, а въ ночѣ вѣтеръ. Билъ банкетъ у генерала и подпіяхомъ, где п. Михайло, подпилій барзо зъ генераломъ, уступилъ въ ссору зъ протчими пянственную, для чего и отехалъ скоро, а мы позабавились долго и отехали зъ п. полков. луб.

Понедел. 8. День былъ прежнимъ во всемъ подобенъ, то есть зранку морозъ, да зверхъ того маленкій снѣжокъ, о полднѣ роставало, хмарно и почасти вѣтряно, ночъ такъже хмарна и къ свѣту морозець. Обѣдалисмо въ дому зъ родителми, а по обѣдѣ ездилемъ до п. Михайла, оттоль до генерала, где играли у ломбаръ съ нимъ и съ п. Петромъ, зъ виграшомъ моимъ 82 к. и вечерали. Вѣжевскій четверть жита купилъ. Климъ пѣщанскій пріехалъ въ Глуховъ зъ лубенского полку и обявилъ, что слобожанъ криворудскихъ принялъ къ футору во владѣніе.

Вовтор. 9. День зъ ранку зъ морозомъ, а потомъ подобній прежнимъ, такова жъ и ночъ. 3 куеи гор. послани черезъ сухоносовцевъ до Сухоносовки, зъ которой старостѣ велено одну куеу отослать въ Перервинцѣ, а другую въ слободку Кривор. и третую туда жъ, и денги старостѣ потреб. на роздачу на сѣно роздавать, а сухонос. держать въ целости, а въ онихъ куеахъ носат. тулиг. старихъ 14 и квартъ 58, а во всякой зъ нихъ въ первой....

Середа. 10. Подалъ я п. Петру, пол. луб., указъ гетманскій о сиску въ судъ полковий луб. Василенка Семена и учиненню справедливости съ него за побой старости моего перервинского. Обѣдалъ я у столу гетманского, откуду заездилъ до генерала, где зъ генераломъ маіоромъ Алексѣемъ Ивановичемъ Панѣнимъ, отехавщимъ сегодня зъ Глухова въ Москву, простился. День былъ зъ снѣгомъ и метелицею до ночи, а въ ночѣ пересталъ снѣгъ ити и хмарно стало и тихо.

Четвер. 11. День тихъ зъ доволно нашедшимъ вчора снѣгомъ, ночъ тожъ тиха, хмарна и помѣрного холоду. Дворникъ калюжнов, привезлъ вѣдомость, что гречки всипали у яму двома рази четверичковъ 483. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ пріездилъ ко мнѣ

п. Михайло и сотникъ воронѣжскій Холодовичъ, зъ которими на Бѣлополовку ездилемъ до п. пол. луб., где играли у панфиля, зъ проиграшомъ моимъ 70 к. Тютюнникъ гамалѣевскій отправленъ зъ листомъ до Алексѣя, чтобъ ему дать 2 р. 50 к., чтобъ Алексѣй 2 куѳи гор. принялъ отъ п. Марка, чтобъ грошей за такую всю гор. принятихъ не тратилъ, чтобъ пасѣчника сюда, сискавъ, зъ пшеномъ вислалъ.

Пятокъ. 12. День билъ зъ силною метелицею, отчего снѣгу прибавилось много, а потомъ снѣгъ пересталъ, однако жъ зъ растворенiемъ воздуха, ночъ хмарна, тиха и мѣрного воздуха. Климъ пѣщанскій отобралъ отъ грека Iотія за вино потрете 10 р., а Вѣжевскій отъ Грицка Тихого, шинкара тулиг., отобралъ должнихъ 8 р., а 6 р. и 33 к. еще виноватъ. Купили сегодня жита полъ 5 четверика, Вѣжевскій платилъ. Вѣжевскому сегодня далемъ отъ Тихого принятихъ и отъ себе, всѣхъ 11 р., на жито. Бралъ пилули и доволно имѣлъ операцѣй, а пѣлули доктора Библова.

Субота. 13. День былъ хмарній, вѣтряний, воздуха середнего и хлада, ночъ такъ же хмарна, тиха и почасти холодновата. Были у насъ Михайло Турковскій писаръ енералний, да обозний стародубовскій Есимонтовскій зъ сыномъ своимъ Степаномъ, за которого приговорили дочъ мою Анну и хустки она отъ себе сватамъ подавала, обѣдали у насъ и подпiяхомъ. У Iвановни отобралъ я 25 р. 80 к., проценту за прошлій годъ.

Неделя. 14. День былъ хмарний зъ морозцемъ и холодноватъ, а потомъ до вечора снѣгъ ишолъ, ночъ тиха, хмарна и холодновата. Банкетъ билъ у насъ на зговоринахъ, гетманъ зъ гетмановою и генералъ зъ генералшею, п. Петро и многiе гостѣ и подпiяхомъ. Крисковци зъ оболонскими, подводъ 34, привезли часть будинку розлетского и склали въ Сварковѣ. Отвезли въ Криски 18 четвертей жита.

Понедел. 15. День былъ сперва хмаренъ, тихъ зъ отлигою, а зъ полдня вдругъ учинилась перемѣна, вѣтерь силний зъ метелицею и дожчъ, а потомъ морозъ силний, а къ вечору жестокій, ночъ ясна зъ вѣтромъ и жесточайшимъ, и якоби впервое сеей зими толь

силнимъ морозомъ и потому съ прежнего воздуха состоянія на стужу здѣлалась перемѣна. Былисмо—матка, жена, сватъ обозний стар. и нареченний зять нашъ Степанъ, сынъ его, у гетмана и обѣдали, а по обѣдѣ повернулемся домой и нигде не бывалъ.

Вовтор. 16. День былъ свѣтлій, тихій зъ жесточайшимъ морозомъ, ночъ такова жъ. Рано ездилисмо зъ род. до генерала и оттоль до п. писара енер., где билъ банкетъ и били гетманъ, генералъ и проч., и подпіяхомъ; оттоль заходилъ я до п. пол. луб. и играли съ нимъ и п. Михайломъ и Холодовичемъ, и Валиевичемъ въ карти, зъ виграшомъ 1 р. Дворникъ калюжновскій подалъ вѣдомость: гречки пріему вимолоченой, четверичковъ московскихъ 657, зъ якого числа молотникамъ отойшло 43, въ росходѣ тамошнемъ 59, въ яму усипалъ 483, а на версѣ есть 72, а самой гречки копъ зъ поля знято 303 и пол. Писалъ я до швакгра п. Якова Полуботка, обявляючи о зговоринахъ нашихъ.

Середа. 17. День и ночъ таковіе были, якъ и прежніе, зъ жесточайшимъ морозомъ. Обѣдалисмо въ дому и съ нами сватъ, обозний Есимонтовскій зъ сыномъ Стефаномъ, а родитель у гетманского столу, где зъ Радищевимъ простился.

Четвер. 18. День и ночъ были подобніе прежнимъ зъ жесточайшимъ морозомъ. Банкетъ билъ у Радищева для его именинъ, а я зъ женою обѣдалъ въ дому и съ нами и зять, которіе сегодня и отехали.

Пятокъ 19. День и ночъ подобніе были во всемъ прежнимъ и зъ жестокимъ морозомъ. Банкетъ былъ у гетмана и подпіяхомъ многіе ради возшествія на престолъ, и оттоль у генерала долго просидѣли; п. Петро, п. Михайло и я играли у карти, зъ проиграшомъ 1 р. 41 к. Вѣжевскій купилъ жита 9 четвериковъ. Климъ зъ денегъ 10 р. имѣючихся у него, далъ Івану Кучеровскому 5 р. за дрикганта, а еще 5 р. доводится ему. Вѣжевскому далъ я цѣпковихъ рубліовиковъ 20 на жито.

Субота. 20. Вѣтряний день и хмарній, ночъ зъ метелицею и жестокимъ вѣтромъ и стужею. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ жена зъ дѣтми поехали въ Новгородокъ, а я ездилъ до п. Петра, где играли у карти зъ виграшомъ моимъ 1 р. 20 к.

Неделя. 21. День и ночъ были зъ жестокимъ вѣтромъ полунощнимъ, отъ которого стужа въ жестокости усугубилась и умножилась такъ, что еще такъ лютого морозу не бывало доселѣ, что зъ людей, черезъ короткій, часъ лице, носъ и прочее отморожували. Были родитель и я у церквѣ генералской, а по службѣ у генерала обѣдалъ я, а у вечеру ездилъ до п. Михайла и съ нимъ до п. Петра, зъ которимъ и съ Валкевичемъ играли у карти, зъ проиграшомъ 30 к. Чаю и сахару лiодового по жестянцѣ наложилъ.

Понеделокъ. 22. День былъ зъ метелицею и зъ вѣтромъ и со жесточайшимъ морозомъ, подобнимъ вчорайшому, а съ полудня стало помалу утихать и къ вечору отъ той лютости отдало, ночъ свѣтла зъ меншимъ вѣтромъ и зъ жестокимъ морозомъ, толко жъ полегшимъ прежнего. Обѣдалъ я въ дому зъ маткою, а родитель у генерала; по обѣдѣ пріехали ко мнѣ Валкевичъ и п. Михайло, зъ которими до п. пол. луб. ездилемъ и до полночи игралъ въ карти, зъ проиграшомъ 2 р. 30 к.

Вовтор. 23. День былъ зъ холоднимъ морозомъ, хмарній таково жъ и ночъ. Подалъ я гетману двѣ суплѣки, одну о скупляхъ посторонніхъ въ Крискахъ, а другую на Кодинця, сотника лукомского, о постройки имъ млина и футора на Кривой Рудѣ. Обѣдалъ я у гетманского столу, такъ же протчіе и родитель, а по обѣдѣ заездили до атамана глуховского и подпіяли для веселного его акту зъ дочерю Кандиби, въ Конотопѣ совершившогося; оттоль заездилъ до Борзни и тамъ посидѣвши, пріехалъ въ домъ свой.

Середа. 24. День былъ и ночъ хмарніе, отчасти вѣтряніе и незбытъ холоднiе, растворенного почасти теплотою воздуха. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилъ до п. Борзни и п. Михайла, гдѣ съ нимъ, зъ п. пол. луб. и Покорскимъ играли у карти. До тулиг. винницѣ черезъ сварковціовъ послали жита четвертей 20. До Крисiокъ послали жита четвертей 19. Стар. крис. привезлъ, за штаметъ недобраннихъ, 15 р. 35 к.

Четвер. 25. День былъ и ночъ подобніе вчорайшимъ, хмарніе, тепловатіе. Обрученіе чинилось канцеляристѣ Юркевичу зъ свойствен-

ною гетмановой, для чего былъ банкетъ и мы были у столу гетманского и подпіяхомъ. Князь Шаховскій зъ С. П. Бурху пріехалъ въ Суми, откуду писалъ къ гетману о присилкѣ къ себѣ лѣкара и объ устроеніи почти на перевозку писемъ, для корреспонденцѣи.

Пятокъ. 26. День былъ сперва хмаренъ, потомъ свѣтелъ, а посля знову хмаренъ, ночъ хмарна зъ густимъ вѣтромъ, до мокроти склоннимъ. Кровь пускалъ мнѣ лѣкарь Боковъ зъ ноги, зъ плѣски доволно ишло. На торгу купилъ жита Вѣжевский четвериковъ 9 и 2 осмухи. Зъ Сухоносовки пріехалъ Семенъ паламаръ и привезлъ денги 40 р. за сиръ и масло, въ Кіевѣ взятое.

Субота. 27. День былъ хмарній, вѣтряний зъ дощикомъ, ночъ зъ вѣтромъ и морозомъ, знову перемена воздуха. Рано Федора, стрелця перервинского, сынъ отправленъ и 5 р. съ нимъ послани для куплѣ сѣна или соломи и чтобъ Крутень поехалъ въ Короваи за сѣномъ, такъ же староста судомъ или миромъ расправлялся зъ Ковтуненкомъ. Ищисляли сколко купилось всего жита и показалось: въ запискахъ Вѣжевского и Тараса, въ куплѣ четвериковъ 67, 5 осмухъ и полъ осмухи. Зговорили мы брата Івана на дочерѣ Ломиковской Настѣ къ супружеству, старости били хоружій енер. Горленко, да дядя п. Федоръ.

Неделя. 28. Праздновали день тезоименитства ея величества и подпивали у енерала, а я зъ женою и прочіе у гетманского столу, ради учинившогося сегодня брату моему обрученія на зговоренной невѣстѣ. День былъ съ снѣгомъ, холодний, и ночъ хмарна и холодна.

Понедел. 29. День былъ хмарній зъ снѣжкомъ и холодній, ночъ хмарна, а холодна и тиха. Рано была у насъ гетманова, сваха Ломиковская, Горленко, да п. Петръ, пол. луб., и водки випивши, отехали, а мы въ дому обѣдали зъ родителми и съ нами енер. хоружій и дядя. Отправленъ тютюнникъ въ Тулиг., а оттоль зъ трома куеами гор. въ Кіевъ до Турнавіота для продажи, а отъ куеи заплачени имъ деньги по 8 зол. до Кіева.

Вовтор. 30. День былъ хмарній и холодний, зъ силною зверху метелицею до полдня, а посля полдня и до вечора безъ снѣгу, однакъ зъ холодомъ, ночъ хмарна зъ малимъ вѣтромъ холодна. Матка отехала

въ Роменъ и при ней братъ Лука, а родитель опровожаючи, поехалъ въ Камень, а мы обѣдали зъ тіоткою п. Кондзеровскою и зъ новопріехавшими швакгромъ п. Яковомъ Полуботкомъ и зъ сестрою Войцеховичовою и сынами ея; а по обѣдѣ былъ у насъ Пасекъ изъ женою, до которого после ми ездили. Вѣжевскій пріехалъ зъ Тулиг. и привезлъ вѣдомость отправленной гор. 3-хъ куеъ въ Кіевъ, а именно: въ 1 куфѣ гор. простой нос. 7, квартъ 32, а двойной носатка 1, квартъ 31, въ 2) куфѣ простой нос. 6, и квартъ 89, двойной носатка 1, квартъ 52, въ 3) куфѣ прос. нос. 7, квартъ 8, двойной нос. 1, квартъ 52, всего простой гор. нос. 21 и квартъ 14, а двойной нос. 4 квартъ 20 Всего простой и двойной нос. 25 и квартъ 34, а на оковитую пойшло простой гор. нос. 9.

Середа. 31. День былъ хмарній, холодній, тихій и ночъ такова жъ, швакгеръ мой Андрей Полуботокъ пріехалъ зъ С. П. Бурха въ Глуховъ, у котораго я рано былъ, а оттоль ездилъ въ гетманскій дворъ, где и обѣдалъ, а по обѣдѣ ездилъ до суддѣ енер. Борзни, оттоль до двора гетманского повидѣтись зъ п. Михайломъ, братомъ, пріехавшимъ зъ Сумъ отъ князя Шаховского, а оттоль позванъ до енерала Нарѣшкина, съ которимъ и съ п. Петромъ, пол. луб., игралъ у ліомбаръ, зъ проиграшомъ 35 к. Алексѣй пишетъ зъ футора Артополотского Гамал., что роздалъ онъ 10 р. на сотнѣ косарамъ откошивать. Панъ Михайло Скоропадскій привезлъ зъ собою два манѣфеста, въ якой силѣ прошлого году въ слободскихъ полковъ была перепись и прибитіе нинѣшное въ Суми князя Шаховского. (*Слѣдуетъ текстъ манифестовъ*).

М—ць февраль. Четвер. 1. День былъ хмарній зъ вѣтромъ восточнимъ силнимъ и по мѣрѣ холодний, ночъ такова жъ, толко жъ зъ вѣтромъ силнѣйшимъ. Обѣдалъ я сегодня въ дому и со мною дядя п. Федоръ и Дмитро Кисиленко, и Іванъ Войцеховичъ, а по обѣдѣ ездилъ до п. Петра, пол. луб., съ которимъ и зъ генераломъ Нарѣшкинимъ, туда пріехавшимъ и п. Михайломъ, игралъ у кадрилѣю, безъ проиграшу.

Пятокъ. 2. День былъ хмарній зъ растворенним воздухомъ и ночъ такова жъ. Обѣдалъ я въ дому, а у вечерѣ ездилъ до

швакгровъ своихъ и съ п. Андрѣемъ простился, которій ноччю и отехалъ въ домъ свой. Полков. миргор. Павелъ Апостолъ, женившійся прошлой неделѣ на дочерѣ столника смоленского Енделярта въ Смоленску, пріехалъ.

Субота. 3. День билъ свѣтлій почасти, а особливо у вечеру, растворенъ воздухъ и тепловатъ, зъ теччю зъ срѣхъ, ночъ свѣтла, тиха и тепловата, а къ свѣту морозъ. Праздновали тезоименитство ея величества и подпіяхомъ у столу гетманского. Швакгеръ п. Яковъ и п. Войцеховичева отехали.

Неделя. 4. День былъ хмарній, почасти тихій зъ отлигою, что въ день и дощикъ ишолъ, ночъ сперва вияснилась, а потомъ хмарна, къ свѣту зъ туманомъ и морозомъ. Обѣдалисмо зъ род. и Заборовскимъ, зъ женою вь дому, а по обѣдѣ ездилъ до п. Михайла, где зъ Ханенкомъ, судіею полковимъ стародубовскимъ, теперъ зъ С. П. Бурху повернувшимся, видѣлся и повидѣвшись, домой повернулся, и вечерали вкупѣ домашніе. Трусевичъ, слуга гетманскій, повернувшійся зъ Москви, привезлъ мнѣ писмо отъ сестри Уляни Івановни и чаю зъ полфунта доброго.

Постъ вел. Понедел. 5. День зъ ранку туманний, але холодний, потомъ свѣтлій, безъ великой стужи, ночъ хмарна, вѣтряна восточнимъ вѣтромъ, къ свѣту зъ морозцемъ. Розмѣру зъ млина ясманского привезено: жита четверичковъ 7.

Вовтор. 6. День былъ хмарній, зъ отлигою, подобною вчорайшой, къ вечору и въ ночѣ зъ морозцемъ, а особливо къ свѣту и зъ невеликимъ снѣжкомъ. Ханенко суддя подалъ мнѣ купленніе картузовъ табаку два, да одинъ кручений кругло, а рапе—носовой стовпикъ. Ездилъ я въ городъ до гетманского двора, а оттоль на Бѣлополовку, где видѣлъ я трактатъ чили ратифѣкацѣю прошлого 1732 году въ генвар. мѣсяцѣ въ Гиляни въ Ращѣ учиненную полномощними минѣстрами отъ россійской сторони: генераломъ аншефомъ Левашевимъ, да штатскимъ дѣйствителнимъ совѣтникомъ бароном Шафѣровымъ, вѣчного мира зъ Персѣею, гдѣ между другими пунктами то выражено, чтобъ въ Персѣю уступить по Куру рѣку всѣхъ провинцей и чтобъ купечеству россійскому торговать въ Персѣи безпошлино.

Середа. 7. День былъ почасти хмарній и почасти свѣтлій, зъ таляніемъ снѣга веснянимъ, ночъ свѣтла, тиха и маленко холодновата къ свѣту. У вечеру ездилемъ до п. Петра, пол. луб., которій отездъ свой отложилъ надалѣй, ради приключившойся женѣ его болѣзни. Бѣлополовціовъ уговорили въ подводу подъ 9 куеъ гор. до Гадяча, по 1 р., и до Полтави по 1 р. и 50 к.

Четвер. 8. День былъ и ночъ весма сходніе вчорайшимъ. Послалъ писма въ Роменъ до родителки зъ поздравленіемъ, до брата Семена тако жъ, до Несторовича, чтобъ позволилъ меду и пива въ ліодовнѣ его поставить, до Алексѣйця—о звареню пива, о куплѣ и звареню меду, о навозѣ ліоду въ ліодовню Несторовича, где и напитокъ поставить, до п. Марка о споможенню.

Пятокъ. 9. День былъ свѣтелъ и тепловатъ, подобній вчорайшому и ночъ свѣтла и хмарна, а къ свѣту морозець. Дали 6 пуд. безъ 4-хъ фунтовъ мѣди, котляру гетманскому, на казанъ броварній робить, а срокъ за 3 неделѣ положенъ.

Суббота. 10. День сей билъ хмаренъ зъ густимъ вѣтромъ полуденнимъ, ночъ такова жъ зъ жесточайшимъ вѣтромъ. Приобщались мы зъ родителемъ пресвятимъ тайнамъ, съ женою и, дѣтми у церквѣ святого Михаила. Обѣдали въ дому, у вечеру билъ я у п. Михайла, а потомъ билъ у мене п. Петро, пол. луб., и посидѣвши, отехалъ домой.

Неделя. 11. День былъ хмарній, вѣтряний зъ снѣгомъ мокримъ и дощикомъ до вечора, у вечеру такъ же, ночъ такова жъ, только отъ полночи морозець показался, зъ снѣжкомъ къ свѣту. Были родитель и я у генерала и гетмана, обѣдалъ я у генерала и играли у карти зъ проиграшомъ 7 к.

Понедел. 12. День былъ свѣтлій и ночъ такова жъ, а къ свѣту морозець. Были у генерала и обѣдали род., я, п. Петро и п. Михайло и проч. и подпіяхомъ, а после играли у кадрилѣю зъ проиграшомъ 52 к.

Вовтор. 13. День и ночъ подобніе прежнимъ, вчорайшимъ, зъ таляніемъ снѣгу. Въ Тулиг. отослали овса, Климомъ купленного, 16 четвертей москов. Писалъ я до Каратаева о покупкѣ риби и икри

черезъ Далченка и червонного приложилъ. Отослали до Крисіокъ овса, Климомъ купленного, четвертей 15 и четверичковъ 5. Обѣдалъ я дома, а по обѣдѣ пріездилъ ко мнѣ п. Михайло, зъ которимъ ездилъ до п. Петра и играли у кадрилѣю зъ проиграшомъ 1 р.

Середа. 14. День былъ свѣтлій, теплій, тихій, ночъ такова жъ. Ездилъ я рано до Сваркова и футора, обѣдалъ въ дому, а по обѣдѣ ездилъ до п. пол. луб., зъ которимъ, тако жъ зъ панею его, игралъ, зъ проиграшомъ 50 к.

Четвер. 15. День былъ тепловатъ, мокроватъ зъ знатнимъ снѣгу таяніемъ, и ночъ такова жъ. Рано ездилъ я до п. Михайла, а обѣдалъ у себе зъ род. По обѣдѣ ездилъ на Бѣлополовку до п. Петра Апостола, зъ которимъ, тако жъ зъ п. Михайломъ, игралъ у кадрилѣю, зъ проиграшомъ 22 к. Писалъ я черезъ Трусевича до Каратаева, чтобъ купилъ перцю, имберу, перѣики, закусокъ, гвоздиковъ, корки помаранцовой почасти, и послалъ въ листѣ къ нему дуката въ 22 червоннихъ. Посланъ Демянъ зъ писмами и зъ указомъ гетманскимъ, до полков. чернѣговского, о розиску въ Крискахъ о скупляхъ грунтовъ подданническихъ Ерофѣев. и проч.

Петокъ. 16. День былъ подобній вчорайшому и ночъ зъ таяніемъ снѣгу. Рано отехалъ я зъ Глухова въ Тулиг. и пріехалъ у 3 часа, где и ночовалъ. Зъ 8 четверичковъ жита намелюется четверичковъ 11, а зъ 7 четверичковъ жита, да овса четверичковъ двохъ безъ четверти, намололось у млинѣ четверичковъ 12, а зъ 7 четверичковъ жита, да овса зъ двохъ четверичковъ намололось 13 четверичковъ безъ четверти. У винницѣ—давной горѣлки плохой съ полкуѳи, а при мнѣ вновъ далъ носатокъ 2 новий винникъ Иценко Грицко полвигорной. У млинѣ бутурлимовскомъ скриня повная и 2 полубочки размѣрного жита при мнѣ было и завозу доволно.

Субота. 17. День былъ подобній прежнимъ и ночъ такъ же. Сегодня тутъ въ Тулиг. слухалъ службы Божой и обѣдалъ, а по обѣдѣ позно поехалъ и пріехалъ въ смерку до Глухова. Хлопець рудой явился въ Тулиг., отъ брата п. Марка присланъ и привезлъ листъ, въ которомъ обевляетъ братъ, что меду купилъ Алексѣй и что онъ далъ свой ячмѣнь Алексѣеви на солодъ вимѣнять. Прош-

лого февраля 11-го дня зъ Тулиголовъ виправленъ Михайло Литвиненко въ Полтаву зъ горѣлкою для продажи, которой всей, подправленой: двойною, простой сивухи нос. 90 и квартъ 100, а на подправку перегнали оковитой нос. 11, и квартъ 34, на якую пойшло простой нос. 22 и квартъ 54, итакъ послано оковитой нос. 11 и квартъ 34, а простой 79 нос. и кварт. 66, а всего нос. 90 и квартъ 100, а если оковитую на простую числить, то всеей гор. въ расходѣ тамъ нос. 102. Да назадъ зъ Глухова привезено, для перегону, особливой сивухи куфъ 2, въ которихъ нос. 19 и квартъ 75, зъ якой перегнали оковитой нос. 9, а квартъ 60, якая тамъ и отдана старостѣ; простой отъ перегону осталось квартъ 81 и отдано старостѣ.

Неделя. 18. День былъ хмарній зъ снѣгомъ мокримъ, ночъ такъ же хмарна, зъ маленкимъ къ свѣту морозомъ, тиха. Обѣдалисмо сегодня у гетманского стола, а у вечеру играли у карти, долго въ ночъ, зъ енераломъ, п. Михайло и я, зъ проиграшомъ 54. Пол. луб. п. Петро Апостолъ зъ женою отехали зъ Глухова. Укази зъ С. П. Бурха прислани, одинъ, о правосудіи и неволокитѣ, а другій, о вимѣнюванню сребранихъ копѣекъ на крупніе зъ казни, третій, о витѣсуванню якъ возможно досокъ въ бочкахъ, въ которихъ продаются товари, чтобъ охули въ нихъ черезъ толщину не было.

Понедел. 19. День былъ хмарній зъ таяніемъ снѣгу и ночъ такова жъ. Обѣдалисмо въ дому, а у вечеру ездилъ я до Борзни, сторони сестри своей паней Чернишевой съ чолобитчиками тиницкими о млинѣ ея. Тютюнникъ пріехалъ съ Кіева и привезлъ писмо отъ Тарноліота, что онъ принялъ 3 куеи гор. мосй и мѣтъ продать, и прислалъ онъ мнѣ сюда вина волоского 200 квартъ, по 8 копѣекъ кварта.

Вовтор. 20. День былъ зранку зъ морозомъ, а потомъ зъ отлигою, хмарний, тихій и холодноватий, ночъ холодновата и къ свѣту зъ морозцемъ. Обѣдалисмо зъ род. у гетманского столу и простились, а посля были у генерала и простились на нашъ отездъ отсель въ Суми до кн. Шаховского, толко жъ сегодня не виехали, а отложили род. и я на завтрее.

Середа. 21. День былъ зъ ранку зъ морозцемъ, а середина зъ отлигою, толко холодно, къ вечору стало мерзнуть, ночъ зъ немалимъ морозомъ хмарна, а особливо морозъ къ свѣту явился. Далъ я паний 60 чер., да брату п. Яну 9 червон. на куплю въ Борзну штуки каруну, двохъ габъ, двохъ сафяновъ, оливи, соку. Вѣжевскому далъ я для покупки всякой, жита и на купчіе 5 р. Рано виехали род. и я зъ Глухова и приехали до монастира Петропавловского год. за 3, где и обѣдалисмо, а по обѣдѣ поехали на Ховрувку, оттоль на Новую Слободу и Засулле, у пустинку Софроніеву, где и ночовали.

Четвер. 22. День былъ зранку зъ морозомъ свѣтлій, а посля хмарній, ночъ хмарна, вѣтряна и велми холодна, зъ силнимъ морозцемъ. Зъ пустинки рано поехали и пріехали до Коровайковки села, до Каржи принадлежащого, у милю, и оттоль 2 милю уехавши, черезъ Сеймъ переехавши и уехавши болше милѣ, пріехали до футора тоей же Софроніевой пустинки, где и обѣдали, а по обѣдѣ уехавши миль зъ двѣ, пріехали до Павловки Хоменковой, а потомъ до Павловки Кондратіева села, оттоль черезъ рѣчку Павловку переехавши и уехавши съ милю, пріехали до села Рѣчокъ, где и ночовали у дворѣ сотника тамошнего Рѣчанского. Іотію греку безъ мене жена черезъ Клима дала на вишинкъ вина 60 квартъ, кварта по 20 а., а за моимъ пріездомъ 15 квартъ отобралъ я, а 45 квартъ на немъ.

Пятокъ. 23. День былп ясний, изъ ранку зъ силнимъ морозомъ, потомъ хмарній, ночъ хмарна, тиха и холодна зъ сухимъ морозомъ. Рано зъ Рѣчокъ зъ полъ милѣ уехали и виехали на шляхъ съ Криги до Сумъ идучий, которий зъ полъ третѣ милѣ уехавши, пріехали въ Суми и заразъ до князя, теперъ же передъ нами пріѣхавшого зъ Полтави, зайшли, и у него обѣдали, и у вечеру долго просидѣли, а я заходилъ до Михайла Хрущова, где доволно посидѣлъ.

Субота. 24. День былъ холодний велми, хмарній зъ прориваючимся снѣгомъ, ночъ такъ же хмарна, тиха, але холодна, по прежнему. Сей день пробавили зде въ Сумахъ, обѣдали у князя,

по обѣдѣ ходили до Хрущова и тамъ доволно просидѣвши, повернулись къ князю, откуду позно до своей прійшли квартери.

Неделя. 25. День былъ подобній вчорайшому, хмарній, холодній, ночъ ясна и холодна по прежнему. Сей день такъ же въ Сумахъ пробавили и у князя обѣдали и подпіяхомъ.

Понедел. 26. День былъ зранку зъ силнимъ морозомъ, ясній, тихій, ночъ такъже ясна, тиха и велми холодна, сухого воздуха по прежнему. Пробавили и сей день у Сумахъ, обѣдали съ княгинею, а князь принималъ лѣкарство и не виходилъ зъ своей изби. У вечеру были у князя и простившись съ нимъ, отойшли на свою квартеру, а онъ намъ прислалъ табаку картузного, олѣи орѣховой. Войтъ нѣжинскій Петро Стерѣевичъ зъ Глухова пріехалъ и сказалъ, что полковникъ и комендантъ Кишкинъ зъ Глухова взятъ и повезенъ зъ женою за карауломъ въ Москву, при сержанту гвардіи князю Гагарину присланномъ.

Вовтор. 27. День и ночъ прежнимъ сходніе, свѣтліе зъ вѣтрецомъ полнощнимъ, жестоко холодніе. Рано зъ Сумъ поехалъ род., я и братъ Семенъ, и съ нами Федоръ Куколь-Яснополскій, сотникъ бѣлополскій, чили кризкій, и пріехали до Криги степомъ верстъ 41 отъ Сумъ, где у его въ дому обѣдали и ночевали. Известился я зъ розговору бившого княжого, что душъ мужеска полу у слободскихъ полкахъ и у слободахъ 330 тисячъ и что по 12 шаг. на всякую душу положено, на чомъ и подписались, да чтобъ присяжний билъ дворъ 245 душъ на порцѣю и рацѣю. Король полскій Августъ слишно, что умеръ.

Середа. 28. День и ночъ били сходніе къ прежнимъ, холодніе, ясніе зъ вѣтрецомъ. Рано простился я зъ братомъ Семеномъ у Роменъ поехавшимъ, а я зъ род. поехали, а съ нами въ сопутіи тотъ же Яснополскій, и пріехали на службу до пустинки Молчанской, отстоящой около 25 верстъ отъ Криги, где у старика Неплюева и обѣдали. А по обѣдѣ поехали тимъ же путемъ, якимъ прежде ехали, на слободу монастира Путивлского на берегъ, поузъ Ховрувку и пріехали въ монастиръ Петропавловскій глуховскій, верстъ якъ бы у 20 отстоящій отъ пустинки, гле и ночовали.

М—цъ мартъ. Четвер. 1. День и ночъ были сходніе къ прежнимъ, ясніе, сухіе и збытъ холодніе. Рано зъ монастира Петропавловского поехали и пріехалъ я до футора моего въ полтори милѣ отъ оного отстоящого, а оттоль до Сваркова, а зъ Сваркова до Глухова передъ обѣдомъ, где и обѣдалъ род. и я толко, а жени отехавшой зъ дѣтми въ Тулиг. не засталемъ. Передъ вечеромъ были у генерала Нарѣшкина, такъ же у гетманскомъ дворѣ, у самого гетмана и у п. Михайла, отъ которого позно, смеркомъ, повернулся я въ свой домъ. Писма двѣ отъ стар. крисковского подани, въ которихъ обявляетъ, что въ Новихъ Млинахъ вареного пива 3 бочки послалъ въ Ромонъ, а сюда прислалъ же 6 бочокъ и пол., да прислалъ горшковъ и яблокъ. Пишетъ Алексѣець зъ Ромна, что въ калиновского шинкара за вишикованную куеу гор. взялъ 10 р., а отъ Салогубовского 5 р., за 3 дѣжки меду далъ 10 р. и 3 куеи меду поставилъ въ ліодовнѣ Несторовича, за солодъ 12 зол. и что сѣна еще имѣется у футорѣ Артопол. скиртъ 14. Да получилъ писма отъ свата Есимонтовского, что прислалъ сіомгъ двѣ, такъже мѣноговъ копчонихъ и приливанихъ. Пишетъ стар. сух., что купилъ скирту сѣна у пол. луб. за 12 р., округъ сажней 34 скирта.

Пятокъ. 2. День и ночъ во всемъ прежнимъ подобніе. Повернулись подводчики зъ Гадяча, ходившіи зъ горѣлкою моею и привезли зъ футора Гамалѣевского ячменю четверичковъ 98 московскихъ, проса четверичковъ 19, гречки четверичковъ 19 и пол., пшона четверичковъ 29 и пол. Ездилъ въ городъ и до швакгра моего п. Якова Полуботка. Прикладалъ Бокъ мнѣ везикаторіумъ на шіи для болю очей.

Субота. 3. День и ночъ были прежнимъ и вчорайшимъ во всемъ сходніе. Отправленъ Демянъ въ Криски и въ Чернѣговъ, а дано ему вѣрчую челобитную по дѣлу зъ Ероѳѣемъ и прочіими за скуплѣ грунтовъ, и інструкцѣю, якъ поступать ему и старостѣ по тому дѣлу, и для нуждъ далъ я имъ 2 р. первей, а теперъ червонніхъ два, и писма до полковника Богданова, до судѣ и писара чернѣг. и приказалъ ему, что бъ людей сюда по жито

вислано. Жена пріехала у вечеру зъ Тулиг. и обявила, что тамъ опрочъ куеи гор. оковитой, еще оставили полтори куеи гор. простой. Теперъ въ Тулиг. въ винницѣ дается на кадку жита четверичковъ 7, а овса 2, а солоду житного 1, и горѣлки болшъ половини вигоруетъ. Обѣдалисмо зъ род. въ дому, а по обѣдѣ никуда я не ездилъ.

Неделя. 4. День и ночъ были противъ прежнихъ во всемъ сходніе. Былъ я рано у гетманскомъ дворѣ, обѣдалъ у себе зъ род. и Войцеховичами. У вечеру ездилъ я до генерала и п. Михайла.

Понедел. 5. День зъ ранку былъ противъ прежнихъ ясний и холодній, а потомъ отпустило отъ прежнихъ жестокихъ морозомъ и къ веснѣ склонилось, почому въ день знатне роставало, такъ же и въ ночѣ тепловато, ясно, а къ свѣту морозъ. Вѣжевскому далъ 60 р. на жито и росписался, и купилъ сегодня жита четверичковъ 8. Присилано зъ суду до род., чтобъ ответствовать на челобитте чернѣговскихъ черцовъ о млинѣ тулиголовскомъ.

Вовтор. 6. День былъ свѣтлій, тихій и теплій, зъ знатнимъ таяніемъ, и ночъ такова жъ, свѣтла и тиха, а къ свѣту морозецъ. Сегодня былъ я у дворѣ гетманскомъ и обѣдалъ. Зъ Москви отъ Каратаева получилъ писмо о слабости сестри и присилку осятрини, лосося и полъ-пуда икри. П. Павловой Огіенковой далъ я 6 червонныхъ въ доплатку за прежнюю гор. 15 куеъ, а еще осталось на мнѣ денегъ 8 р. безъ 20 а. Стар. тулиг. дано здѣ Вѣжевскимъ, на росходи тамошніе, 6 р.

Середа. 7. День былъ хмаренъ зъ таяніемъ снѣга, ночъ такъже хмарна, весняная. Рано ездилъ я до суд. енер. по челобиттю чернѣговскихъ черцовъ за млинъ тулиг., оттоль заехалъ у дворъ гетманскій, где и обѣдалъ. У Криски вислано черезъ крисковцевъ дерево и пиво привозившихъ, жита четвертей 39. Боку доктору отослалъ я пива бочокъ 2.

Четвер. 8. День былъ свѣтлій, къ веснѣ склонний. Ночъ свѣтла, тиха и къ свѣту хорошій морозецъ. Янѣшевскій, конюшій, послалъ въ Роменъ и съ нимъ отправлено коней 19, а данъ ему приказъ: 1) коней запровадить туда у футоръ Гамалѣевскій, где

осмотрѣ и проч. въ пунктахъ 15 числомъ и дано ему на дорогу 10 а. Вѣдомость далъ дворникъ калюжновскій росходу овсяного. Въ яму усипали чистого овса 200 четверичковъ, а зъ сверѣпою 200; да Сваркова конямъ четверичковъ 37.

Пятокъ. 9. День былъ хмарній, холодноватій, однако жъ зъ таяніемъ снѣгу, ночъ свѣтла и холоднѣйшая, а къ свѣту и зъ хорошимъ морозомъ. Вѣжевскому далъ я 4 р. да 7 червонихъ на росходи.

Субота. 10. День былъ погодний, але холодний, ночъ такъ же погодна и холоднѣйшая. Пріехалъ Миколай крисковскій зъ Кролевца пруского и привелъ дриданта. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилъ я до п. Михайла, до Синявина и Паска.

Неделя. 11. День былъ хмарній, холодноватъ сперва, а после тепловатъ, ночъ такъ же хмарна и почасти холодновата, а къ свѣту снѣгъ. Матвѣю Карпецѣ заплатилъ я должнихъ денегъ за млинъ сварковскій, 33 р., а еще виноватъ 167 р. Климъ посланъ въ Нѣжинъ за грекомъ Михайломъ должникомъ и червонного далъ ему на проездъ. Обѣдали гетманъ, старшина енер. и я зъ п. Михайломъ у отца Мойсея Богаевского, для родившейся и окрещенной дочери его Настѣ, которой воспріемники били род. и гетманова. По обѣдѣ зъ п. Михайломъ ходили до генерала и играли съ нимъ и съ Василемъ Гуревичемъ у кадрилѣю, зъ проиграшомъ 142 к.

Неделя. 12. День былъ хмарній, вѣтрянъ и холоднова̀тъ, а после оттеплѣлъ. Ночъ хмарна, вѣтряна и холодна, къ свѣту снѣгъ зъ морозомъ. Не ездилъ я никуда, обѣдалисмо въ себе зъ род. и женою и Заруцкою, попадею новгородскою. Кварта новая во всѣ шинки, кромѣ сварковскихъ, уставлена, якихъ квартъ у дворѣ государевомъ 23, а въ носатцѣ новой болшой 111, за якую носатку отвернувши десятину и чоповое, приказалъ Тарасу брать денегъ по 9 зол. зъ алтиномъ.

Вовтор. 13. День былъ вѣтрянъ, холоденъ велми, прежнимъ холодамъ почасти подобний а вѣтеръ полунощній, ночъ еще зъ болшимъ вѣтромъ и холоднѣйшая, хмарніе. Рано ездилъ я до суду енер., где былъ въ допросѣ противъ челобитія епископа чернѣгов.

ангелъ мой, подписалъ; а братъ Григорій Петровичъ Любецкую часть подписалъ же, при свидѣтеляхъ оба. И вчерашняго же дня имъ и мною, въ уѣздномъ Черниговскомъ судѣ сознана уже сія на вѣчніе времена раздѣлка. Благодареніе Всемогущему Творцу, а потомъ и благодѣтельницѣ матерѣ нашей бабушкѣ, виновницѣ нашего благополучія, которой принеси надлежащую признательность, за себя и за меня, и разцѣлуй руки ея, что равномѣрно и самъ я за пріездомъ исполнить долженствую. Теперь же я для того только остаюсь здѣсь, чтобъ выпись изъ суда о нашей вѣчной раздѣлки получить, а притомъ, чтобъ при себѣ отправить управляющаго Григорія Петровича съ нашимъ Гуріемъ для принятія отъ волости Любецкой къ жукотскому хозяйству села Радьковки съ прочими деревнями, мельницами и лѣсами, немало не медля. Никакъ не могу быть къ вамъ, а потому и доведется пріехать вмѣстѣ съ Григоріемъ Григоріевичомъ. Прилагаемой у сего приказъ, какъ можно скорѣе, черезъ Гришку, когда онъ выздоровѣлъ, отправляй въ Савинки, верхомъ на разѣжей лошади, яко о нужнѣйшемъ дѣлѣ: недостатокъ крайній на горѣлку въ Жукоткахъ, то я требую присилки оной, какъ можно скорѣй. Праздникъ ближится, а къ тому же и шинковъ много прибавилось.

Жизніоночокъ мой, Настенька, позабываешь ты на меня, ни слова о себѣ не извѣщаешъ и о дѣткахъ, а я тебя, душечку, просилъ. Жду возвращенія нетерпѣливо сего нарочнаго съ извѣстіемъ о твоемъ благосостояніи; цѣлую тебя, маминьку, безпрерывно мысленно и пару моихъ голубятъ. Твой вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ.

Прилагаемые у сего бумаги въ палату попроси бабушки подписать, такъ точно, какъ я въ запискѣ написалъ форму и другую форму, какъ подписывать свидѣтелямъ, тутъ же прилагаю и подписавъ, при печатяхъ, Бога ради, поспѣшайте прислать сіи бумаги въ слѣдующую неделю на ночь, неотмѣнно. (*1791 г., 18 декабря. Черниговъ*).

64. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька! Нельзя лутче, какъ ты исполнила порученную тебѣ комисію въ расплаткѣ съ Ющенкомъ, и когда дастъ Богъ, то продажа горѣлки нашей доставитъ намъ удовольствіе поквитаться съ нимъ. Когда Ждановичъ не сдѣлалъ помѣты за годъ, то пожалуй душа моя, попроси у Уляни Семеновни, чтобъ она къ ему письмомъ адресовалась, (а у бабушки попроси человѣка послать съ тѣмъ пись-

момъ къ г. Ждановичу), и привезъ бы тотъ человѣкъ отъ Ждановича росписку, что онъ получилъ процентъ за годъ въпередъ.

Слава Богу, у насъ все мирно и спокойно, всѣ бумаги перепискою окончени, дѣлчіе реестры подписаны, Брахловъ нашъ и при немъ мужеска полу 430 душа; братъ взялъ Любечанскую часть и тамъ теперь стало мужеска полу 429 душъ. Я теперь посылаю въ Савинки за перепечайкой и другими подробностями, а тебя, свѣтъ мой, о всемъ увѣдомляя, покорнѣйше прошу приежай сюда десятого числа, яко полная хозяйка въ семъ уголочку, гдѣ ты любезна мужу и полезна будешь дому, и наконецъ, гдѣ все ждетъ твоихъ повелѣній. А при томъ, ангелъ мой, сама знаешъ, что сколько нужно намъ поспѣшать въ Жукотки отъсель, устроя и здѣсь теперь порядокъ; во первыхъ, мы всѣ сегодня, матушка, я и братъ, ѣдемъ въ Стародубъ, яко на ближайшій урядъ, сознать наши раздѣлочніе реестры, и отътоль, какъ можно будетъ поскорѣе поспѣшать. Бабушку, пожалуй, поцѣлуй за меня въ руку. Никакъ болѣе писать нѣкогда. Прощай, душа жизни моей, ангелъ мой, поминутно мисленно тебя цѣлую, Сашечку и Парашу поцѣлуй за меня—а Петруша нашъ началъ кашлять, а особливо ночью почасти, для того то и мы скоро будемъ стараться воротиться, и ты, душа моя, пожалуй, пріежай сюда поскорѣе, чѣмъ утѣшишь преданнѣйшаго тебѣ друга и вѣрнѣйшаго мужа Иванъ Лашкевичъ.

По тройкѣ рядомъ не можно тебѣ ѣхать, а вели Гришкѣ запрягти журавлемъ, а Степка будетъ хвореторомъ. Да рѣкой ради Бога, не хватайсь, здѣлай милость. Безбородко сапожникъ уже здѣсь и проба ему сдѣланна, и прекрасно шьетъ. (*1795 г., 7 января, Брахловъ*).

65. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька! Приехавъ, живу я и остаюсь еще здѣсь на нѣсколько дней въ превеличайшей скукѣ: все тутъ хорошо, всего много, да тебя со мною нѣту, то божусь тебѣ богомъ, ничто и не веселитъ.— Жатва здѣсь, слава Господу, окончена наша и въ гумна ввезенна; въ Жукоткахъ—600 копъ, въ Полуботкахъ 240 копъ, въ Павловкѣ 220 копъ, а всего ржи 1060 копъ. Ярина по сю пору посредственна, по причинѣ суши; но естли пойдутъ дожди, то еще надежда есть къ поправкѣ. Старая четверть жита продается здѣсь 3 р. 20 к, и ожидаютъ низшей цѣны. Въ Иржищѣ (?) жъ было 4 четверти· когда Прокопъ былъ тамъ, однакъ тогда не было новаго хлѣба, а потому опять посылаю въ Иржище провѣдать о крайней цѣнѣ, да

уже тогда и рѣшимся, гдѣ покупать жито. За Десною великой урожай на озимой и яриной хлѣбъ, то и тамъ можно будетъ купить. Я отъсель на малое время ѣду въ Радьковку. По возвращеніи сюда, полагаю выехать къ тебѣ 5-го числа слѣдующаго мѣсяца и буду ожидать, съ превеличайшимъ нетерпѣніемъ, возвращенія отъ тебя сего нарочнаго, съ увѣдомленіемъ о твоемъ всего на свѣтѣ дражайшемъ для меня здравіи, и какъ скоро сей податель ко мнѣ отъ тебя возвратится (коего, пожалуй, не удерживая, отправляй), то я отъ сюда и выеду къ тебѣ въ Брахловъ, хотя и прежде 5-го числа. Сію минуту является, душечка, твое ко мнѣ письмо чрезъ самого того человѣка, что раскольника возилъ и мнѣ прежестоко досадно, что тотъ бездѣльникъ письмо мое, къ тебѣ писанное, удержалъ, въ которомъ я писалъ кое о чемъ нужномъ; для того, когда оное по сю пору ты, ангелъ мой, не получила, то не худо тебѣ послать нарочнаго въ Климову, къ тому плуту Самуся за письмомъ моимъ. Пожалуй, жизнь моя, не оставь увѣдомить о нажонѣ; по сю пору я не сискалъ на горѣлку купца; Силичь свою продалъ въ Чернѣговъ 1000 в., по 1 р. 70 к. Чѣмъ насъ Господь помилуетъ? Не оставъ душечка, справится съ Полтавцемъ, когда срокъ въ Стародубъ отдать Кононову хлѣбъ, братый мной для мужиковъ, и не довѣряясь, сама заглянь въ копію моего облика, которой есть при экономіи. Естли сей податель поспѣетъ на ту пору, когда будутъ у тебя копы возить, то чтобы сей склалъ, хотя одну скирту, по здѣшнему манѣру. Посилаю при семъ сорокъ рублей денегъ на заплату подчинки матушкиной кареты, которую напередъ пусть осмотритъ ея кучеръ Петро и нашъ Иванька, съ коими отправь и писаря въ Солову съ контрактомъ, противъ котораго буде та карета за обозрѣніемъ найдется такъ точно во всемъ подчиненна, какъ сказанно въ контрактѣ, тогда прикажи, душа моя, оную карету взять, а деньги сіи, что слѣдуетъ, заплатить и карету при письмѣ отошли къ матушкѣ, а за ресорами приедетъ со мною каретникъ, которихъ безъ его нѣкому взять, потому что онъ ихъ на передъ долженъ осмотрѣть, кои боюсь, чтобъ такъ не были, какъ колись, спасибо имъ, подчинили, что подъ Полуботками поламались и здѣсь я ее опять прикажу поправлять, и теперь уже надѣюсь крѣпка будетъ. Записку отъ Федора Герасимовича въ твоемъ письмѣ я получилъ и должно объ немъ хорошо думать и поблагодарить, хотя мы и до полученія ея уже послали, но теперь кажется легче на животѣ, знавши, что кажется не попустому Булашевичъ съѣздитъ. Въ Чернѣговѣ новинъ нѣтъ

никакихъ, только дядюшка Иванъ Степановичъ (Леонтовичъ) приказалъ долго жить, а на его мѣсто уже избранъ Ожеговичъ. А Васильевна твоя оплакиваетъ постигшую кончину отъ морозовъ несчастныхъ гирковъ, да съ такою чувствительностью, что только ей одной сродно. А впротчемъ, все слава Богу на огородѣ хорошо, а въ саду на диковину фруктовъ довольно; также и склянковыхъ, а особливо грушъ. Я забылъ тебя при своемъ отъѣздѣ попросить, то теперь пришло на мысль мнѣ: здѣлай милость, ангелъ, естли въ поле или на хуторъ будешъ ѣхать, то всегда при себѣ лакея имѣй, всякои случаи бываютъ въ дорогѣ и нечаяннои, или спужать что можетъ или и другое что, Бога ради, соблюди и исполняй сію мою прозьбу. Посылаю къ матушкѣ письмо, которое буде матушка въ Галагановкѣ, то при своемъ туда аташли. Вѣдомости прикажи прикажчику ко мнѣ не присилать, ибо я самъ надѣюсь непремѣнно быть въ Брахловъ къ 7-му числу слѣдующаго мѣсяца. Посылаю при семъ журналъ мѣсяца апреля, которой очень любопытенъ, а особливо послѣдній въ немъ листочекъ, а тебя, душечка, прошу отискавъ въ Стародубѣ газеты, чрезъ сего неотмѣнно мнѣ прислать, которыя въ дорогѣ для обратного пути будутъ великую кампанію дѣлать, а инако со скуки можно занудиться. Изо всѣхъ дней моего здѣсь прожитія я считаю сей часъ наипріятнѣйшимъ для меня, въ который я съ тобою, жизнь жизни моей, посредствомъ сего переводчика говорю. Находясь долго я въ размышленіи о долгѣ Посудевскому и нехотя уже, и совѣстясь у его просить отъсрочки, а къ тому и не знавъ еще совершенно, гдѣ доведется хлѣбъ покупать, съ покупкой, коего еще можно подождать недѣль пять, а до тѣхъ поръ не дастъ ли Господь Богъ продать горѣлки, и такъ думавши и передумавши всѣ свои обстоятельства, рѣшилъ отдать Посудевскому 1000 р., кои деньги и отослалъ чрезъ управителя сего дня и обликъ нашъ получилъ сей часъ обратно, а Посудевскаго письмо для твоего свѣдѣнія при семъ влагаю. Писать болѣе, ей Богу, рука болитъ, а затѣмъ напоеваясь мысленно удовольствіемъ, цѣлуя тебя поминутно, а ты за меня Петрушу поцѣлуй, когда онъ умникомъ сталъ.—Прощай, жизнь души и жизни моей Настенька. Твой вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій на свѣтѣ другъ Иванъ Лашкевичъ (*1795 г., 21 Іюля, Брахловъ*).

66. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька! Сего мѣсѣца перваго числа я на ночь приехалъ сюда, съ котораго времени по сей день есть довольно и людямъ и мнѣ товкот-

нечи,—плити стоятъ, не шуточки!—Но при томъ я своей ни одной колоди не свалилъ, а кое какъ и обошелся, часть купилъ, а часть позичилъ. Въ байдакъ уже вѣкинуулы 32 бочки, да на одномъ плиту по сей часъ 12, и естли Господь поможетъ, надѣюсь байдакъ отпустить чрезъ три дни, но та бѣда, что вода не подъживаетъ, и подниметъ ли по сей причинѣ байдакъ нашъ всю горѣлку, весьма объ томъ сокрушаюсь, а надежда очень для меня не лестная: въ бытность мою здѣсь прошло народу изъ сорока семи байдаковъ въ домы, бросивши на Днѣпру байдаки, нагруженіе солью, коихъ за малою водою не могли они до Радули и Витки притягнути, чтобъ всѣ тѣ преодолѣть трудности. Берутся мною великія мѣры, дай только Господь помощь, а инако—послѣдняя вѣстъ будетъ горше первой. За присилку булокъ и огурцовъ премного благодарю и, потребованію вашему, посылаю часнику 5 вѣнковъ, да и Нанкину (?) пишу въ Жукотки приказъ, чтобъ былъ купленъ и врученъ бы сему подателю. Я жъ, когда буду къ вамъ, въ Боровичи, не могу заподлинно сказатъ и буду обстоятельнѣе обо всемъ писать изъ Жукотокъ, а теперъ больше нѣкогда. Кубъ вмазанъ, да муки нѣту, такая бѣда, мельници почти молчатъ. М. г—нѣ бабушкѣ, пожалуйста, душа моя, свидѣтельствуй мое глубочайшее почтеніе и дѣтей благослови и поцѣлуй за меня. Учителемъ Петрушѣ непремѣнно буду стараться. Возвращаясь отъ сего черезъ Довжикъ, надѣюсь тамъ узнать о телицахъ, пришли оныя или нѣтъ и непремѣнно тебѣ ихъ куплю. Прощай, ангелъ мой, цѣлую тебя поминутно, мысленно, твой на вѣкъ вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. (*1797 г., 7 октября. Радьювка*)[1]).

Слѣдующее письмо писано Ивану Степановичу Лашкевичу тогдашнимъ кіевскимъ митрополитомъ Іерофеемъ (бывшимъ черниговскимъ архіепископомъ), который, какъ видно, принималъ близкое участіе въ примиреніи отца и тестя съ дочерью и зятемъ.

---

67. Милостивый государь Иванъ Степановичъ! Любя и почитая васъ, не менше и жалѣя, что чрезъ толь долгое время не удостоились лично родительскаго благословенія у Петра Степановича, недавно въ Кіевѣ бывшаго, я сколько могъ склонялъ его сердце къ чистому обращенію къ вамъ. Добрая его душа, какъ мягкой воскъ, все желаемое изобразить на себѣ допустила. О семъ благопріятномъ и радостномъ для меня случаѣ, извѣщая васъ, совѣтую и прошу не

[1]) Село черниговскаго уѣзда, при р. Деснѣ.

теряя времени, съ расположеніемъ истинно сыновскихъ и христіанскихъ сердецъ, поспѣшить, купно съ супругою Настасіей Петровной, въ обятія его, недалѣе, какъ первыхъ числъ слѣдующого ноября. Но прежде прямо должны вы ѣхать въ Лохвицу, къ Ивану Осиповичу Гамалѣи. Онъ будетъ споспѣшествовать благому сему дѣлу. А я отъ всея души желая спасительнаго событія, съ почтеніемъ и усердіемъ пребуду навсегда у вашего высокоблагородія, милостивого государя, всѣхъ благъ искренный желатель, богомолецъ и слуга Іерофей, митрополитъ кіевскій. Не упускайте, любезный пріятель мой! времени, не отлагайте на далѣе. Все оставя, совокупно съ Настасіею Петровной въ Гамалѣевку изволте отправится, то есть, чтобъ по крайней мѣрѣ къ 10 числу слѣдующаго ноября тамъ были. Петръ Степановичъ въ объятія свои васъ пріиметъ и радостнымъ сердцемъ отечески обыметъ, увѣряю. Вотъ вамъ и писмо, которое лично его превосходительству поручите. *(1798 г., 20 октября. Кіевъ).*

Участіе митрополита Іерофея, какъ видно изъ слѣдующаго письма, писаннаго П. С. Милорадовичемъ къ тещѣ, имѣло успѣшный результатъ.

---

68. Милостивая моя государыня, матушка Анастасія Степановна. Писмо ваше чрезъ зятя моего, Ивана Степановича г. Лашкевича, я получилъ сего ноября 3-го числа и сердечно радуюсь, что вы по милости Божіей находитеся въ добромъ здоровьи, а я за приездомъ моимъ съ Кіева, октября 21 числа, жестоко занемогъ, а нынѣ по милости Божіей хотя есть немного легше, однакъ нахожусь въ великой слабости. Зять мой, Иванъ Степановичъ г. Лашкевичъ, зъ дочерью моею Анастасіею Петровною и сыномъ своимъ Петромъ, приехали ко мнѣ сего ноября 3-го числа, которыхъ я принялъ съ душевною моею искренною радостью. Оные прожили въ меня сего ноября до 7-го числа, которихъ я отпустилъ съ моимъ грѣшнымъ родительскимъ прощеннемъ и благословеніемъ. Я также отъ васъ всепокорнѣйше прошу милостиваго мнѣ прощенія, въ чемъ я предъ вами, отъ невѣдѣнія моего или же неосторожности, согрѣшилъ, и сердечно желаю да всемогущій Господь укрѣпитъ сили ваши и даруетъ вамъ здравіе и благополучіе. Притомъ свидѣтельствуя вамъ мой нижайшій поклонъ и почтеніе, пребываю съ усерднѣйшимъ моимъ доброжелательствомъ и отличнымъ почтеніемъ всегда всегда и всегда, васъ, м. г—ни моей матушки, покорнѣйшій сынъ и слуга Петръ Милорадовичъ. *(1798 г., 7 ноября. Гамалѣевка).*

69. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ жизни моей, Настенька! Я сюда пріехалъ благополучно, всѣ наши близкіе меня ласково пріемлютъ. Михаила Павловича (Миклашевскаго) нѣту въ городѣ, онъ поѣхалъ губернію объежать а Настасья Яковлевна съ обоими сынами на жильи до тѣхъ (поръ?) въ Понуровкѣ будетъ его ожидать, куда и выѣхали уже. И такъ я по дѣламъ о Пакульщинѣ мало что поговорилъ съ Андреемъ Максимовичемъ, чему былъ свидѣтелемъ Григорій Петровичъ. Я наконецъ обнадеженъ отъ Андрея Максимовича о хорошей перемѣнѣ, что зрѣть и надѣется должно по свойству доброй его души. Григорій Петровичъ съ Николаемъ Михайловичемъ (Стороженкомъ) ѣдутъ къ бабушкѣ 25-го числа мѣсѣца и просятъ и тебя до того времени побыть въ Боровичахъ; и я на то согласенъ, чтобъ ты, ангелъ мой, когда хочешь, дождися ихъ въ Боровичахъ. Но Гроховского присилайте прямо къ 20-му числу непремѣнно ко мнѣ въ Жукотки, гдѣ и Григорій Петровичъ будетъ у меня на возвратномъ пути изъ Любеча, куда ѣдучи сегодня будетъ ночевать въ Жукоткахъ, и мы съ нимъ въ Жукотки и ѣдемъ, и въ четвергъ онъ будетъ у меня и обѣдать. И естли ты останешься въ Боровичахъ, то пошли въ Брахловъ навѣдаться о дѣтяхъ и отошли письмо къ Неровному и прикажи Леонтію, чтобъ его на обывательскихъ (довезли?) до Боровичъ, а изъ Боровичъ до Полуботокъ. Попроси у бабушки ему о обывательскихъ лошадяхъ, а притомъ пожалуй, душа моя, напиши къ Леонтію, чтобъ писарь съ Гришкою послалъ бы въ Понуровку о собакѣ провѣдать и естли она тамъ, то попросилъ бъ объ отъдачѣ его со всею пристойностью. Землемѣръ въ Подоловъ сегодня ѣдетъ почтою, но какъ ему тамъ необходимо нужно чорніе листи роздѣлочныхъ Подолова иМитченикъ, то о семъ ангелъ мой доложи бабушкѣ, чтобъ нимало не медля, тѣ листи роздѣлочніе Подоловскіе и Митченковскіе съ надежнимъ нарочнымъ отослала при своемъ приказѣ въ Подоловъ къ Якову Анищенку для порученія г. землемѣру. Сейчасъ ѣду къ архирею для подачи прозьбы для благословенія на перекрытіе Брахловской церкви. М. г—нѣ бабушкѣ прошу мое почтеніе доложить и въ ручку поцѣловать. Отъ Григорія Петровича у сего письмо прилагаю. И я съ нимъ и своего пѣшего нарочнаго посылаю, чрезъ котораго, пожалуй, увѣдоми о себѣ обо всемъ, чего нетерпѣливо ожидаю, а писать болѣе недосужно, а цѣлую тебя мысленно поминутно, тебѣ во вѣкъ вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. *(1800 г., 16 мая. Черниговъ).*

70. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настасья Петровна! Сколько бы я не желалъ приехать къ 25 числу сего мѣсяца въмѣстѣ съ братіями въ Боровичи, но мнѣ того не возможно здѣлать и тѣмъ я много времени теряю, а присутствіе мое и въ Боровичахъ пользы особливѣйшей не принесетъ, а потому счасти Боже, вамъ тамо управлятся,—я же тутъ окончивши что слѣдуетъ, буду поспѣшать, ангелъ мой, къ тебѣ въ Брахловъ. Вчерашняго дня здѣсь обѣдалъ Григорій Петровичъ и много трактовали о дѣлѣ бабушки съ Лисенкомъ, но не можно еще дать ему конечной резолюціи, для которой г. Гроховскій сегодня ѣдетъ въ Чернѣговъ, а оттоль явится въ Боровичи, котораго неотмѣнно уже надобно изъ Боровичъ доставить къ 5-му числу слѣдующаго іюня мѣсяца въ Глуховъ, о чемъ всемъ пожалуй, душа моя, доложи м. г—нѣ бабушкѣ, и, при засвидѣтельствованіи моего ей глубочайшаго почтенія, поцѣлуй за меня въ ручку. Объ успѣхѣ моего здѣсь пребыванія скажу тебѣ, что корпусъ службъ уже заложенъ, козака Сенчука со всѣмъ его грунтомъ скупилъ, земли на 5 четвертей посѣвомъ, и онъ переходитъ на жительство въ Козелъ, гдѣ уже онъ и купилъ грунтъ себѣ. Въ Нѣжинѣ Кіянцовъ отъпущенъ для покупки пѣчей и красокъ для маляра,—здѣсь полы малѣвати, двери и окна. Въ Нѣжинѣ Кіянцову отпущено 250 р.; маляръ договоренъ на всю вышеписанную работу за 130 р. Завтра ѣду въ Павловку, чтобъ кончитъ, когда можно миролюбно съ Звонкевичемъ и Еньчихою... Сегожъ нарочнаго посылаю къ тебѣ, ангелъ мой, чтобъ знать о твоемъ положеніи, а при томъ посылаю при семъ мѣдною монетою 300 р., кои деньги вели здать Григорію Герасимовичу, а на оныя имѣющееся у его мое письмо прими и то самое письмо мое, данное ему для вида на триста рублей, пожалуй, ко мнѣ при своемъ письмѣ чрезъ сего нарочно пришли неотмѣнно, а наконецъ скажи, ангелъ мой, Улянѣ С., что я, по пріездѣ моемъ въ Боровичи, заплачу имъ самъ по разчетѣ за сіи 300 р. процентъ, а сего нарочнаго безъ удержанія прошу ко мнѣ поворотить. Я очень озабоченъ знать, какъ у васъ окончится объ имѣніи бабушки за свиданіемъ съ братцами, о чемъ не оставь, душа моя, увѣдомить чрезъ того подъводчика, которой привезетъ Гроховскаго къ вамъ въ Боровичи, а равно напишешь, когда намѣрена выехать въ Брахловъ. Надъ Днѣпромъ, въ доль, въ лѣсной полосѣ вывелась въ величайшемъ количествѣ сарана и она уже движется на востокъ, и должно ее сюда скоро ожидать изъ Радьковки, естли Господь не помилуетъ. Она по сіе время такъ зла,

что ѣстъ жито, овесъ и ячмень и ночуетъ на хлѣбѣ; да и кругомъ слышно, что ея вездѣ много. Горѣлка уже плотится ведро 1 р. 80 к. Повыдимъ, что дальше будетъ. Панъ Неровный какъ разъ къ стати сюда подъѣхалъ, какъ будто на смѣну Гроховскому, а въ добавокъ еще здѣсъ и г. Корицкій Леонко и ко мнѣ ничего не пишетъ чрезъ Неровнаго, а я отъ его получилъ репортъ чрезъ Гиршу, приехавшего сюда, съ жалобую, что воды много на прорвѣ точится, по какому случаю я и предписалъ Леонтію взять именно какія мѣры; его жъ репортъ, въ которомъ онъ мнѣ ничего не пишетъ о томъ, посылаю къ твоему усмотрѣнію, гдѣ также примѣтишъ, душа моя, что плотники послѣдній мостъ на сей недѣлѣ окончатъ, да и гулять будутъ, ибо никто имъ не можетъ показать безъ тебя, какъ и гдѣ имъ начинать погребъ дѣлать, а потому не худо тебѣ выехать въ Брахловъ 29 го сего мѣсѣця. Григорій Петровичъ неотмѣнно къ вамъ будетъ 25 или 26-го, на обѣдъ, ибо и ему времья дорого; онъ іюня 1-го числа ѣдетъ на мѣсѣцъ въ степь[1]). Въ Брахловъ приехавши, старайся, ангелъ мой, продать пеньку, деньги нужны будутъ на хлѣбъ. Гирша говорилъ, что мужики Брахловскіе продаютъ пеньку пудъ по 2 р. 60 к., что составитъ берковецъ 26 р.—Въ Пакульщинѣ сходъ худой, ибо тамъ уже почти голодъ; за Днѣпромъ также сараны тьма. Жаль и горько смотрѣть на здѣшніе хлѣба и пшеницы озимые по низкимъ мѣстамъ: какъ стѣна жито и пшеница стоитъ, по буграмъ повыпрѣвала, но все сносно, да сохранитъ токмо Господь отъ сараны. Здѣсь теперь за майстеровими уѣхать скоро нѣкогда будетъ, а деньгамъ переводъ. Однакожъ, переживши сію эпоху, будемъ можетъ быть покойны по вѣкъ нашъ, да и дѣтямъ нашимъ достанется. Засимъ желаю тебѣ, ангелу моему, здравья въ мѣстѣ со всѣми нашими дѣтьми и мысленно тебя, жизнь моя, цѣлую поминутно; твой во вѣкъ мой вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. Въ саду фруктовъ ничего нѣту и то весьма къ стати, бо сада не было бъ ѣсти майстеровымъ и на одну неделю, а уберегти бъ и помыслить не возможно бы. Въ Бодняхъ я не трогалъ полотенъ, тамъ не сыскалъ рядовины, а всю рядовину, какая была, употребили на обывку стѣнъ, а тонкихъ, тѣ, что въ Бодняхъ, ни одного и не трогалъ, а чего не доставало рядовины, то потребное число побрали у бабъ изъ навоевъ или ими дѣлаемой господской рядовины. И такъ, у васъ въ Радьковкѣ сей годъ жукотского рядо-

[1]) Т. е. въ степныя мѣста Малороссіи, въ полтавскую губернію.

ваго полотна небудетъ. Попросишь бабушку, чтобъ пожаловала приказала, хотя Божку, или кому другому кому такому надежному, чтобъ при жукотскому боярину, пересчитавши сіи триста рублей, отъдалъ бы счетомъ Григорію Герасимовичу, дабы на случай опосля не было бъ нарѣканія. Я бы асигнаціями отдалъ, но, ей Богу, нѣтъ, кромѣ мѣдныхъ, въ конторѣ. Еще осталось 600 р., но и то все мѣдь. *(1800 г., 22 мая. Жукотки).*

71. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька! Къ сущему души моей обрадованію оба, ангелъ мой, письма ко мнѣ доставлены исправно, изъ Боровичъ отъ тебя писанные, одно чрезъ Ушача, а другое чрезъ возвращающогося человѣка изъ Брахлова, изъ коихъ видно о благосостояніи твоемъ въ мѣстѣ съ бабушкою и дѣтьми. Благодарю Создателю за то, а въ отвѣтъ скажу, что и я съ обѣими чадами здѣсь здоровъ и у насъ все хорошо идетъ со стороны здоровья, а не меньше благоуспѣшно и по части контракта. Въ Радьковкѣ 9 вед. выходитъ трехпробной изъ 20-ти (?), а въ Савинкахъ, сверхъ чаянія, найшлось годной горѣлки 3020 в. въ восьмидесяти бочкахъ, семью градусами ниже трехъ пробъ и оные 80-ть бочекъ къ 1-му марту и заправлени будутъ до 5-ти градусовъ, и выступлены въ походъ до Радьковки. И такъ, благодаря Всевышнему, къ 1-му апреля всѣ 5000 вѣдеръ поплывутъ до Могилева, готови будутъ въ совершенную пробу противъ контракта, а може не удастся ли здати выше проби полъ градусомъ, дабы хотя на два года въ передъ заключить контрактъ о поставкѣ въ ихъ контору. Итакъ, я отъ сюда почти уже отдѣлался, послѣ завтра или въ неделю выежаю, и гдѣ я въ которой день буду, для знанія твоего, душа моя, прилагаю у сего росписаніе, по которому надѣюсь все свершити, когда Богъ поможетъ и сіе для того дѣлаю, на случай какой надобности ко мнѣ, то чтобъ ты знала гдѣ меня искать. Для любопытства твоего прилагаю къ тебѣ письмо Забѣли, которой сильно хочетъ моими руками жаръ загребать, но сего ему не удастся здѣлать. Я къ ему отписалъ, что я буду въ Савинкахъ и туда будетъ мой повѣренній, да и его, чтоби туда же приездилъ бы, и я дамъ имъ совѣтъ, какъ поступать въ Сосницѣ и чтобы онъ своего повѣренного снабдилъ бы деньгами, а я своему дамъ для всякой нужды въ Сосницѣ посуду; однако жъ думаю, что чуть ли онъ самъ не приедетъ ко мнѣ въ Савинки, чего мнѣ и не желалось бы, а для курьезу посылаю здѣсь письмо Василя Левича; нашъ паничъ вернулся ни съ чемъ, не выдѣлъ ни Горленка, ни дочери его и не

былъ и въ домѣ; старій сказалъ, что повремени можно будетъ видѣться, а въ постъ о такихъ дѣлахъ не говорятъ; и такъ онъ, побывавши у Катерини С., у Карася (?), въ Ступаковкѣ, въ Иваницѣ, прибулъ обратно и со мною домой приедетъ. Онъ пишетъ къ Варварѣ С. письмо, кое здѣсь прилагаю и когда сестры у тебя, пожалуй отъ меня имъ кланяйся, а писать имъ особо, ей, недосугъ; приложенное жъ отъ меня у сего письмо къ Неровному, нимало не медля, пожалуй, отправь съ повозкой, тройкой, обывательскими лошадьми, давъ имъ два рубля на харчь. На оныхъ лошадяхъ Неровній долженъ непремѣнно ко мнѣ приехать въ Савинки 28-го сего мѣсѣца, для отправки его отъ туда съ Аксимовымъ (?) въ Сосницу. Удивительная и во свѣтѣ не бывалая новѣстка попечительная ко мнѣ дошла, можетъ быть она будетъ принужденна съ Бѣлоровскимъ проѣздится до Петербурха. Есть сарана на свѣтѣ, и слѣдовательно гнѣвъ Божій! а потомъ и помилованіе, надежда на милосердіе Божіе, да мимо идетъ сей гнѣвъ. Плоскони получены и отдани, по твоему повелѣнію, управительшѣ. Николай М. (Стороженко) у меня не былъ, да и Григорій П. третьяго дня возвращался изъ Любеча, а туда ѣхалъ на Довжикъ и Павловку. Я къ нему писалъ и отвѣту не даде, то и я не разсуждаю къ нимъ заѣзжать, съ панами нѣчего брататься. Я сіе пишу чрезъ Пакульскаго жида, а скоро къ тебѣ буду опять писать чрезъ лоцмана, которій будетъ отъ меня отправленъ для покупки канатовъ на байдакъ въ Климовкѣ, а затѣмъ и не распространяю, а мысленно тебя, ангела моего, поминутно цѣлую, пребываю къ тебѣ во вѣкъ мой вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ. *(1801 г., 21 февраля. Жукотки).*

72. Любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька! Я въ Чернѣговѣ скорѣе управился, нежели думалъ, а сіе отъ того зависитъ первоначально, что г. губернаторъ ко мнѣ показался очень ласковъ и хотя небольшую мою до его просьбу, токмо о подорожней, но въ другъ и ту исполнилъ, а затѣмъ и другіе надобности всѣ вскорѣ окончилъ и пообѣдавши у Александри Павловни, приехалъ сюда въ пятницу, на ночъ. Николая Михайловича и Маріи Андреевни въ городѣ нѣтъ, а поѣхали въ Иржавецъ и въ Кореніовку, къ новоявленной Богоматерѣ на поклоненіе. Николай Мих. домъ свой продалъ Будлянскому [1]) за 4000 р., срокъ положенъ въ немъ жити Николаю М. токмо до мая мѣсѣца, а за-

[1]) О Будлянскомъ, Ал. Мих., см. Кіевск. Стар. 1893 г., мартъ, 535.

тѣмъ въ оной въѣдетъ Будлянскій. Григорій Петровичъ въ Любечѣ отпущаетъ два байдака въ Минскую губернію, въ оныхъ 5000 вѣдръ проданной имъ горѣлки, вѣдро по 1 р. 65 к., и 500 четвертей хлѣба, туда же проданного, четверть по 5 р. 60 к. Далѣе занимается въ Любечѣ закладинами дома большого, деревяного. Итакъ съ родныхъ, кромѣ Александри Павловни, я никого не выдалъ, которая ласково приняла меня и поручила мнѣ бабушкѣ переслать капусту цвѣтную, при семъ отправляемую въ сѣменахъ, а затѣмъ бабушкѣ и тебѣ, душа моя, велѣла свидѣтельствовать ея почтеніе, что и исполняю. Слухъ носится, что наша губернія раздѣлится на три губерніи и что губернскими городами будутъ—Глуховъ, Черниговъ и Полтава, еще нѣтъ о семъ указа. Покупку, по повѣленію твоему, душа моя, исполнилъ и оную при семъ посилаю—шолкъ бѣлій и двѣ цѣвки сребра, а сверхъ того посилаю тебѣ, ангелъ мой, въ гостинець серги съ камнями рубинами, желаю, чтобъ оны были на твой вкусъ и чтобъ ты ихъ здоровенька носила, да и дочкамъ Пасюрѣ и Настулѣ по парѣ же серегъ, кои отъ меня извольте имъ поручить въ гостинецъ, за хорошій успѣхъ ихъ въ наукахъ. А Петруша свой гостинецъ напередъ уже получилъ, состоящій въ новомъ сертукѣ, о которомъ сказать ему, что оной ему не будетъ данъ, когда не поисправится въ своемъ поведеніи и не начнетъ лучше прилѣжать къ наукамъ, а старому пану крайне нѣчего послать, развѣ то ему будетъ въ гостинець, что намъ Богъ дастъ въ колиску для его забавы. Легко можешь, душа моя, себѣ представить, сколько рижая тварь Бѣлоровскій дѣлаетъ мнѣ непріятности его медлительностью, и я его здѣсь двое сутокъ ждалъ, но времени больше мнѣ нѣтъ его здѣсь ждать, для того и ѣду въ Жукотки сей часъ и далѣе къ байдаку въ Радьковку, а къ ему, Бѣлоровскому, пишу и оное письмо незапечатанное къ тебѣ здѣсь влагаю, оное изволь прочитать и запечатай порядочно, и пожалуй, душа моя, чрезъ надежного нарочного тое письмо Бѣлоровскому до Брахлова отправъ, нимало не удерживая, какъ можно скорѣе. Оканчивая сіе, прошу покорно, при засвидѣтельствованіи моего глубочайшаго почтенія бабушкѣ, въ ручку поцѣловать, а я тебя, ангела моего, поминутно мисленно цѣлую, пребывая во вѣкъ со всѣмъ твой вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ Иванъ Лашкевичъ.

За новость скажу: герольдія не будетъ болѣе къ намъ присилать исправниковъ и засѣдателей, а велѣнно ихъ по старому выбирать изъ дворянъ осѣдлихъ въ томъ повѣтѣ, а потому скоро и

должни начаться выборы исправниковъ и засѣдателей, да и повѣтовихъ судей чуть ли не повеленно ли будетъ новыхъ же выбирать, о чемъ нашъ г. губернаторъ послалъ представленіе съ нарочнимъ въ сенатъ. *(1801 г., 7 апрѣля. Полуботки).*

73. Любезнѣйший и вѣрнѣйшій другъ мой, душа жизни моей, Настенька. При помощѣ Божіей, главнѣйшее дѣло моей сюда поѣздки окончено благополучно: вчерашняго дня Петрушу я помѣстилъ къ университетскому профессору коллежскому совѣтнику Харитону Андреевичу г-ну Чеботареву, умному и добрѣйшему человѣку, живущему во внутренности университета. Ему съ лишкомъ 50 лѣтъ, а женѣ его, Софіи Ивановнѣ, лѣтъ за 40-къ, онѣ обое полюбили Петрушу, какъ сина, и Харитонъ Ан. Петрушину кровать поставилъ въ своемъ особенномъ кабинетѣ и взялся, вмѣстѣ съ женою своею, его воспитывать и даже учить по латини, а Софія Ивановна сама же его начнетъ учить по французски, которимъ языкомъ она такъ изясняется, какъ парижанка, (ибо она есть воспитаница покойной Чернишевой, находясь съ ней въ какомъ далекомъ свойствѣ). Итакъ за Петрушею нашимъ теперь большое наблюденіе: профессоръ, жена его и Алексѣй Ивановичъ, не говоря о Данькѣ. Договоръ у насъ съ Харитономъ А. здѣланъ въ годъ за 550 р., за все про все, кромѣ портомойки, которая не такъ дорого, надѣюсь, будетъ стоить; чемъ всѣмъ я весьма доволенъ, видѣвши все изъ близка и обстоятельно; надѣюсь конечно, что и ты, ангелъ мой, будешь въ семъ пунктѣ единомисленна со мною, а особливо, когда всѣ подробности узнаешъ, о чемъ по приездѣ моемъ, душа моя, къ тебѣ, словесно раскажу, а теперь больше о семъ не распространяю уже. Другое жъ дѣло мое, о мадамѣ, совсѣмъ еще безъ успѣха по сей день. Первая, что сискалась, запѣла пѣсню очень не складную, запроса въ годъ по 1000 р. и то на одинъ годъ, по прошествіи которого, чтобъ ея опять сюда же доставилъ я на свой щетъ; я ей во всемъ отказалъ; однакожъ надѣюсь на Бога, что я нападу на свою и шатнусь вездѣ, бывъ теперь совершенно уже на досугѣ, выдя всѣ мои комисіи почти всѣ оконченними со стороны покупки, коею надѣюсь, душечка, будешь довольна, всю покупку изволь читать: дормезомъ прекраснимъ ѣжжу по Москвѣ, четверомѣстная карета еще чрезъ десять дней, то совсѣмъ принята мною отъ майстра будетъ. Симъ двумъ штукамъ цѣна 1700 р. Мѣхъ чорнобурій, муфта соболья, двѣ опушки на двѣ солопи, часи столовие, двѣ люстри, одинъ фанаръ, сѣмъ зеркалъ, все у меня въ квартирѣ; все сребро

уже въ работѣ и оно поспѣетъ до послѣдней вещи къ 30-му сего мѣсяца въ мѣстѣ съ Ефросиніи С. сребромъ, кое и дежене въ 7 ф. будетъ сработано. Долго я искалъ, чтобы поѣженую карету и дормезъ купитъ, но сколько не выдалъ, сискавши тѣ вещи, то находилъ сущую дрань, и такъ мнѣ наскучило искать и смотрѣть ту ветошь и погань, а потому то и рѣшился, хоть дорого дать, да за то уже будетъ насъ карета и дормезъ долго возить съ подчинкою майстра, если что сломается (о чемъ отъ майстера и росписка взята); моя жъ коляска за десятилѣтнюю службу обновляется, яко орля юности, наложеніемъ по бордамъ бронзою, что и дѣлаетъ нѣмецъ каретникъ. Теперь примусь за твой гардеробъ, хотя и тѣсно и почти приступу нѣту къ маршанъ-де-модъ, такъ лавки ихъ вашею братьею затружены, однакожъ и мнѣ нѣчего дожидаться, а пора о дворѣ помишлять. Разсчиталъ деньгами и еще, что и не написано тобою, да естли будетъ у меня ставатся денегъ, то, что можно будетъ хорошое тебѣ, ангелъ мой, здѣлать, то постараюсь сшить, а притомъ тебѣ и мѣхъ брусчатой на шубейку куплю же. Отъ завтрашняго дня начну визити дѣлать большимъ барямъ: г. Петру Васильевичу (Завадовскому) и г. Иліи Андреевичу (Безбородку), а также и Осипу Степановичу (Судьенку) и еще кое кому. Слишу, что и Николай Михайловичъ нашъ пріехалъ, но гдѣ онъ остановился, никто изъ моихъ людей не могъ найти его квартири. Хотя и мудрена для глазъ кажется дамская ческа волосъ, однако жъ Матвѣй ея выучится у договоренного для нашихъ мальчиковъ перетмахаря. По слѣдующей почтѣ писать буду въ мѣстѣ съ Петрушою, къ бабушкѣ, а до тѣхъ поръ прошу при оказіи и отъ меня мой ей доложить должнѣйшій поклонъ. Когда я оставилъ уже Петрушу у профессора, то онъ сильно заплакалъ и тѣмъ чуть чуть и меня до стидныхъ слезъ не довелъ, но чтобъ не занудился, то я его сегодня у вечеру къ себѣ возьму и завтра день, поелику воскресной, у себя удержу, а въ понедѣльникъ рано опять къ Харитону Андреевичу отправлю и такъ буду продолжать, чтобъ его слегка отъ себя уже отучить, а не вдругъ. Не получая, душа моя, отъ тебя никакого извѣстія, я начинаю уже сильно скучать. Я же къ тебѣ писалъ изъ дороги три письма, изъ Стародуба, Брянска и изъ Калуги, да се изъ Москви уже второй мой (?) къ тебѣ, душа моя, творю и прошу покорнѣйше, хотя однимъ вашимъ письмомъ меня удостоить и обрадовать. Катерина И. здѣсь остается и я на то противорѣчить отнюдь не намѣренъ, какъ себѣ хочетъ съ своею

теткою.—Наконецъ, въ ожиданіи отъ тебя, ангелъ мой, пріятнѣйшаго отзива, пребываю до конца жизни моей тебѣ во вѣкъ вѣрнѣйшій мужъ и преданнѣйшій другъ, цѣлующій тебя поминутно, мисленно и благословляющій дѣтей нашихъ Іванъ Лашкевичъ.

Сестрамъ моимъ и брату, когда выдаетесь, прошу мой поклонъ засвидѣтельствовать. *(1801 г., 7 сентября. Москва).*

Засимъ слѣдуетъ рядъ писемъ «бабушки» Настасьи Степановны Полуботокъ къ внукѣ и ея мужу. Всѣ эти письма писаны «бабушкой» собственноручно.

---

74. Ангелъ мой Настенка. Съ письмами извѣстними и нѣкоторою посилкою отправляетца съ Брахлова къ вамъ. Что будешь писать,—дай мнѣ знать и что прислано, даби и мнѣ отвѣчать можно было, когда то, что такое до мене принадлежитъ. О пшеницѣ Григорію Григоріевичу обяви, что когда надобно, то я и болше пришлю, а лучой нѣтъ; а для паски вибираютъ; и я, дастъ Богъ, привезу, здѣлавши. Болше ничево писать, да и недосужно по правдѣ. Ад... Вѣрная твоя баба извѣстная. 1789 г., марта 22. Григорію Григоріевичу прошу кланятись и поцаловать за мене въ душу.

75. Драгоцѣнѣйшіе мои внуки Іванъ Степановичъ и Настасія Петровна. Радуюсь о благоденствіи вашемъ и отъ искренѣйшаго моего сердца желаю, да премилосердной Господь даруетъ вамъ любовъ, миръ и тишину, здравіе и должайшіе лѣта. Что я не могу бить по сію пору въ доми вашемъ, извинѣте: глазами стражду жестоко, такъ что въ силу сіе написать могу, въ чемъ и предъ матушкою вашею, а моею м—вою г—нею Парасковею Григоріевною извинить прошу. Что принадлежитъ до батюшки вашего, то сей самой перескажетъ все, почему и не поясняю; а писмо ваше къ нему и мое оставила до пріезду Григорія Петровича, кои по сего сказкамъ скоро будетъ ко мнѣ. Болше не распространяю, препоручивъ васъ обѣихъ, моихъ ангеловъ, божіему милостивому призрѣнію и покровителству. Пребуду, поколь духъ въ тѣлѣ, вашею моихъ ангеловъ, вѣрною и всего доброжелателнѣйшею бабкою, Настасья Полуботкова. 1789 г., іюля 3. Изъ Боровичъ, въ 7 часу пополудни. Сей вручитель вамъ перескажетъ, что Григорій Петровичъ скоро будетъ ко мнѣ; мнѣ кажетця, весма би не худо вамъ пріехать теперъ, заставая его здесь, о чемъ посовѣтуйтесь съ матушкою, Василіемъ Степановичемъ, Софіею Василіевною и Степаномъ Степановичемъ. Засимъ

и спѣшу съ отправкою къ вамъ и къ нимъ никому не пишу, по причинѣ болнихъ моихъ глазъ, да и писаръ лежитъ боленъ, а я спѣшу нарочито изъ симъ къ вамъ.

76. Государи мои, любезніе унуки І. С. и Н. П. Что ви прибили въ домъ благополучно и въ добромъ здоровьи застали матушку и любезнихъ сестрицъ, сердечно радуюсь. Я после вашего отезда, заехала суда и отъ вовторника проживаю малинъ ради, но онихъ ничево нѣтъ и естли не будетъ ещо въ воскресенье, то весма малое количество сварила. Съколко здѣсь проживу, незнаю; но и у Боровичахъ скучно жить одной. Писать нѣчего болше. Поручивъ васъ божіему милостивому покровителству, пребуду во всю мою жизнь вашею въсегодоброжелателнѣйшею бабкою Н. П. 1789 г. іюля 7. изъ Смячи. P. S. М—ой г—нѣ моей, вашей драгоцѣнѣйшой матушки прошу мое почтеніе засвѣдителствовать, равно и дражайшимъ вашимъ сестрицямъ кланятись прошу. Краснокуцкой посилается. Объ извѣстномъ я зъ братомъ говорила и сіе утверждаетъ подобно прежнему невозможному.

Приписка Г. Г. Фридрикевича. При семъ и я вамъ обѣимъ кланяюсь; пріѣхалъ вчерась сюда, а завтра отъѣду. Ви не пишете, будете ли къ намъ или нѣтъ, равно и о томъ, посланы ли письма въ Романовку. Вашъ покорный слуга Г. Фридрикевичъ. О квартерѣ прежде знать и навѣрное сказать—надобна ли, а безъ того домъ требовать въ наймы неможно, которой готовъ. Нового ничего нѣтъ. Андрей Степ., отъѣхавши 28 іюня, возвратился изъ Воронковъ 5 числа сего мѣсяца.

Къ этому письму относится, можетъ быть, слѣдующая записка. Я много трактовала о извѣстномъ вамъ дѣлѣ съ извѣстнимъ человѣкомъ, но онъ все одно твердитъ, что прежде ничего неможно здѣлать, покуда ви не начнете вашего дѣла и чтобъ въсе оставя, пріѣхать вамъ съ пріятелемъ и повѣренимъ; а что касаетця до квартери, то она готова, толко до тіехъ поръ не говорилъ съ хазяиномъ, покуда отъ васъ не получитъ извѣстія, когда будете. Сіе для того начать должно, сперва чрезъ пріятелей, а потомъ и судомъ, покуда не узнаютъ мислей; и буди они обѣ сторони что либо противное начнутъ, то въ то время въ се вамъ извѣстное здѣлать мнѣ будетъ можно, а до того никакъ несходно, ибо я сама на себе подала причину имъ все, что есть горшаго здѣлать и для васъ, и для мене неспокойства и клопоти. Много о семъ писать, а луче, когда Богъ,

КАТАЛОГЪ КНИЖНАГО СКЛАДА „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“[1].

А.

Андріевскій А. А. Коммиссія 1749 года для разбора взаимныхъ претензій татаръ и запорожцевъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—23. Цѣна 20 к.

Андріевскій А. Изъ жизни Кіева въ XVIII вѣкѣ (архивныя замѣтки). Кіевъ 1894 г., стр. 1—120. Цѣна 75 к.

Андріевскій А. Войтовство Ивана Сычевскаго въ Кіевѣ. 1754—1766 года. Кіевъ 1891 г., стр. 1—102. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Русскіе конфиденты въ Турціи и въ Крыму въ 1765—1768 г.г. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Реляціи Кіевскаго генералъ-губернатора за 1768 и 1769 г.г. Кіевъ 1892 г., стр. 1—139. Цѣна 50 к.

Андріевскій А. Матеріалы по исторіи Запорожья и пограничныхъ отношеній. (1743—1767). Одесса 1893 г., стр. 1—220. Цѣна 1 р.

Андріевскій А. Василій Андреевичъ Жуковскій. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г., стр. 1—20. Цѣна 8 к.

Андріевскій А. Первый русскій книгопечатникъ. Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Андріевскій А. Крымъ и Крымскіе татары, Изданіе Кіевской коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1892 г. стр. 1—34. Цѣна 10 к

Антоновичъ В. Грановщина (эпизодъ изъ исторіи Брацлавской Украины) (Брошюра-оттискъ), стр. 1—19. Цѣна 15 к

Антоновичъ Вл. и Драгомановъ М. Историческія пѣсни малорусскаго народа. Томъ первый. Кіевъ 1874 г. I—XXIV; 1—336 стр. Ц. 1 р. 50 к. Томъ второй. Вып. I. Кіевъ 1875 г., стр. I—XI+ 1—166. Цѣна 80 к.

Антоновичъ В. Б. Археологическая карта кіевской губерніи. (Приложеніе къ XV т. „Древности“). Изданіе Московскаго Императорскаго Археологическаго Общества. Москва 1895 г., стр. 1—139+Указатель именъ географическихъ и предметный (стр. 1—20)+карта. Цѣна 3 р.

Антоновичъ В. Б. Монографіи по исторіи Западной и Юго-западной Россіи. Томъ I. Кіевъ 1885 г., стр. 1—450. Цѣна 2 р.

Антоновичъ В. По вопросу объ уничтоженіи Ярославова вала. Кіевъ 1895 г., стр. 1—21. Цѣна 20 к.

А—ръ Григорій Федоровичъ Квитка (Основьяненко). Біографическій очеркъ. Изд. 2-ое. Кіевъ 1885 г., стр. 1—32. Цѣна 15 к.

А. Т. Добра душа. Оповиданнія. У Чернигови 1895 г., стр. 1—34. Цѣна 5 к.

Б.

Багалѣй Д. И. Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры. Кіевъ 1889 г., стр. 1—115. Цѣна 75 к.

Барвинокъ Ганна Молотники (Бытовой разсказъ), Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 20 к.

Бершадскій С. А. Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады Вел. Кн. Литовскаго. Кіевъ 1888 г стр. 1—157. Цѣна 75 к.

Библіографическій указатель „Кіевской Старины“ за первое десятилѣтіе (1882—1891 г г.). Кіевъ 1892 г., стр. 1—108. Цѣна 75 к.

Билоусенко Александръ. Батькивъ грихъ. Оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—44. Цѣна 8 к.

Боровыковській Левко. Байки и прибаютки. Кіевъ 1852 г, стр I—XII+ 13—118. Цѣна 75 к.

[1] Вновь поступившія въ Складъ книги обозначены *звѣздочкой* (*).

Бѣляшевскій Николай. Монетные клады кіевской губерніи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—143. Цѣна 1 р. 25 к. съ пересылкой 1 р. 50 к.

В.

Веселовскій А. Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Вкрна пара та инше. У Чернигови 1895 г., 1—55. Цѣна 8 к.

Владимірскій-Будановъ М. Передвиженіе южно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. Кіевъ 1883 г., стр. 1—38. Цѣна 30 к.

В. М. Свадебныя пѣсни въ Лубенскомъ уѣздѣ. Кіевъ 1890 г., стр 1—64. Цѣна 40 к.

Вовчокъ Марко. Викупъ. Опогіданнѣ С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—18. Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Ледащиця. Оповіданія. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Вовчокъ Марко. Сестра. Оповіданія. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—30 Цѣна 5 к.

Востоковъ А. Полтавскій полковникъ Иванъ Чернякъ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—17. Цѣна 15 к.

Востоковъ А. Нѣжинская Рада 1663 года (Брошюра-оттискъ), стр. 1—15. Цѣна 15 к.

В. Ю. Рѣчь кн. Н. Г. Рѣпнина и дѣло объ ея напечатаніи. (Брошюра-оттискъ), стр 1—8. Цѣна 10 к.

Г.

Гаврышъ Ол. Царивна-русалка. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: I. Пивничный Ледовый Океанъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: II. Мезенська тундра. Кіевъ 1883 г., стр. 1—8. Цѣна 5 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: III. Лисова полоса Россіи. Кіевъ 1883 г., стр. 1—16. Цѣна 10 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: IV. Сторона великихъ озеръ. Петербурхъ. Кіевъ 1883 г., стр. 1—23. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: V. Білорусія и Литва. Кіевъ 1883 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Гамалія К. Земля и люде въ Россіи: VI. Кавказъ. Кіевъ 1883 г., стр 1—39. Цѣна 10 к.

Глибовъ Л. Я. До мырового! Жартъ въ 1 діи. С.-Петербургъ 1891 г., стр. 1—39. Цѣна 15 к.

Голубовскій П. Болгары и Хозары, восточные сосѣди Руси при Владимірѣ Св. Кіевъ 1888 г., стр. 1—43. Цѣна 30 к.

Гордіенко Данило. 1) Кумъ-ханъ. 2) Прыгода у повидь. 3) Петро Мирошниченко. Оповидання. У Чернигови 1885 г., стр. 1—25. Цѣна 3 к.

Грамáтка. С.-Петербургъ 1857 г., стр. 1—149. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Книга казокъ виршомъ. Одесса 1896 г., стр. 1—107. Цѣна 15 к.

Гринченко Борысъ. (В. Чайченко). Байкы. У Чернигови 1895 г., стр. 1—80. Цѣна 15 к.

Гринченко Б. Д. Писни та думы. Книжка перша и друга. У Чернигови 1895 г., стр. 1—66. Цѣна 50 к.

Гринченко Б. Д. Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ нею губерніяхъ. Выпускъ 1. Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр. Черниговъ 1895 г., стр. 1—300. Цѣна 1 р. 50 к.

Гулакъ-Артемовскій П. П. Сочиненія. Кіевъ 1888 г., стр. 1—26. Цѣна 25 к.

Д.

Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича. Изданіе подъ редакціей А. Лазаревскаго. Часть 1-ая (1718—1725 годы). Кіевъ 1893 г., стр. I—XVI+1—329. Цѣна 2 р.

То же. Часть 2-ая (1726—1729 годы.) Кіевъ 1895 г., стр. I—II+1—342. Цѣна 2 р.

Е.

Ефименко А. Очерки исторіи Правобережной Украины. Кіевъ 1895 г., стр. 1—174. Цѣна 1 р. 25 к.

Ефименко А. Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—21. Цѣна 20 к.

Ефименко А. Бѣдствія Евреевъ въ Южной Руси въ XVII вѣкѣ. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ефименко П. Экономическія замѣтки о старинѣ и матеріалы. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Ж.

Жизи струны. Збирныкъ писень. У Чернигови 1895 г., стр. 1—109. Цѣна 12 к.

* **Житецкій П.** Очерки литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вв. Кіевъ 1889 г. 8-й. Ц. 1 р.

* **Житецкій П.** Описаніе Пересопницкой рукописи XVI в. Кіевъ 4-ой. Съ 4-мя снимками. Цѣна 75 к.

* **Житецкій П.** Теорія сочиненія съ христоматіей. Кіевъ 1895 г., стр. 1—112+1—132. Цѣна 1 р.

З.

Забоцень Петро. Гордовита пара. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—15. Цѣна 3 к.

И.

Иванов. А. Розмова про земни сили. Переклав на украинську мову М. Комаров. Книжка друга (з малюнками) Кіевъ 1885 г., стр. 1—91. Цѣна 15 к.

К.

Казюка Панько. Сичови гости. Чуприна и Чортоусъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—27. Цѣна 5 к.

Каманинъ И. Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебургскому праву. Кіевъ 1888 г., стр. 1—91. Цѣна 50 к.

Каманинъ И. Кіевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Вып. 1-ый. Шевченко. Кіевъ 1893 г., стр. 1—14.

* **Кистяковскій о. Ѳедоръ.** Воспоминанія его. Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина". Кіевъ 1896 г., стр. 1—139. Ц. 1 р.

Кононенко М. Зъ Богомъ не змагайсь. Казка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—39. Цѣна 7 к.

Коцюбинський. **Мыхайло.** Пятызлотныкъ. Оповидання. У Чернигови. 1895 г., стр. 1—18. Цѣна 3 к.

Коцюбинський М. 1) Харытя 2) Ялынка 3) Маненькій гришныкъ. Оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Кузьменко Петро. Не такъ ждалося, да такъ склалося. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—24. Цѣна 5 к.

Кулишъ П. Григорій Квитка (Основьяненко) и его повести. Слово на новий виходъ Квитчиныхъ повистей. С.-Петербургъ 1858 г., стр. I—XXXVI. Цѣна 25 к.

Кулишъ П. Записки о Южной Руси. Томъ второй. С.-Петербургъ 1857 г. стр. 1—354. Цѣна 2 р. 50 к.

Л.

Лазаревскій А. Описаніе старой Малороссіи. Матеріалы для исторіи заселенія, землевладѣнія и управленія. Томъ 1-ый: Полкъ Стародубскій. Кіевъ 1889 г., стр. I—XVI+1—407+1—XXX. Цѣна 3 р.

То же. Томъ II-й: Полкъ Нѣжинскій. Кіевъ 1893 г., стр. I—IV+1—521+1—XXV. Цѣна 3 р. 50 к

Лашкевичъ Александръ Степановичъ (некрологъ). Кіевъ 1889 г., стр. 1—12+портретъ. Цѣна 15 к.

Левицкій О. И. Ганна Монтовтъ. Историко бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства въ XVI вѣкѣ. Кіевъ 1888 г., стр. 1—69. Цѣна 40 к.

* **Левицькій І.** Бурлачка. Повисть. Кіевъ 1881 г., стр. 1—223. Цѣна 75 к.

* **Левицькій Иванъ.** На Кожумякахъ. Мищанска комедія на 5 дій. Друге выправленне выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—108. Цѣна 25 к.

* **Левицькій Иванъ.** Дви московки. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—84. Цѣна 25 к.

* **Левицькій Иванъ.** Рыбалка Панасъ Круть. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Прыятели. Повисть. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—40. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Баба Параска та баба Палажка. Частка І. Неможна баби Парасци вдержатысь на сели. Четверте выдання зъ додаткамы. Кіевъ 1887 г., стр. 1—39. Цѣна 10 к.

* **Левицькій Иванъ.** Чортяча спокуса. Оповидання. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр 1—52. Цѣна 12 к.

* **Левицькій Иванъ.** Маруся Богуславка. Оперета на 4 діи. Друге выдання. Кіевъ 1887 г., стр. 1—79. Цѣна 20 к.

* **Левицькій Иванъ.** Кайдашева симя. Повисть Кіевъ 1887 г., стр. 1—211. Цѣна 50 к.

Леонидъ Архимандритъ. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ: „Откуда родомъ была Св. Великая Княгин. Ольга." По поводу статьи И. И. Малышевскаго: „О происхожденіи Великой Княгини русской Ольги Св." Кіевъ 1889 г., стр 1—8. Цѣна 10 к.

Лисенко М. Молодощи. Збирник танків та веснянок. Київ 1875 г., стр. 1—10. Цѣна 1 р. 20 к.

Листи съ хутора. Листъ V. Хто такий хуторянинъ. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Лучицкій И. По поводу Дрогичинскихъ древностей. Замѣтка къ исторіи торговыхъ сношеній Ганзы съ сѣверо-западной и южной Русью. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи

до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ. (Отчетъ о командировкѣ за границу). Кіевъ 1894 г., стр. 1—42. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Рабство и русскіе рабы во Флоренціи въ XIV и XV в. в. Кіевъ 1886 г., стр. 1—56. Цѣна 50 к.

И. Лучицкій. Земледѣліе и земледѣльческіе классы въ современной Италіи (Брошюра-оттискъ), стр. 1—32. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Очерки по экономической исторіи Западной Европы. I. Вопросъ о населенности германскихъ городовъ въ XIV—XV в. в. Кіевъ 1893 г., стр. 1—64. Цѣна 50 к.

То же: II. Рабочее населеніе и экономическая политика германскихъ городовъ въ XV и XVI в. в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—47. Цѣна 50 к.

Лучицкій И. Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ XVIII в. Кіевъ 1894 г., стр. 1—271. Цѣна 2 р.

М.

Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII в. Съ предисловіемъ **А. А. Потебни.** Кіевъ 1890 г., стр. I—IV+1—59. Цѣна 40 к.

Мельникъ К. Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поль въ Екатеринославѣ. Выпускъ I. Кіевъ 1893 г., стр. 1—219+Географическій указатель (стр. 1—217)+14 таблицъ рисунковъ. Цѣна 3 р. 50 к.

Мирный Панасъ. Збираныця зъ ридного поля. Приповистки, оповидання и драматычни творы. Кіевъ 1886 г., стр. 1—124. Цѣна 50 к.

Мирный Панасъ. Перемудрывъ. Комедія въ пьяты справахъ. Кіевъ 1886 г., стр. 1—214. Цѣна 75 к.

Михальчукъ К. Къ южно-русской діалектологіи (А. И. Соболевскій. „Очеркъ русской діалектологіи. III. Малорусское нарѣчіе.") (Брошюра-оттискъ), Кіевъ 1893 г., стр. 1—35. Цѣна 20 к.

Мищенко Ѳ. Г. П. Галаганъ (некрологъ). Кіевъ 1883 г., стр. 1—22. Цѣна 20 к.

Мордовцовъ Данило. Салдатка. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—26 Цѣна 5 к.

Н.

Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 года и акты о выборахъ депутатовъ въ коммиссію сочиненія Уложенія. Кіевъ 1889 г., стр. 1—292+I—XX. Цѣна 1 р.

Науменко В. Александръ Федоровичъ Кистяковскій (Біографическій очеркъ съ отрывкомъ изъ рукописной автобіографіи его) Кіевъ 1895 г., стр. 1—43+портретъ. Цѣна 30 к.

Науменко В. Отечественный языкъ, какъ предметъ гимназическаго курса. (Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи). Кіевъ 1881 г., стр. 1—26. Цѣна 20 к.

Науменко В. Примѣрная программа преподаванія русскаго языка въ низшихъ классахъ гимназіи. Кіевъ 1894 г., стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Науменко В. Александръ Алексѣевичъ Корсунъ (Некрологъ). Брошюра оттискъ, стр. 450—461. Цѣна 10 к.

Науменко В Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. Брошюра-оттискъ, стр. 1—12. Цѣна 10 к.

Науменко В. О задачахъ преподаванія отечественной словесности. Рѣчь на торжественномъ актѣ Кіевской 2-ой Гимназіи. Кіевъ 1888 г., стр. 1—16. Цѣна 15 к.

Науменко В. Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кіевъ 1889 г., стр. 1—90. Цѣна 60 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Ивана Петровича Котляревскаго. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Науменко В. Къ пятидесятилѣтію со дня кончины Григорія Федоровича Квитки-Основьяненка: 1) Біографическій очеркъ. 2) Квитка, какъ малорусскій писатель, передъ судомъ критики. Съ портретомъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—59 Цѣна 50 к.

Николайчикъ Ѳ. Новый источникъ о козацкомъ возстаніи 1625 г. и мѣсто заключенія Круковскаго договора. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—18. Цѣна 15 к.

Николайчикъ Ѳ. Отголосокъ лирницкаго языка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—10. Цѣна 10 к.

Номис. М. Українські приказки, прислівья и таке инше. Збірники О. В. Марковича и других. С.-Петербургъ 1865 г., стр. I—VII+1—304+I—XVII. Цѣна 2 р.

Н. О. Бунтъ Сквирскаго магистрата. Кіевъ 1888 г., стр. 1—50. Цѣна 35 к.

П.

Петровъ Н. Къ исторіи колонизаціи Слободской Украины. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—12. Цѣна 10 к.

П. Л. Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены Св. Равноапостольный князь Владиміръ и Св. княгиня Ольга, и имѣ-

емъ ли мы ихъ подлинныя изображенія? Кіевъ 1888 г., стр. 1—6. Цѣна 10 к.

Про кари, до якихъ присужують мирові судді. Кіевъ 1856 г, стр. 1—35. Цѣна 12 к.

Про холеру. Кіевъ 1875 г., стр. 1—48. Цѣна 7 к.

Р.

Р—а П. З. 1) Чорноморци у неволи. 2) Якъ чоловикъ конемъ бувъ. 3) Уласъ Павленко. Три оповидання. У Чернигови 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 5 к.

Рада. Украінський Альманахъ на 1883 рокъ. Частина перша. Видання М. Старицкого. Кіевъ 1883 г, стр. 1—470. Цѣна 2 р.

Р. Л. Н. Порча украинскихъ народныхъ пѣсенъ. Кіевъ 1893 г., стр. 1—15. Цѣна 15 к.

Романова Одарка. 1) Черствый пырожокъ. Казка. 2) Сватання Мороза. Зимня казочка. Кіевъ 1895 г., стр. 1—26. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Ивашко. Кіевъ 1895 г., стр. 1—38. Цѣна 10 к.

Романова Одарка. Якъ мене Маты Божа одъ гриха одвела. Правдыве оповидання. Кіевъ 1895 г., стр. 1—24. Цѣна 10 к.

Романовичъ-Славатинскій А. Воспоминанія объ архивѣ Государственнаго Совѣта. Кіевъ 1888 г., стр. 1—24. Цѣна 15 к.

Рудченко И. Я. Чумацкія народныя пѣсни. Кіевъ 1874 г., стр. I—XIII+1—257+3 таблицы нотъ. Цѣна 1 р 30 к.

Русовъ А. Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные Черниговскимъ статистическимъ отдѣломъ при губернской земской управѣ. Т. XV. Кролевецкій уѣздъ. Рецензія (Брошюра—оттискъ), стр. 1—13. Цѣна 10 к.

С.

Самойленко Володимиръ. Зъ его повзій. Частына перша. Кіевъ 1890 г, стр. 1—47. Цѣна 20 к.

* **Степовичъ А.** Разсвѣтъ, сборникъ. Ц. 1 р. Кіевъ 1893 г. 224 стр.

* **Степовичъ А.** Славянская Бесѣда. 2 части Ц. 1 р. 50 к. 248+110 стр.

* **Степовичъ А.** Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ въ рѣшеніи А. С. Будиловича. Кіевъ 1895 г. Ц. 20 к.

* **Степовичъ А.** Къ 100—лѣтію рожденія Я. Коллара. Кіевъ 1894 г. Ц 20 к.

* **Степовичъ А.** Славянскія нарѣчія. проф. Геблуэра переводъ и примѣчанія (одобр. М. Н Просвѣщ. для библіот. средн. уч. завед.) Ц. 50 к.

* **Степовичъ А.** Очеркъ исторіи чешской литературы (съ фотографич. снимкомъ съ Краледворск. р—си) 336+XIII стр. Кіевъ 1886 г. Ц. 1 р. 50 к. (Удостоенъ отъ Академіи Наукъ премія гр. Д. А. Толстаго).

* **Степовичъ А.** Главнѣйшія направленія въ нов. чешск. словесности. Лекція читан. въ у—тѣ для получ. званія прив. доцента. Кіевъ 1892. г. Ц. 15 к.

* **Степовичъ А.** Прив. доцентъ: Борьба и смѣна глав. направленій въ нов. сербской словесности. Вступит. лекція въ у—тѣ Св. Владим. Кіевъ 1895 г. Ц. 15 к.

Степъ. Херсонській беллетристычный сбирныкъ. Херсонъ 1883 г., С.-Петербургъ 1886 г., стр. 1—591. Цѣна 1 р. 25 к.

Сторожевъ В. Н Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII вѣка. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Стороженко Н. И. Первые четыре года ссылки Шевченка. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 15 к.

Стороженко А. В Леонардъ Совинскій. (Опытъ посмертной характеристики.) Кіевъ 1888 г., стр. 1—29 Цѣна 25 к.

Стороженко Олекса Закоханый чортъ. Оповідання, С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—34. Цѣна 7 к.

Стороженко Олекса. Вчи лінивого не молотомъ, а голодомъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—8. Цѣна 2 к.

Стороженко Олекса Се така баба, що ій чортъ на маховихъ вилахъ чоботы отдававъ. Оповідання. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—10. Цѣна 3 к.

Стороженко Олекса. Якъ Богъ дасть, то и въ вікно подасть. Оповіданія. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—13. Цѣна 3 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ Южную и Западную Россію Григоріанскій календарь. Кіевъ 1888 г., стр. 1—38. Цѣна 25 к.

Сумцовъ Н. Ѳ. Станиславъ Орѣховскій. Кіевъ 1888 г., стр. 1—20. Цѣна 20 к.

Сф. Кр. Особенности статистическаго изслѣдованія курской губерніи. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—31. Цѣна 20 к.

Слѣпушкинъ И. О томъ, какъ Богданъ Хмельницкій освободилъ Украину отъ польской неволи. Изданіе четвертое коммиссіи народныхъ чтеній. Кіевъ 1894 г., стр. 1—70. Цѣна 15 к.

Сборникъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Университета. Св. Владиміра. С.-Петербургъ 1895 г., стр. 1—30. Цѣна 2 р.

Т.

Тарасенко Иванъ. На Вкраини. Вирши, писни и пересивы. Кіевъ 1889 г., стр. 1—79. Цѣна 40 к.

Теличенко Ив. Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г. (Брошюра-оттискъ), стр. 1—27. Цѣна 20 к.

Ф.

Фэдькович. Осип. Повисти. З переднім словом про галицко-руське письменство. Мих. Драгоманова. Кіевъ 187 6 г. стр. I—LVI+1—95. Цѣна 1 р.

Ч.

Чулай Грыцько. Оповидання: 1) Якъ я шершнивъ зъ груши выкурювавъ. 2) Якъ я роя выгонявъ. 3) Божій попустъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Кіевъ 1891 г., стр. 1—63. Цѣна 15 к.

Чайченко В. 1) Пицпалъ. 2) Панько. Два оповидання. У Чернигови. 1894 г., стр. 1—28. Цѣна 3 к.

Чайченко В. Батько та дочка. Оповидання про те, якъ чоловикови пидъ землею въ шахти прыгода трапилася. У Чернигови 1894 г., стр. 1—36. Цѣна 5 к.

Чайченко В. Робинзонъ. Оповидання. Вдруге выдано зъ додаткамы та зъ выправкамы. У Чернигови 1894 г., стр. 1—87. Цѣна 10 к.

Ш.

Шевченко Т. Г. Тополя. Кіевъ 1891 г., стр. 1—14. Цѣна 3 к.

Шевченко Тарасъ. Перебендя. С.-Петербургъ 1862 г., стр. 1—6. Цѣна 2 к.

Щ.

Щербина В. Новые матеріалы для исторіи Руси Литовской и Московской въ концѣ XVI столѣтія. (Рецензія) (Брошюра оттискъ), стр. 1—22. Цѣна 15 к.

Щербина В. Три Шелеста. (Изъ исторіи Колеивщины). (Брошюра - оттискъ). 1—8. Цѣна 10 к.

Щербина В. Готлибъ - Самуилъ Трейеръ и его сочиненія по исторіи Московскаго государства. (Брошюра - оттискъ). Кіевъ 1895 г., стр. 1—19 Цѣна 15 к.

Щербина В. Изъ семейнаго архива. 1) Записки Андрея Петровича Рудыковскаго (1796—1874). 2) Стихотворенія Евстафія Петровича Рудыковскаго (1784—1851). Кіевъ 1892 г., стр. 1—117. Цѣна 75 к.

Я.

Яструбецъ. Про звирив (по Брему) Мясоиди або хижи звири. I. Ведмедь. Кіевъ 1876 г., стр. 1—36. Цѣна 10 к.

Ящуржинскій Хр. Херсонесъ во время крещенія въ немъ Св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. Кіевъ 1983 г., стр. 1—10. Цѣна 10 к.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.